

Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

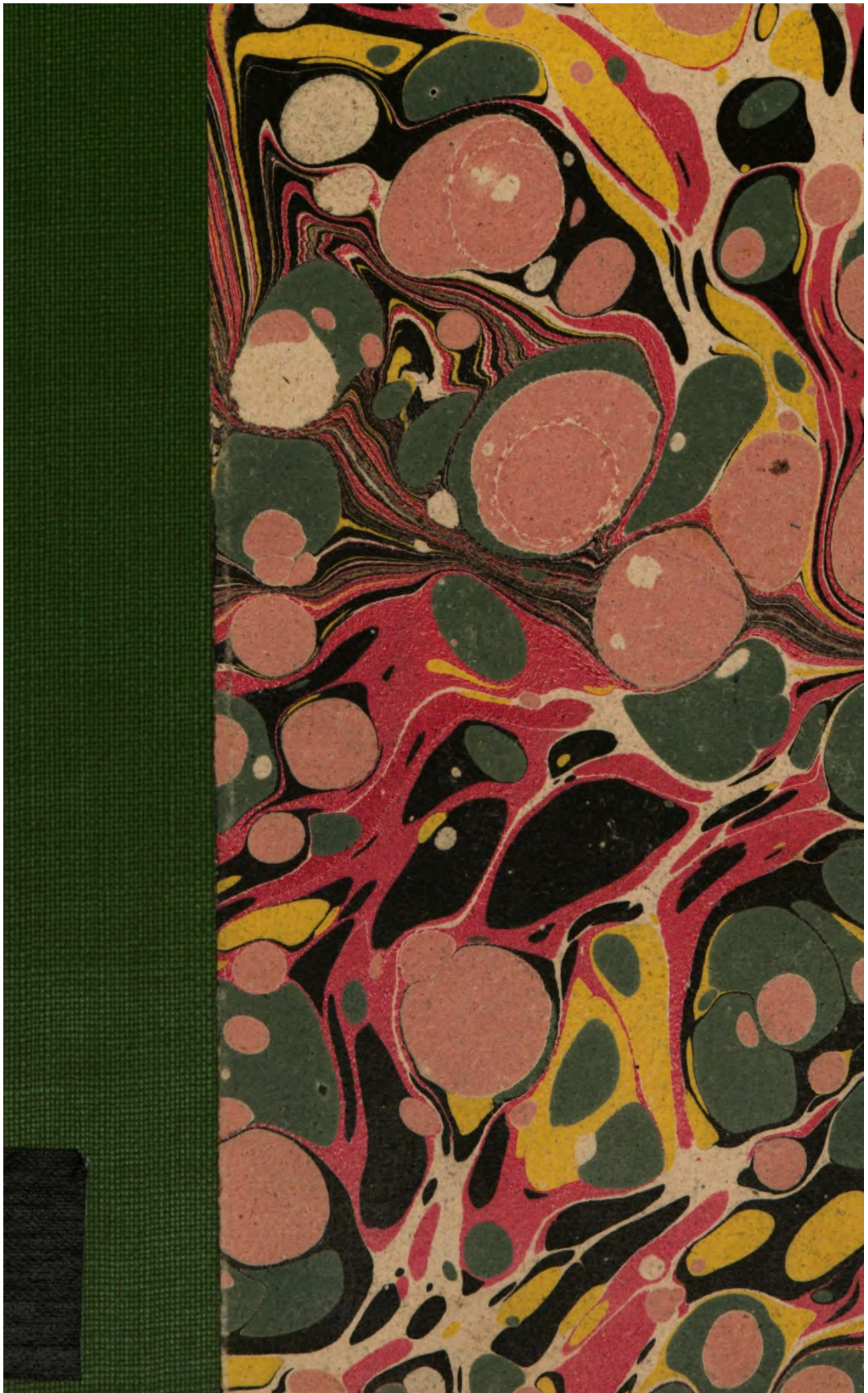
This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

<http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

Confined to Library

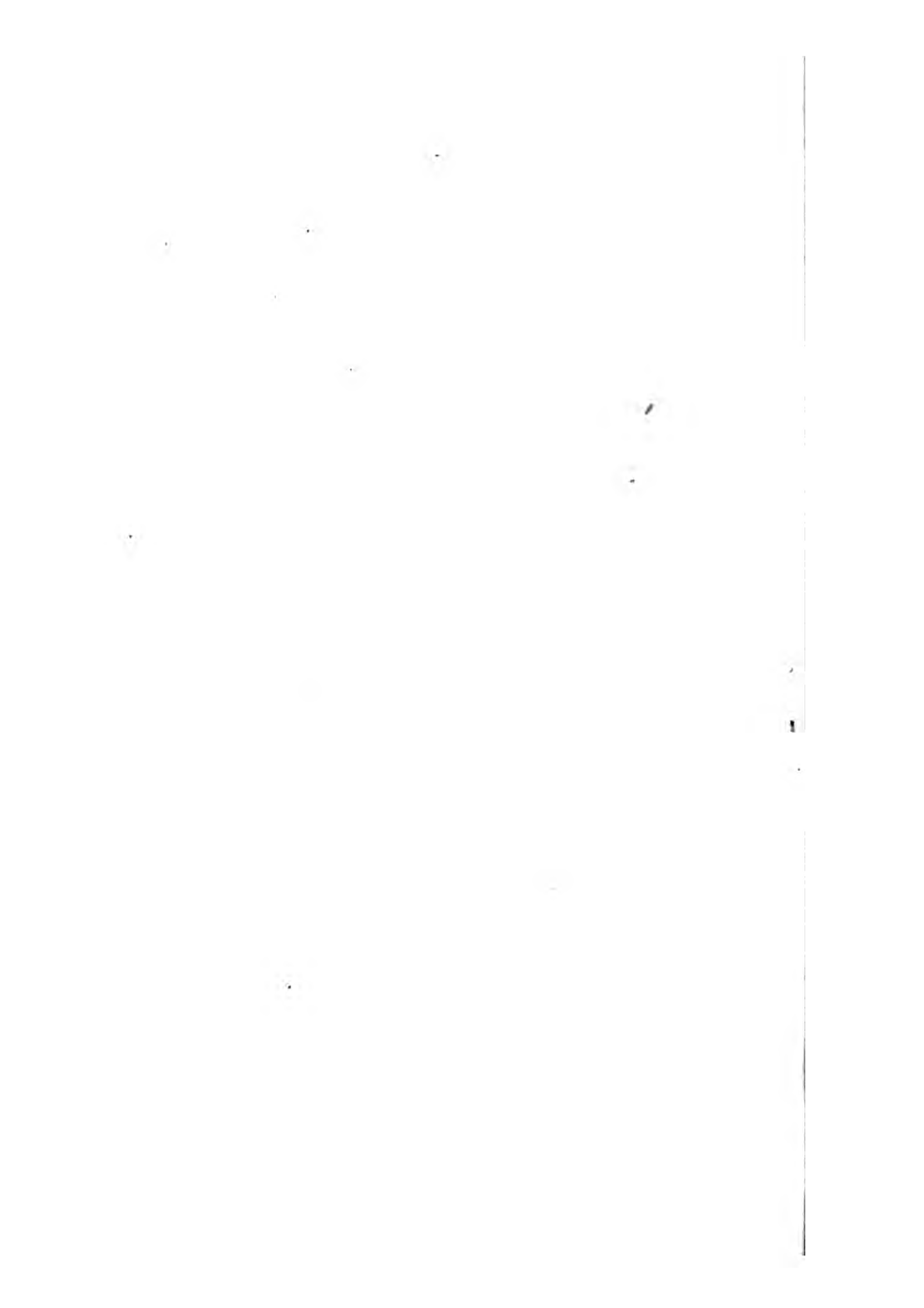

~~Vet. Slav. II B. 31~~

Vet. PG 3337.04.A6.S8

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. ОГАРЕВА,

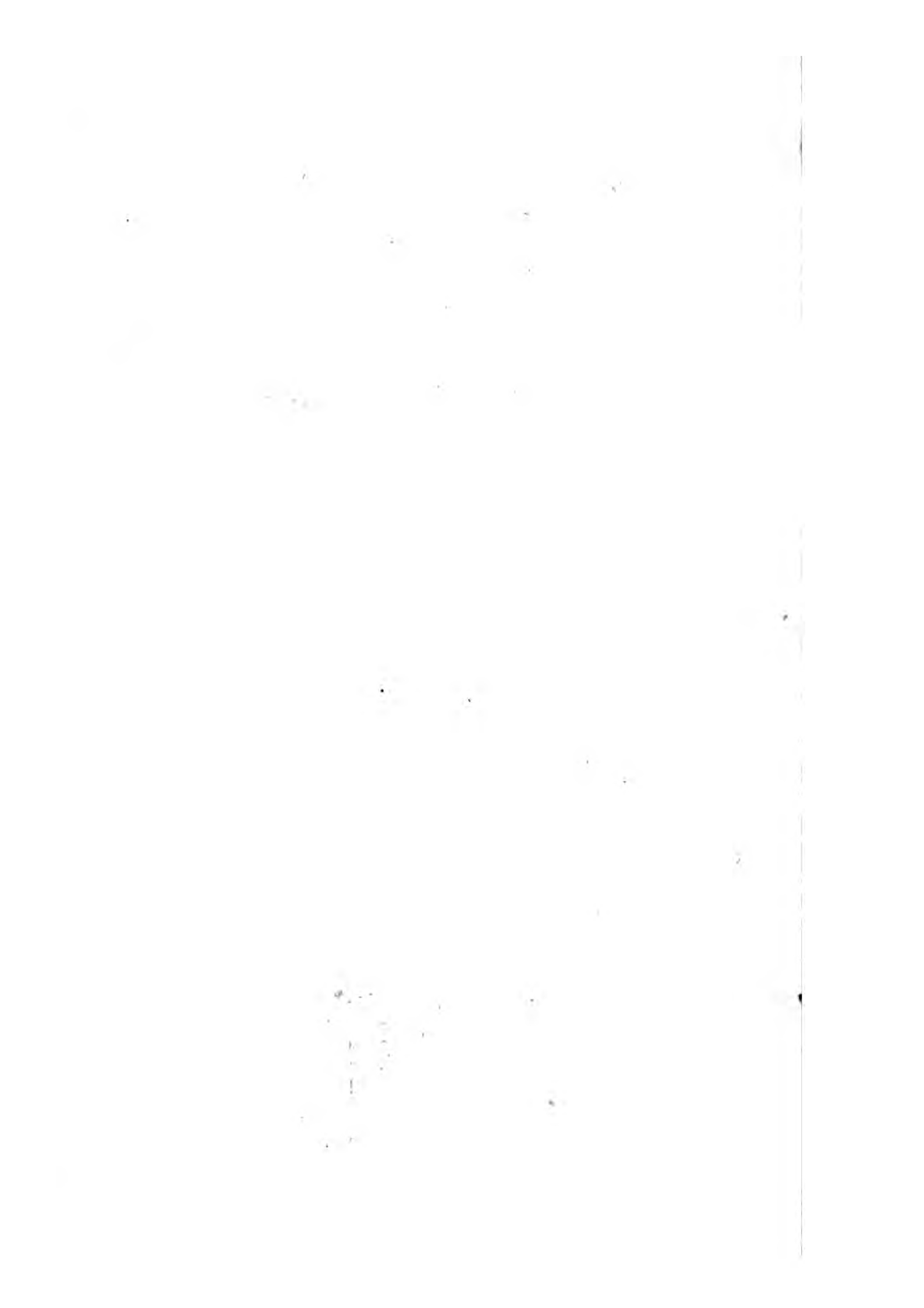

Изданіе П. Трюбнера и Ко.

LONDON,
TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1858.

ДРУЗЬЯМЪ.

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой,
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили,
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили.
Но мы вокругъ не встрѣтили участя,
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи и желты,—
И грустно мы остались между нами,
Сплетая дружно голыми вѣтвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ, и образовъ и думъ,
Въ душѣ глубоко погребли... И чтоже?
Упрекъ ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ?... Смиренье въ душу вложимъ,
И въ ней затворимся—безъ желчи, если можемъ.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

Старый домъ, старый другъ, посѣтилъ я
Наконецъ въ запусѣнныи тебя,
И бывое опять воскресилъ я,
И печально смотрѣлъ на тебя.

Дворъ лежалъ предо мной неметеный,
Да колодезь валился гнилой,
И въ саду не шумѣлъ листь зеленый—
Желтый тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.

Домъ стоялъ обвѣтшалаый уныло,
Штукатурка обилась кругомъ,
Туча сѣрая сверху ходила
И все плакала глядя на домъ.

Я вошелъ. Тѣже комнаты были—
Здѣсь ворчалъ недовольный старикъ;
Мы бесѣды его не любили—
Насъ страшилъ его черствый языкъ.

Вотъ и комнатка: съ другомъ, бывало,
Здѣсь мы жили умомъ и душой,
Много думъ золотыхъ возникало
Въ этой комнаткѣ прежней порой.

Въ ней звѣздочка тихо свѣтила,
Въ ней остались слова на стѣнахъ:
Ихъ въ то время рука начертила,
Когда юность кипѣла въ душахъ.

Въ этой комнаткѣ счастье былое,
Дружба свѣтлая выросла тамъ...
А теперь запустѣнье глухое,
Паутины висятъ по угламъ.

И мнѣ страшно вдругъ стало. Дрожалъ я,
На кладбищѣ я будто стоялъ,
И родныхъ мертвецовъ вызывалъ я,
Но изъ мертвыхъ никто не возсталъ.

КРЕМЛЬ

За тучами чуть видима луна,
Бѣлѣть снѣгъ въ туманномъ освѣщеньи,
Безмолвны стогны, всюду тишина,
Исчезло дня бродящее движенье.
Старинный Кремль угрюмо задремалъ
Надъ берегомъ рѣки оледенѣлой,
И колоколь гудящій замолчалъ,
Затворенъ храмъ и теремъ опустѣлый.
Какъ старый Кремль въ полночной тишинѣ
Является и призраченъ и страшенъ,
Въ своей зубчатой затворясь стѣнѣ
И вѣя холодомъ угрюмыхъ башенъ!
Лежитъ повсюду мертвенный покой—
Его кругомъ ничто не возмущаетъ,
Лишь каждый часъ часовъ унылый бой
О ходѣ времени напоминаетъ.

ПУТНИКЪ.

Долъ туманень, воздухъ сыръ,
Туча небо кроетъ,
Грустно смотреть тусклый міръ,
Грустно вѣтеръ воетъ.

Не страшися, путникъ мой,
На землѣ все битва;
Но въ тебѣ живетъ покой,
Сила да молитва.

ДЕРЕВЕНСКІЙ СТОРОЖЪ.

Ночь темна, на небѣ тучи,
Бѣлый снѣгъ кругомъ,
И разлитъ морозъ трескучій
Въ воздухѣ ночномъ.

Вдоль по улицѣ широкой
Избы мужиковъ —
Ходитъ сторожъ одинокій,
Слышенъ скрипъ шаговъ.

Зябнетъ сторожъ, вьюга смѣло
Злитъя вокругъ него,
На морозѣ побѣлѣла
Борода его.

Скучно ! радость измѣнила,
Скучно одному ;
Пѣснь его звучитъ уныло
Сквозь мятель и тьму.

Ходить онъ въ ночи безлунной,
Бѣла утра ждетъ
И въ края доски чугунной
Съ тайной грустью бьетъ,

И качаясь завываетъ
Звонкая доска...
Пуще сердце замираетъ,
Тяжелѣй тоска !

GUTE GESELLSCHAFT.

Какъ эти люди скучны, глупы,
Какъ ихъ безмысленны слова,
Какъ шутки ихъ несносно тупы
И какъ пуста ихъ голова !
Какъ сердце ихъ черство и вяло,
Какъ пышетъ холодомъ отъ нихъ !
Какую желчь въ меня вливала
Бесѣда сладостная ихъ !
Подите прочь !... Вотъ вамъ дорога—
Большая, — можете идти !
Меняжь забудьте, ради Бога,
Вы на проселочномъ пути !

FASHIONABLE.

Я люблю, мой fashionable,
Ваши рѣчи и ухватки ;
Ваши рѣчи ужь конечно
И остры и очень сладки.

Какъ вы мило говорите,
Сидя близь аристократки, —
Каламбуры, анекдотцы,
Комплименты и загадки.

Если вы въ лорнетъ глядите,
То вдругъ смѣло, то украдкой —
Я люблюсь вашей ручкой,
Вашей лайковой перчаткой.

Но нельзя-ли издали мнѣ
Наслаждаться рѣчью сладкой,
И не жмите вы руки мнѣ
Вашей лайковой перчаткой !

ВЕЧЕРЪ.

Когда настанетъ вечеръ ясный,
Люблю на берегу пруда
Смотрѣть, какъ гаснетъ день прекрасный
И загорается звѣзда,
Какъ ласточка, неувовимо
По лону водъ скользя крыломъ,
Несется быстро, быстро мимо—
И исчезаетъ...Смутнымъ сномъ
Тогда душа полна бываетъ —
Ей какъ-то грустно и легко,
Воспоминанье увлекаетъ
Ее куда-то далеко.
Мнѣ грезятся иные годы,
Такой-же вечеръ у пруда,
И тихо дремлющія воды,
И одинокая звѣзда,
И ласточка—и все, что было,
Что сладко сердце разбудило
И промелькнуло навсегда.

КЪ Д***

Какъ все чудесно стройно въ васъ—
Вашъ русый локонъ, ликъ вашъ нѣжный,
Покой и томность сѣрыхъ глазъ,
И роскошь поступи небрежной !
Увидя васъ, конечнобъ могъ
Любить васъ тотъ, чья мысль далеко
Отъ страсти знойной и тревогъ,
Кто любить тихо и глубоко.
Онъ, въ созерцанье погружась,
Отъ васъ отвести не могъ бы взора. . .
Но страшно мнѣ глядѣть на васъ !
Завестъ не смѣю разговора,
Боюсь узнать, что вы пусты,
Что вы ничтожной суетою
Въ холодномъ сердцѣ заняты ;
Боюсь я въ памяти съ собою
Унести прекрасныя черты
Съ сухой и мелкою душою.

МНОГО ГРУСТИ!

Природа зноемъ дня утомлена
И просить вечера скорѣй у Бога,
И вечеръ встрѣтитъ съ радостью она,
Но въ этой радости какъ грусти много!

И тотъ, кому ужъ жизнь давно скучна,
Онъ просить старости скорѣй у Бога,
И смерть ему на радость суждена,
Но въ этой радости какъ грусти много!

А я и молодъ, жизнь моя полна,
На радость мнѣ любовь дана отъ Бога,
И пѣснь моя на радость мнѣ дана,
Но въ этой радости какъ грусти много!

Когда тревогою бесплодной
Моя душа утомлена
И я брожу въ тоскѣ холодной,
И жизнь мнѣ кажется скучна,
И мнѣ случится ненарочно
Увидѣть, какъ въ безпечномъ свѣ
Лежить младенецъ непорочный
Какъ ангель Божій — легче мнѣ.
Гляжу я долго на ребенка :
Какъ хорошо, невинно онъ
Раскинулъ пожки и ручѣнки !
Какой онъ грезить свѣтлый сонъ !
Легко улыбка сохранилась
На чуть-растворенныхъ устахъ,
И тихо мать надъ нимъ склонилась
Съ такою нѣжностью въ очахъ...
Мнѣ легче, да ! и въ умиленьи
Я такъ глубоко вѣрю, вновь,
Что на землѣ есть наслажденье,
Есть чистота и есть любовь.

ВСТРѢЧА.

Друзья они смолоду были,
Но рано разстались они
И встрѣтились послѣ случайно
Черезъ долгіе годы и дни.

И какже они удивились!
Ужъ лица наморщены ихъ,
И головы были сѣдыя,
И сгорблены спины у нихъ.

Старикъ старику подалъ руку
И молча смотрѣлъ — и никто
Изъ нихъ не сказалъ, сколько было
Имъ внутреннихъ бурь прожито.

Она никогда его не любила,
А онъ ее втайнѣ любилъ ;
Но онъ о любви не выронилъ слова :
Въ себѣ ее свято хранилъ.

И въ церквѣ съ другимъ она обвѣнчалась ;
По прежнему вхожъ онъ былъ въ домъ,
И молча въ лицо глядѣлъ ей украдкой,
И долго томился потомъ.

Она умерла. И днемъ онъ и ночью
Все къ ней на могилу ходилъ ;
Она никогда его не любила,
А онъ о ней память любилъ.

ФАНТАЗІЯ.

Свѣча горитъ. Печальнымъ полусвѣтомъ
 Лучи блуждаютъ по стѣнѣ пустой,
 Иль бродятъ по задумчивымъ портретамъ.
 Закрѣлъ я книгу. Съ буквою нѣмой
 Разстался наконецъ. Что толку въ этомъ?
 Душа бѣжитъ учености сухой.
 Теперь хочу роскошныхъ наслажденій,
 И на яву я жажду сновидѣній.

Какой-то звукъ, то робкій, то мятежный,
 Въ ночи звучитъ; я музыкою полнъ,
 Я весь въ мелодіи теряюсь нѣжной...
 Мнѣ грезится: качаясь, легкой челнъ
 Меня влечетъ, шумитъ тростникъ прибрежный,
 И звученъ плескъ въ рѣкѣ бѣгущихъ волнъ,
 Мнѣ съ береговъ цвѣты благоухаютъ,
 Сквозь тонкій паръ съ небесъ луна сіяетъ.

Вотъ предо мной во мглѣ лежитъ Веррона...
 Чуть дышетъ воздухъ теплый, ночь пышна,
 Джульеты голосъ слышенъ мнѣ съ балкона...
 Ребенокъ страстный—вся любовь она.

Но кто поеть? Ты-ль это, Дездемона?
Какъ пѣснь твоя мечтательно грустна!
Душа полна любви, полна желаній,
И съ устъ невинныхъ жажду я лобзаній.

Я забываюсь въ сладкомъ усыпленьи,
И тѣни милыя передо мной
Въ причудливомъ несутся сновидѣньи.
Я счастливъ, я блаженствую душой...
Но будить вдругъ внезапное волненье,
Еще ловлю я сонъ прекрасный мой,
Душа груститъ, стремяся и желая,
Трещить свѣча, печально догорая...

ЗВУКИ.

Какъ дорожу я прекраснымъ мгновеньемъ!
Музыкой вдругъ наполняется слухъ,
Звуки несутся съ какимъ-то стремленьемъ,
Звуки откуда-то льются вокругъ,
Сердце за ними стремится тревожно,
Хочетъ за ними куда-то летѣть—
Въ эти минуты растаять-бы можно,
Въ эти минуты легко умереть.

КЪ ***.

Вы были дѣвочкой, а я
Ужъ юношей. Такъ мы разстались;
Съ тѣхъ поръ и молодость моя
И ваше дѣтство миновались.
И вотъ опять я встрѣтилъ васъ...
Ну, чтожъ вы дѣлали? какъ жили?
Не скроете—изъ вашихъ глазъ
Я узнаю, что вы любили,
Что съ сердцемъ страсть была дружна
И познакомило страданье,
И жизнь, быть можетъ, лишена
Давно для васъ очарованья...
Не правдаль, страшно схоронить
Любовь, которой сердце жило,
И пошло, холодно забыть
И страсть, и грусть, и все, что мило?
Еще страшнѣй сказать себѣ,
Что все проходить непременно,
Что въ человѣческой судьбѣ
Такъ надо, такъ обыкновенно...
Но вы, признайтесь—вамъ вѣдь жаль
Души прошедшую печаль?

ПОЛДЕНЬ.

Полуднемъ жаркимъ ухожу я
На отдыхъ праздный въ темный лѣсъ
И тамъ ложусь и все гляжу я
Между вершинъ на даль небесь.
И безконечно тонуть взоры
Въ ихъ отдаленнѣ голубомъ;
А лѣсъ шумить себѣ кругомъ,
И въ немъ ведутся разговоры:
Щебечеть птица, жукъ жужжить,
И листь засохшій шелестить,
На хворостъ падая случайно—
И звуки всѣ такъ полны тайной...
Въ то время страннымъ чувствомъ мнѣ
Всю душу сладостно объемлетъ;
Теряясь въ синей вышинѣ,
Она лѣсному гулу внемлетъ
И въ забытѣи какомъ-то дремлетъ.

КАБАКЪ.

Выпьемъ что-ли, Ваня,
Съ холода да съ горя;
Говорять, что пьянымъ
По колѣно море.
У Антона дочь-то
Дѣвка молодая:
Очи голубыя,
Славная такая.
Да богатъ онъ, Ваня:
На отрѣзъ откажетъ;
Вѣдь сгоришь съ стыда, братъ,
Какъ на дверь укажетъ.
Что я ей за пара?
Скверная избушка...
А оброкъ-то, Ваня,
А кормить старушку!
Выпьемъ что-ли съ горя?
Эхъ, братъ! да едва-ли
Бѣдному за чаркой
Позабыть печали!

NOCTURNO.

Какъ пусть мой деревенскій домъ
Угрюмый и высокій!
Какую ночь провелъ я въ немъ
Безсонно, одинокій!
Ужъ были сумракомъ давно
Окрестности одѣты,
Луна свѣтила сквозь окно
На старые портреты;

А я задумчивой стопой
Ходилъ по звонкой залѣ,
Да тѣнь еще моя со мной—
Мы двое лишь не спали.
Деревья темныя въ саду
Качали все вѣтвями,
Въ просонкахъ гуси на пруду
Кричали надъ волнами,

И мельница, грозя крыломъ
Мнѣ издали махала,
И церковь бѣлая съ крестомъ
Какъ призракъ возставала.
Я ждалъ знакомыхъ мертвецовъ—
Не встанутъ-ли вдругъ кости,
Съ портретныхъ рамъ, изъ тьмы угловъ
Не явятся-ли въ гости?...

И страшень былъ пустой мнѣ домъ,
Гдѣ шагъ мой раздавался,
И робко я внималъ кругомъ,
И робко озирался.
Тоска и страхъ сжимали грудь
Среди безсонной ночи,
И вовсе я не могъ сомкнуть
Встревоженные очи.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Хотя живу я и давно,
Душа привычкѣ непослушна
Съ людьми встрѣчаться холодно
И разставаться равнодушно.

Я имя темное въ альбомъ
И грустный стихъ вамъ на прощанье
Пишу, чтобы оставить въ немъ
Вамъ о себѣ воспоминанье.

Въ часы надменной суеты,
Въ часы тщеславнаго веселья,
Альбома этого листы
Вы не тревожьте отъ бездѣлья.

И не ищите строкъ моихъ—
Онѣ покажутся вамъ скучны;
Вы взоръ уроните на нихъ,
И отведете равнодушно.

Но если будетъ грустно вамъ,
Тогда альбомъ вы разверните,
Рукой тревожною вы тамъ
Страницу эту отыщите,

И на печальный вашъ призывъ,
На голосъ тайнаго недуга
Найдете вы себѣ отзывъ
И теплое участие друга.

МЛАДЕНЕЦЪ.

Сидѣла мать у колыбели ;
Дитя спало, но въ странномъ снѣ :
Его уста ужь не алѣли,
А будто улыбались мнѣ.
Свѣча бросала отблескъ блѣдный,
Ребенокъ блѣденъ былъ лицомъ.
Я думалъ : спи, малютка бѣдный,
Пока ты съ горемъ не знакомъ.

Придетъ пора—и вспыхнуть страсти,
Въ сомнѣньяхъ истомится умъ,
И станеть рваться грудь на части,
И лобъ наморщится отъ думъ ;
И, можетъ-быть, среди обмана
Надеждъ напрасныхъ и суеть,
Ты пожалѣешь слишкомъ рано
О томъ, что былъ рожденъ на свѣтъ.

И я на мать взглянулъ уныло—
Увидѣль слезы на глазахъ,
Лицо ея такъ грустно было,
Такъ много скорби на устахъ.
Я подошелъ : передо мною
Лежало мертвое дитя,
А мать качала головою—
И въ холодъ бросило меня...

ПРОМЕТЕЙ.

Прочь, коршунъ ! больно ! Подлый рабъ,
Палачъ Зевеса !...О, когда бь
Мнѣ эти дѣпи не мѣшали,
Какъ безпощадно-бь руки сжали
Тебя за горло ! Но безъ силъ,
Къ скалѣ прикованный, безъ воли,
Я грудь мою тебѣ открылъ
И каждый мигъ кричу отъ боли,
И замираю каждый мигъ...
На мой безумно-жалкій крикъ
Проснулся отголосокъ дальній,
И вѣтеръ жалобно завылъ
И прочь рванулся что есть силъ,
И закачался лѣсъ печальный ;
Испуга барсъ не превозмогъ —
Сверкая желтыми глазами,
Онъ въ чащу кинулся прыжками ;
Туманъ сѣдой на горы легъ
И море дальнее о скалы
Дробясь, глухо застонало...

Одинъ спокоенъ царь небесъ—
Ничѣмъ не тронулся Зевесъ !

Завистникъ ! Онъ забыть не можетъ,
Что я творецъ, что онъ моихъ
Созданій вѣкъ не уничтожить ;
Что я съ небесъ его для нихъ
Унесъ огонь неугасимый...
Ну чтоже, богъ неумолимый,
Ну, мучь меня ! Еще ко мнѣ
Пошли хоть двадцать птицъ голодныхъ,
Неутомимыхъ, безотходныхъ,
Чтобъ рвали сердце мнѣ онѣ—
А всежъ людей я создалъ !—Твердый,
Смѣясь надъ злобою твоей,
Смотрю я, непокорный, гордый,
На красоту моихъ людей.
О ! хорошо ихъ сотворилъ я,
Во всемъ подобными себѣ :
Огонь небесный въ нихъ вселилъ я
Съ враждою вѣчною къ тебѣ,
Съ гордыней вольною Титана
И непокорностью судьбѣ.

Рви, коршунъ, глубже въ сердце рану —
Она Зевесу лишь позоръ !
Мой крикъ пронзительный — укоръ
Родить въ душахъ моихъ созданій ;
За даръ томительный страданій
Дойдутъ проклятья до небесъ—

Къ Тебѣ, завистливый Зевесъ !
А я, на вѣчное мученье
Тобой прикованный къ скалѣ,
Найду повсюду сожалѣнье,
Найду любовь по всей землѣ,
И въ людяхъ, гордый самъ собою,
Я наругаюсь надъ тобою.

ОБЫКНОВЕННАЯ ПОВѢСТЬ.

Была чудесная весна !
 Они на берегу сидѣли —
 Рѣка была тиха, ясна,
 Вставало солнце, птички пѣли ;
 Тянулся за рѣкою доль,
 Спокойно, пышно зеленѣя ;
 Вблизи шиповникъ алый цвѣлъ,
 Стояла темныхъ липъ аллея.

Была чудесная весна !
 Они на берегу сидѣли—
 Во цвѣтѣ лѣтъ была она,
 Его усы едва чернѣли.
 О, еслибъ кто увидѣлъ ихъ
 Тогда, при утренней ихъ встрѣчѣ,
 И лица-бъ высмотрѣлъ у нихъ,
 Или подслушалъ бы ихъ рѣчи—
 Какъ былъ бы милъ ему языкъ,
 Языкъ любви первоначальной !
 Онъ вѣрно бъ самъ, на этотъ мигъ,
 Разцвѣлъ на днѣ души печальной !...

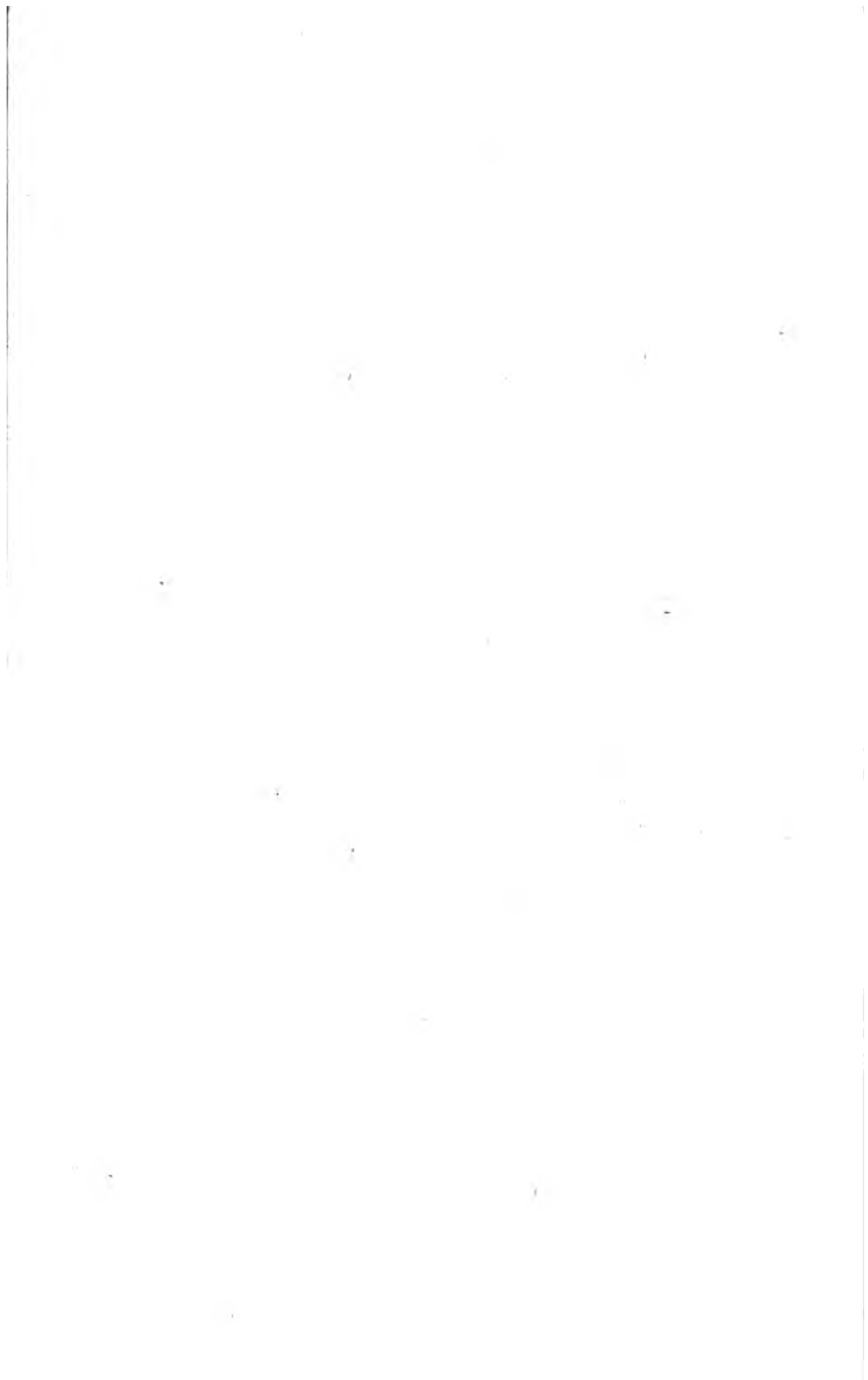
Я въ свѣтѣ встрѣтилъ ихъ потомъ :
Она была женой другаго,
Онъ былъ женатъ, и о быломъ
Въ поминѣ не было ни слова.
На лицахъ видѣнъ былъ покой,
Ихъ жизнь текла свѣтло и ровно,
Они, встрѣчаясь межъ собой,
Могли смѣяться хладнокровно...
А тамъ, по берегу рѣки,
Гдѣ цвѣлъ тогда шиповникъ алый,
Одни простые рыбаки
Ходили къ лодкѣ обвѣтшалою
И пѣли пѣсни—и темно
Осталось, для людей закрыто,
Что было тамъ говорено
И сколько было позабыто.

Ю М О Р Ъ

Du Geist des Widerspruchs, nur zu
Du magst mich führen.

GÖTTE (*Faust*).

(1841).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

.....Небрежный плод мнѣ забавъ,
Бессонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Пушкинъ.

I.

Подъ часъ, не знаю почему
Меня страшить моя Россія;
Мы къ сожалѣнью моему,
Не справимся съ временъ Батыя,
У насъ простора нѣтъ уму,
Въ своемъ углу какъ проклятые
Мы неподвижны и гнѣемъ,
Не помышляя ни о чемъ.

Куда ни взглянешь—все тоска,
На улицахъ все снѣгъ, да холодъ,
Къ томужъ и жизнь намъ не легка:
Вездѣ безденежье да голодъ,
Министромъ Вронченко пока;
Канкринъ ужъ слишкомъ былъ немолодъ,
На лажъ ужасно что то скупъ,
А рубль цѣлковый очень глупъ.

Въ литературѣ, о друзья,
 (Хоть самъ пишу, о томъ ни слова)
 Не много проку вижу я.
 Въ Москвѣ все проза Шевырева —
 Весьма фразистая статья,
 Даютъ Парашу Полеваго .
 И плачетъ публика моя;
 Пѣвцы замолкли, Пушкинъ стихъ,
 Хромаеть тяжко вялый стихъ.

Нѣтъ виновать!—есть, есть поэтъ,
 Хоть онъ и офицеръ армейской;
 Что дѣлать, такъ нашъ созданъ свѣтъ,—
 У насъ въ странѣ Гипперборейской
 Чуть есть талантъ, ужъ съ раннихъ лѣтъ—
 Иль подъ надзоръ онъ полицейской
 Попалъ, иль вовсе сосланъ онъ.
 О немъ писалъ и Виссаріонъ.

Но перервемте'эту рѣчь,
 Литература надоѣла;
 Пусть пишетъ Несторъ, пишетъ Гречъ,
 Что намъ до этого за дѣло?
 Позвольте на диванъ мнѣ лечь;
 Закуримъ трубку—вотъ въ чемъ смѣло
 Могу увѣрить васъ: сей дымъ
 Ужъ нынче дамамъ невредимъ.

Да, въ этомъ есть успѣхъ у насъ,
 Ужъ вовсе время исчезаетъ
 Олигархическихъ проказъ;
 Насъ спѣсь уже не забавляетъ,
 Въ гостинныхъ скучно намъ подь часъ,
 На балахъ молодежь зѣваетъ,
 Гулять не ходить на бульваръ,
 У ней въ чести Швалье да Яръ.

Порой и я—извѣстно вамъ,
 Люблю одну, двѣ, три бутылки
 Хоть съ вами выпить пополамъ;
 Умы становятся такъ пылки,
 Дается воля языкамъ,
 А тамъ ложись хоть на носилки...
 Но я боюсь за одно:
 Ну надоѣсть намъ и вино?...

Тогда что дѣлать? Часъ избравъ
 Ступай въ деревню, мой пріятель,
 Агрономическихъ забавъ,
 Усердный сдѣлайся искатель,
 Паши три дня и будешь правъ;
 Я о крестьянахъ какъ писатель
 Сказалъ бы много—но молчу;
 Не то чтобъ...просто не хочу.

Но мнѣ въ деревнѣ не живать;
 Какъ запереться въ юныхъ лѣтахъ!
 Я въ полкъ собираюсь, щеголять
 Хочу въ усахъ и въ эполетахъ,
 Скакать верхомъ и разсуждать
 О разныхъ воинскихъ предметахъ;
 Навѣрно быть могу я, другъ,
 Монтекукули иль Мальбругъ.

А можетъ быть и сей удѣлъ
 Пройдетъ сквозь пальцы—и на свѣтѣ
 Останусь я безъ всякихъ дѣлъ,
 Подумаю о пистолетѣ,
 Скажу, что свѣтъ мнѣ надоѣлъ,
 Что ничего ужъ нѣтъ въ предметѣ,
 Взведу курокъ...о человѣкѣ!
 Минута, и твой конченъ вѣкъ!

Скажу и брошу пистолетъ,
 Спрошу печально чашку чая,
 Торговли нашей лучшій цвѣтъ;
 А жалоѣ мнѣ удѣлъ Китая.
 У Альбіона чести нѣтъ;
 Святую совѣсть забывая,
 Имѣя очень жадный нравъ,
 Не знаетъ онъ народныхъ правъ.

Хотѣлъ еще о томъ, о семъ,
О Франціи сказать два слова!
И съ вами разойтись потомъ,
Но мы до времени другаго
Отложимъ это—да о чемъ
Я началъ бишь? А! Вспомнилъ снова
О родинѣ. О край родной!
Но спать пора намъ, милый мой.

II.

А! Вы опять пришли ко мнѣ.
Давайтежъ говорить мы съ вами
О Франціи. Наединѣ
Оно позволено съ друзьями
И даже въ здѣшной сторонѣ,
Но съ затворенными дверями;
Не то, безъ церемоній васъ
Попросятъ къ Цынскому какъ разъ.

Я самъ былъ взятъ и потому
Кой что могу сказать объ этомъ;
Сперва я запертъ былъ въ тюрьму,
Гдѣ находился подъ секретомъ,
То есть, въ подвалѣ жилъ зиму
И возлѣ кухни грѣлся лѣтомъ,
Потомъ рѣшилъ нашъ приговоръ
Чтобъ былъ я сосланъ подъ надзоръ.

Но *satis, sufficit*, мой другъ,
 То есть, объ этомъ перестану.
 Мнѣ грустно нынче. Все вокругъ
 Такъ вяло—самъ я духомъ вяну;
 Самъ разстраиваю свой недугъ,
 Тревожу въ сердцѣ гдѣ-то рану.
 Занятъе глупое! Оно
 И больно очень и смѣшно.

Да какъ же быть? И еслибъ вамъ
 Въ себя всмотрѣться откровенно,
 Вы грусть и съ желчью пополамъ
 Въ душѣ нашли бы непременно.
 Въ халатѣ, дома, по коврамъ
 Ходилибъ молча совершенно,
 Иль напѣвалибъ—и въ такой
 Прогулкѣ шель бы день другой.

Сказать вамъ правду—это мы
 Давно привыкли звать хандрою,
 Недугъ, рожденный духомъ тьмы
 И вѣка странной пустотою,
 Охотой въ лѣсу средь зимы,
 Разладомъ съ міромъ и съ собою,
 Стремленьемъ наконецъ къ тому,
 Что недается никому.

Возмите факты, древній міръ
 Весь только жилъ для наслажденья;
 Но этотъ свержень былъ кумирь,
 И стали жить для размышленья—
 Тамъ съ міромъ, здѣсь съ собою миръ;
 У насъ же глупое смѣшенье:
 Всегда, одно другимъ губя,
 Мы только мучимъ лишь себя.

Неправда-ль сказано умно,
 Хотя поэзіи тутъ мало?
 Да что? Признаться вамъ, давно
 Все какъ то въ жизни прозой стало,
 Какъ отшипѣвшее вино
 Въ стеклѣ непитаго бокала,
 Отвыкли мы отъ сладкихъ слезъ,
 Отъ юныхъ шалостей и грезъ.

Какъ вспомнишь радость и печаль
 Что въ прежни годы волновали,
 Какъ намъ становится ихъ жаль!
 Какъ возвратить бы ихъ желали!
 Свята для насъ былого даль....
 И вотъ еще грустнѣй мы стали!
 Гдѣ сердца жаръ? Гдѣ пылъ въ крови?
 Гдѣ міръ мечтательной любви?

Быть влюблену въ то время мнѣ
 Быть можетъ раза два случилось,
 Тогда я плакалъ въ тишинѣ,
 При встрѣчѣ съ нею сердце билось,
 Блѣднѣли щеки,—въ каждомъ снѣ
 Передо мной она носилась,
 Я просыпался, а мой сонъ
 И на яву былъ продолженъ.

Но къ дѣлу, не теряя словъ.
 Великій прахъ изъ заточенья
 Прибылъ въ Парижъ—и Хомяковъ
 На этотъ счетъ стихотворенье
 (Прескверныхъ нѣсколько стиховъ)
 Въ журналѣ тиснулъ къ сожалѣнью.
 И потому, позвольте дать
 Совѣтъ, стиховъ вамъ не читать.

Да вообще журналовъ сихъ,
 Вы—много дѣлъ другихъ имѣя
 И не читайте. Что вамъ въ нихъ?
 Сенковскій все не любитъ Сея,
 Хотя и экономъ an sich,
 И деньги любитъ не краснѣя,
 (Что быть посажену въ тюрьму
 Преградъ не сдѣлало ему).

Потомъ объ укрѣпленьяхъ толкъ
Въ Парижѣ очень долго длился,
Ихъ строятъ чтобы рускій полкъ
Въ столицу міра не пробился.
Я патріотъ, свой знаю долгъ,
Но взять Парижа бѣ не рѣшился.
Я думаю, довольно съ насъ,
Когда мы усмиримъ Кавказъ.

Я на Кавказъ собираюсь самъ,
Быть можетъ нынѣшнимъ же лѣтомъ,
Взглянуть на горы и къ водамъ
(Больнымъ считаясь и поэтомъ).
Что жъ? Вмѣстѣ не угодно-ль вамъ?
Со мною согласитесь въ этомъ,
Что съ вами время тамъ вдвоемъ
Мы тихо, свято проведемъ.

Тамъ снѣжныхъ горъ... Но Боже мой
Объ этомъ сказано такъ много!
Замѣчу только — трудъ большой
Пускаться въ длинную дорогу,
Вы тамъ на станціи иной
Умрете съ голоду, ей Богу!
— Въ Парижѣ больше ничего
Нѣтъ для разбора моего.

III.

Снѣгъ желтый таетъ здѣсь и тамъ ;
Ужъ въ Мартѣ намъ не страшны стужи,
Весною вѣетъ воздухъ намъ,
Намъ ясный день сулитъ весну же,
И безбоязненно ушамъ
Торчатъ позволено наружѣ.
Хочу я васъ просить, другъ мой,
Пѣшкомъ гулять идти со мной.

Пойдемте прямо на бульваръ
Въ среду толпы надменно-праздной
Давнишнихъ барышень и баръ,
Гуляющихъ въ одеждѣ разной :
Б.....ъ Szafi, Jean Sbogar,
И рыцарь все однообразной,
Все вѣрный прежнихъ лѣтъ любви—
И всѣ они друзья мои.

Неправда-ль? Какъ кажусь я вамъ?
 Годился бь я въ арыстократы?
 Но мнѣ не ловко быть средь дамъ;
 Я primo человекъ женатый,
 Secondo мнѣ не по чинамъ
 (Хоть всѣмъ знакомъ я, какъ богатый ;)
 О tertio я умолчу,
 Его сказать я не хочу.

Къ томужь во мнѣ другая кровь,
 Въ душѣ совсѣмъ другая вѣра :
 Есть къ массамъ у меня любовь
 И въ сердцѣ злоба Робеспьера,
 Я гильотину ввелъ бы вновь...
 Вотъ исправительная мѣра !
 Но нѣтъ ее и только въ нихъ
 Могу я бросить желчный стихъ.

Признайтесь, горекъ нашъ удѣлъ :
 Здѣсь никого не занимаетъ
 Ходъ права и гражданскихъ дѣлъ.
 Иной лишь деньги наживаетъ,
 Другой чины, а тотъ не смѣлъ;
 Одинъ о выборахъ болтаетъ
 (Quoique, à vrai dire, on en rit)
 Дворянства Секретарь.....

Я съ тѣми врагъ кому знакомъ
 Разсудокъ черствый и не болѣ :
 Кто даже мертвымъ языкомъ
 Толкуеть о широкой волѣ,
 Кто только всѣхъ своимъ умомъ
 Занять стремится по неволѣ,
 Кому природы запертъ храмъ,
 Кто чуждъ поэзіи мечтамъ.

Пойдемте же ! Вотъ здѣсь, другъ мой,
 Увидимъ домъ, гдѣ я жилъ прежде,
 Любилъ любовь, былъ юнъ душой
 И вѣрилъ жизни и надеждѣ ;
 Сперва (обычай ужъ такой)
 Былъ Нѣмцу отданъ я невѣждѣ,
 Потомъ одинъ и въ двадцать лѣтъ
 Уже философъ и поэтъ.

О! годы свѣтлыхъ вольныхъ думъ
 И безпредѣльныхъ упованій !
 Гдѣ смѣхъ безъ желчи ? пира шумъ ?
 Гдѣ трудъ столь полный ожиданій ?
 Ужель совсѣмъ зачерствѣлъ умъ ?
 Ужели въ сердцѣ нѣтъ желаній ?
 Друзья ! Ужели въ тридцать лѣтъ
 Отъ насъ остался лишь скелетъ ?

Прошу не слушать, милый другъ,
 Когда я сѣтую, тоскую,
 Что все безжизненно вокругъ,
 Что самъ веду я жизнь пустую.
 Минутенъ право мой недугъ,
 Его я твердостью врачую
 И снова прежней вѣры полнъ
 Плыву противъ житейскихъ волнъ.

Къ чему грустить, когда съ небесъ
 Намъ блещетъ солнца лучъ такъ ясно?
 Вотъ запоютъ “Христось воскресъ”
 И мы обнимемъя прекрасно,
 А тамъ и дугъ и шумный лѣсъ
 Зазеленѣютъ ежечасно,
 И птицъ веселый караванъ
 Къ намъ прилетитъ изъ южныхъ странъ.

Къ чему грустить? Опять весна
 Восторговъ свѣтлыхъ, упованья
 И вдохновенія полна,
 И сердца скорбнаго страданья
 Развѣетъ такъ тепло она...
 Но мы оставимте гулянье—
 Имѣя въ мысли ширь полей
 Смотрѣть мнѣ скучно на людей.

IV.

Ужъ полночь. Дома я одинъ
Сижу и радъ уединенью.
Смотрю какъ гаснетъ мой каминъ
И думаю — все дня движенъе.
Весь быстрый рядъ его картинъ
Въ душѣ рожаютъ утомленъе.
Блаженъ кто можетъ хоть на мигъ
Урваться наконецъ отъ нихъ.

Я ѣзжу и хожу. Зачѣмъ?
Кого ищу? кому я нуженъ?
Съ людьми всегда я глупъ и нѣмъ,
(Не говорю о тѣхъ съ кѣмъ друженъе)
Свѣтъ не влечетъ меня ничѣмъ,
Въ немъ блескъ ничтоженъ и наруженъ.
Незнаю право, о друзья,
Къ чему весь день таскаюсь я!

Ужъ не душевный ли недугъ.
 Не сердца-ль тайная тревога
 Меня толкають? Шумъ и стукъ
 Не усыпляютъ ли не много
 Волненья нашихъ странныхъ мукъ
 И скуку жизни? Нѣтъ, ей Богу,
 Во внѣшности смѣшно искать
 Чѣмъ духъ развлечъ бы и занять.

Каминъ погасъ. Въ окно луна
 Мнѣ смотритъ блѣдно. Въ отдаленьи
 Собака лаетъ — тишина
 Потомъ ; — забытыя видѣнья
 Встають въ душѣ — она полна
 Давно угасшаго стремленья
 И тихо воскресаютъ въ ней
 Всѣ ощущенья прежнихъ дней.

Въ такую жъ ночь я при лунѣ
 Впервые жизнь созналъ душою,
 И пробудилась мысль во мнѣ,
 Проснулось чувство молодое
 И робкій стихъ я въ тишинѣ
 Чертилъ тревожною рукою.
 О Боже ! въ этотъ дивный мигъ
 Что есть святаго я постигъ.

Проснулся звукъ въ ночи нѣмой —
То звонъ заутрени несется,
То съ дѣтства слуху звукъ святой.
О! какъ отрадно въ душу льется
Опять торжественный покой,
Слеза дрожить, колѣно гнется,
И я молюся, мнѣ легко
И грудь вздыхаетъ широко.

Не все не все, о Боже, нѣтъ!
Не все въ душѣ тоска сгубила,
На днѣ ея есть тихій свѣтъ,
На днѣ ея еще есть сила,
Я тайной вѣрою согрѣтъ
И чтобы жизнь мнѣ ни сулила,
Спокойно я взгляну вокругъ —
И ясенъ взоръ и свѣтель духъ!

V.

Меня вы станете бранить,
Что патетическія строки
Сюда я вставилъ — я шутить
Готовъ опять и за уроки
Благодарю васъ. Можетъ быть
Въ моихъ стихахъ и есть пороки,
Но гдѣ жь ихъ нѣтъ? А въ свѣтлый часъ—
Какъ чувству не предаться разъ.

Вѣдь нуженъ же душѣ покой.
Вѣдь сердцу нужно наслажденье,
Не все же шлаться день деньской
Отъ апатіи и къ волненью,
Изъ клуба, да на балъ большой,
Отъ скуки важной да къ мученью
Отъ.....
Вѣдь силъ нѣтъ что ни говори.

По четвергамъ иль въ день другой
 Вы не являлись ни разу?
 Съ ученой женщиной иной
 Выдумывать несносно фразу;
 Ее бѣгите вы, другъ мой
 Какъ ядовитую заразу...
 Я лучше между всѣхъ сихъ лицъ
 Люблю хорошенькихъ дѣвицъ.

Онѣ такъ молоды; ихъ взоръ
 Такъ простудушно миль и нѣженъ,
 Ихъ шаловливый разговоръ
 Скользить шутя, всегда небреженъ,
 Люблю ихъ слушать легкій вздоръ,
 Я съ ними весель, безмятеженъ
 И какъ то молодѣю я,
 Иль даже становлюсь дитя.

И право счастливъ каждый разъ,
 Когда средъ жизни обвѣтшалою
 Ребенкомъ дѣлаюсь подъ часъ;
 Забывъ тоску и нравъ мой вялый,
 Отъ заднихъ мыслей отступясь,
 Я вспоминаю мигъ бывалою,
 Моихъ младенческихъ забавъ;
 А въ лѣтахъ человѣкъ лукавъ.

Я помню домъ, пруды и садъ,
 И няню...толстаго сосѣда
 Съ гурьбой его румяныхъ чадъ,
 Къ намъ прїѣзжавшихъ въ часъ обѣда.
 О какъ тогда я жить былъ радъ!
 Но тѣхъ дѣтей не знаю слѣда,
 Мой садъ заглохъ, ужъ няни нѣтъ
 И умеръ толстый нашъ сосѣдъ.

Проходить все, всему свой вѣкъ,
 Бородъ не брили наши дѣды
 И глупъ былъ рускій человѣкъ,
 Его тогда бивали Шведы,
 Палачъ пыталъ его и сѣкъ;
 Теперь же мы вожди побѣды
 И предковъ Петръ пересоздавъ,
 Пожаловалъ имъ много правъ.

Не рѣжетъ кнутъ дворянскихъ спинъ,
 Налоги платить только масса,
 Служить мы можемъ до сѣдинъ
 Начавъ съ четырнадцата класса,
 (Вѣдь надо же имѣть намъ чинъ)
 А если служба не далася,
 Мы регистраторомъ всегда
 Въ отставку выйдемъ, господа.

И выйдемте ! что намъ служить ?
 И гдѣ ? помилуйте, въ Сенатѣ ?
 Черно ! Да что и говорить ;
 Безъ службы дома я въ халатѣ,
 Могу съ утра сидѣть, ходить,
 Иль тщетно времени не тратя
 Могу читать — хотъ Пантеонъ,
 Въ немъ есть...но впрочемъ плохъ и онъ.

Со временемъ навѣрно книгъ
 Я никакихъ читать не стану,
 Что ? Скучно ! Не найдете въ нихъ
 Ни мысли свѣжей ; нѣтъ романа
 Который занялъ бы на мигъ
 Хотъ ночью васъ, хотъ утромъ рано
 И право лучше стану я
 Сидѣть и думать про себя.

Я иногда лежать привыкъ
 И такъ мечтать въ припадкѣ лѣни,
 Я прелесть этого постигъ ;
 Знакомыя мелькають тѣни,
 То ножка, то прекрасный ликъ,
 То улицъ шумъ, то миръ селеній...
 Въ семь духъ я теперь точь въ точь,
 И такъ, мой другъ, подите прочь.

VI.

Простите, что разстался я
Отчасти не учтиво съ вами,
Но церемониться нельзя
Между короткими друзьями,
И откровенно говоря —
Могу-ль я словомъ иль дѣлами
Васъ оскорбить, когда межъ насъ
Прямая дружба завелась.

Мнѣ милы дружескихъ бесѣдъ
Просторъ и воля и оргія ;
Вино струится, тайны нѣтъ
И торжествуетъ симпатія.
Но горекъ праздничный обѣдъ,
Гдѣ гости по душѣ чужіе,
Гдѣ вѣчно на застежкѣ умъ
Вино першить и скученъ шумъ.

Что если, другъ мой, съ пиромъ намъ
Сравнить теченье жизни шумной?
Не ради часто мы гостямъ,
Тяжелъ сосѣдъ благоразумный,
Несносна сердцу и ушамъ
Длина его бесѣды умной.
Пиръ все становится скучнѣй
И ждешь десерта поскорѣй.

Совѣтовъ слушайте моихъ,
Бѣгите, другъ, людей отличныхъ,
Извѣстныхъ, гордыхъ, но пустыхъ,
Блестящихъ умниковъ столичныхъ ;
Любите добрыхъ и прямыхъ,
Немного глупыхъ, не привычныхъ
Блестать ни домомъ, ни умомъ
Въ простосердечіи святомъ.

Я въ жизни опытный старикъ
Всѣ перечелъ ея страницы,
Ко всѣмъ вещамъ давно привыкъ
И приглядѣлся всѣмъ лица,
Блаженъ кто хоть въ единый мигъ
Могъ утереть слезу съ рѣсницы,
Когда любилъ или жалѣлъ,
Иль просто на небо смотрѣлъ.

А иногда так станешь сухъ,
Что невозможно умиление ;
Все намъ досадно такъ вокругъ ;
Смѣшно философа сомнѣнье,
Къ восторгамъ не способенъ духъ,
Въ нихъ видишь только напряженье,
Намъ глупъ влюбленный въ двадцать лѣтъ,
Мы все клянемъ чего въ насъ нѣтъ.

Вамъ скучно ! я опять хандрю,
Я закоснѣлъ въ привычкѣ старой
И про тоску все говорю ;
Люблю лежать въ зубахъ съ сигарой,
Печально въ потолокъ смотрю,
Аккомпанируюсь гитарой,
И напѣваю *Casta div'*,
Отъ Пасты какъ то затвердивъ.

Вы музыкантъ въ душѣ какъ я,
Бетговенъ вамъ всего дороже,
Но южный край боготворя
Люблю я и Беллини тоже.
Слыхали-ль вы “Жизнь за царя”?
Нѣтъ—ну и впредь спаси васъ Боже
И русскихъ оперъ вообще
Не нужнобъ намъ имѣть еще.

Въ концертъ любителей я васъ
 Прошу не ѣздить. Очень скверно
 Поютъ любители у насъ,
 Совсѣмъ безъ такту и невѣрно,
 Пискливъ дишкантъ и хрипелъ басъ ;
 Но помогать въ нихъ страсть безмѣрна,
 Любовь прямая къ ближнимъ есть —
 Что впрочемъ дѣлаетъ имъ честь.

Ахъ, еслибъ можно было мнѣ
 Поѣздить наконецъ по волѣ,
 Въ любимой южной сторонѣ !
 Въ Венеціи, катясь въ гондолѣ
 При блескѣ волнъ и при лунѣ,
 Внимать безопасно баркаролѣ
 И видѣть въ сумракѣ ночей,
 Огонь полуденныхъ очей.

Но я въ Россіи, милый другъ,
 Какъ жукъ привязанный за ножку
 Могу летать себѣ вокругъ
 И не далеко и немножко ;
 А нить не вытащишь изъ рукъ...
 Что значить жукъ—простая мошка
 Въ сравненіи съ толстымъ паукомъ
 Въ мундирѣ свѣтло-голубомъ.

Но рассказать могу я вамъ,
Какъ путешествовалъ пріятель,
Всю жизнь его вамъ передамъ;
Увидите какъ мой мечтатель,
Безумно предаваясь снамъ,
Чего то вѣчный былъ искатель,
И какъ изъ странствія его
Не вышло послѣ ничего.

VII.

Но нѣтъ! за чѣмъ мнѣ мучить васъ
Исторьей длинной и безсвязной?
Не лучше-ль будетъ мой рассказъ
Мнѣ написать вамъ сообразно
Порядку тайному, что въ насъ
Не болтовней безумно праздною,
Но смысломъ внутреннимъ души
Опредѣляется въ тиши?

Хочу чтобъ списокъ съ нашихъ дней,
Избытокъ чувствъ, живыя лица
Нашли вы въ повѣсти моей;
Но будутъ многія страницы
Написаны слезой очей
И кровью сердца...Лучь денницы —
Какъ быть — не въ радужномъ огнѣ
Рисуетъ наше время мнѣ.

Не думайте, чтобъ я отвыкъ
 На будущность имѣть надежды,
 Мнѣ чуждъ отчаянья языкъ
 Достойный дикаго невѣжды.
 Но тяжекъ въ вѣкѣ этотъ мигъ,
 Отъ частыхъ слезъ распухли вѣжды;
 Въ грядущемъ, вѣрю я, свѣтло,
 Но намъ ужасно тяжело.

Мы съ жизнью встрѣтились тепло,
 Къ прекрасному простерли руки,
 Участье къ людямъ насъ вело,
 Любовь къ искусству, свѣтъ науки...
 И чтожъ насъ затереть могло
 Къ тиски непроходимой скуки?
 Не вы тоскуете, не я,
 А всѣ друзья и не друзья.

Друзья, невинны мы въ иномъ,
 Во многомъ виноваты сами;
 Міръ ждетъ чего то, спорить въ томъ
 Отнюдь я не намѣренъ съ вами,
 Пророки сильнымъ языкомъ
 Уже вѣщали между нами
 И Charles Fourier и St-Simon
 Чертили планъ иныхъ временъ.

Видали-ль вы какъ средь небесъ
 Проходить туча надъ землю ?
 Удушливъ воздухъ, черный лѣсъ
 Недвиженъ, все покрыто мглою,
 И птицъ веселый рой исчезъ,
 Чуть дышать звѣри предъ грозою
 И въ трепетѣ чего то ждутъ ;
 Вотъ наше время вамъ все тутъ.

Минуетъ бури череда,
 И жизнь свѣтлѣе разольется ;
 Но скучно ждать намъ господа
 Пока вся туча пронесется.
 Мы славы жаждемъ иногда
 Безъ всякихъ правъ на то ; духъ рвется
 Къ самолюбивѣйшимъ мечтамъ...
 Чтобъ ни было, не легче намъ.

Вотъ видите ужъ кромѣ сихъ
 Въ семь вѣкъ общихъ всѣмъ мученій
 Есть много мукъ у насъ иныхъ,
 Съ людьми обидныхъ столкновеній,
 Несносный холодъ къ намъ однихъ
 Другихъ любовь — все рядъ волненій;
 Съ инымъ сойдешся, а потомъ,
 Несогласишся съ нимъ ни въ чемъ.

Все это грустно ! Счастливъ, другъ,
 Кто запирается безопасно,
 Въ свой узенькій домашній кругъ,
 Спокоенъ, весель, жиренъ вѣчно,
 И дѣти прыгають вокругъ,
 Жена отличная конечно,
 Хозяйка, вѣрно сводить счетъ,
 А мужъ по службѣ вверхъ идетъ.

Скажу вамъ просто — домъ такой
 Благословенъ, мой другъ, отъ Бога ;
 Всегда въ немъ каждому покой,
 Обѣдъ въ немъ сытенъ, денегъ много.
 Ну что — намъ съ вами прокъ какой
 Дала душевная тревога ?
 За чѣмъ намъ тотъ удѣлъ дать Богъ
 Незахотѣлъ, или не могъ?

Не могъ, не могъ ! Вотъ дѣло въ чемъ.
 Натура въ насъ совсѣмъ другая,
 Въ насъ въ вѣкъ можетъ быть иномъ
 Была бы тишина святая ;
 Но въ тѣлѣ дрябломъ и больномъ
 Теперь живетъ душа больная ;
 Мы суждены желать, желать
 И все томиться и страдать.

Давайте же страдать, другъ мой,
Есть право въ грусти наслажденье
И за безмысленный покой
Не отдадимъ души мученье;
Въ немъ много есть любви святой,
Возмемъ страданье и стремленье
Себѣ въ удѣлъ—онъ чистъ и святъ
Ему какъ счастію я радъ.

VIII.

Въ вѣнцѣ изъ розъ была она,
Стояла опустивши руки,
Но пѣснь ея была полна
Какой то безконечной муки,
И долго мнѣ была слышна,
И вслѣдъ за мной гнались звуки—
Ich bin ein Fremdling überall—
И на сердцѣ легла печаль.

И мнѣ казалось, что какъ тотъ
Безродный странникъ въ край изъ края
И мы весь вѣкъ идемъ впередъ—
Вы, я, пѣвица молодая...
Какая цѣль? и что насъ ждетъ?
И гдѣ для насъ страна родная?
И все звучить одинъ отвѣтъ:
Блаженство тамъ лишь гдѣ насъ нѣтъ.

Но мы ужь такъ и быть, другъ мой;
 Пѣвицу жалко мнѣ; изъ платы
 Ей надо звонкій голосъ свой,
 Изъ глубины душевной взятый,
 Напрасно тратить предъ толпой,
 Предъ чернью деньгами богатой
 И думать, что отъ жизни сей
 Совсѣмъ не то ждалось ей.

Но ужь концертовъ будетъ съ насъ,
 Дошли мы до страстной недѣли,
 Говѣютъ люди; ночью, въ часъ,
 Встаютъ невыспавшись съ постели,
 Ихъ будить колокола гласъ,
 Салоны, шубы, иль шинели
 Надѣвъ—уже они пѣшкомъ
 Идутъ молиться въ Божій домъ.

Тамъ тусклъ огонь свѣчей. Въ алтарь
 Серdito входитъ попъ косматый,
 Угрюмо бродитъ пономарь,
 Дьячекъ бормочетъ бородатый
 И дьяконъ ищетъ свой стихарь;
 Просвиря зябнетъ сномъ объята,
 Кадило рой дѣтей несетъ
 И вѣетъ ладонь на народъ.

Но признаюсь, не вижу я
 Особенной отрады въ этомъ,
 Говѣйте вы себѣ, друзья,
 Я развѣ послѣ стану—лѣтомъ.
 Попы, дьячки и эктинья
 Не могутъ быть любви предметомъ,
 Весь этотъ пародіальный тонъ
 Меня вгоняетъ въ гнѣвъ иль сонъ.

Но еслибъ жилъ я въ вѣкѣ томъ,
 Когда Христось училъ народы,—
 Его бѣ я былъ ученикомъ
 Во имя духа и свободы;
 Оставилъ бы семью и домъ,
 Не побоялся бы невзгоды
 И радостно бѣ за вѣру палъ
 И свой удѣлъ благословлялъ.

Бывало, часто въ часъ ночной
 Передъ распятемъ на колѣни
 Я падалъ съ теплою мольбой,
 Чтобы онъ далъ среди мученій
 Миѣ тотъ безоблачный покой,
 Съ которымъ онъ безъ злобы, пени,
 Съ любовью крестъ тяжелый несъ
 И всѣмъ прощенье произнесъ.

О другъ мой! какъ бы намъ дойти,
Чтобъ духомъ выше стать страданья
И ровно жизнь свою вести,
Какъ свѣтлое души созданье,
Встрѣчаться съ каждымъ на пути
Съ любовью полной упованья,
Привлечь его, не дать коснѣть
И сердце сердцемъ отогрѣть.

Но мы вліянье на другихъ
Въ тоскѣ разстратили невольно;
Мы слишкомъ любимъ насъ самихъ,
Людей же любимъ недовольно;
Мы нашей скорбью мучимъ ихъ,
Что многимъ скучно, близкимъ больно,
А жизни лучшей идеаль
Для насъ невыполнимымъ сталъ.

Но впрочемъ что же? На кого
Прикажете имѣть вліянье?
Собрать людей вокругъ чего?
Къ чему имъ указать призванье?
Какая мысль скорѣй всего
Ихъ разшатать бы въ состояньи?
Какъ, эгоизмъ изгнавъ изъ нихъ,
Направить къ высшей цѣли ихъ?

Не знаю право. Цѣлый вѣкъ
 Изъ этого я крѣпко бился,
 На поискъ направлялъ свой бѣгъ,
 Вездѣ знакомился, дружился;
 Но современный человѣкъ
 Былъ глухъ на крикъ мой. Я смирился
 И только малый кругъ друзей
 Я затворилъ въ любви моей.

Въ наукѣ весь нашъ міръ идей;
 Но Гелель, Штраусъ, не успѣли
 Въдраться въ жизнь толпы людей,
 И лишь на тѣхъ успѣхъ имѣли;
 Которые для жизни всей
 Науку цѣлью взять умѣли.
 А еслибъ понялъ ихъ народъ,
 Навѣрнобъ былъ переворотъ.

И такъ, мой другъ, когда пять, шесть
 Друзей къ намъ вышло на дорогу,
 То, право, мы должны принести
 Большую благодарность Богу,
 И въ этомъ много счастья есть,
 Онъ далъ намъ много, очень много,
 И грѣхъ великій намъ хандрить
 И дара неба не цѣнить.

Съ немногими свершимъ нашъ путь,
Но не погибнетъ наше слово;
Оно отыщеть гдѣ нибудь,
Средь поколѣнья молодаго
Способныхъ далѣе шагнуть;
Они пусть идутъ въ бой суровой,
А мы умремъ среди тоски,
Страданья съ вѣрою легки.

IX.

Вдоль улицъ фонари горятъ,
Еще безмолвна мостовая,
И лужи кое гдѣ блестятъ,
Огонь печально отражая;
Но фонарей огнистыхъ рядъ
Въ ночи горитъ не озаря
И звѣзды ярко смотрятъ въ ночь,
Но тьмы не могутъ превозмочь.

Раздался ровно въ полночь звонъ
Въ церквахъ 'Христось воскресъ' запѣли,
Бѣжитъ народъ со всѣхъ сторонъ,
Кареты дружно зашумѣли,
Вы спите, другъ мой? Сладкій сонъ
Дай Богъ на мягкой вамъ постелѣ.
А я пойду... Но грустно мнѣ,
Я лучшебъ плакалъ въ тишинѣ.

По нѣту слезъ и вѣры нѣтъ
 Младенческой къ душѣ усталой,
 На ней сомнѣній грустный слѣдъ,
 На ней печали покрывало
 И радость прежнихъ дѣтскихъ лѣтъ
 Давно ей незнакома стала.
 На звонъ безъ цѣли я иду,
 Подарковъ отъ родныхъ не жду.

И гдѣ родные всѣ мои?
 Въ тиши могилъ, отсель далече,
 Заснули вѣчнымъ сномъ одни,
 Съ другими мнѣ не нужно встрѣчи;
 Межъ нами вовсе нѣтъ любви,
 Докучны мнѣ ихъ видъ и рѣчи;
 Конечно есть еще друзья,
 Но и они грустятъ какъ я.

Смотрю съ Кремлевскихъ теремовъ
 Куда то вдаль. Воспоминанье
 Живить черты былыхъ годовъ,
 Назадъ влечетъ меня желанье;
 Тамъ мѣръ любви и свѣтлыхъ сновъ
 И молодаго упованья...
 Но какъ кругомъ въ—душѣ моей
 Ночь, ночь и блѣденъ свѣтъ огней.

Съ чего грущу? Не знаю самъ,
Пойду домой. Какъ грудь изныла!
Какъ сердце рвется пополамъ!
О если бы имѣлъ я силу
На ложѣ волю дать слезамъ—
Быть можетъ мнѣ бы легче было;
Но Боже мой! какъ старъ я сталъ,
Ужъ я и плакать пересталъ.

X.

Я ъду завтра. Можетъ быть
Меня отпустить за границу
И въ жизни новую раскрыть
Тогда придется мнѣ страницу,
Но не могу я позабыть
Ни васъ, ни древнюю столицу;
Пожалуйста, мой другъ, вдвоемъ
Послѣдній день мы проведемъ.

Садитесь! Много кой о чемъ
Поговорить намъ съ вами можно.
Есть тайный страхъ въ умѣ моемъ,
Отъ думы на сердцѣ тревожно...
Какъ знать? Вдали, въ краю чужомъ
(Хотя я ъзжу осторожно)
Умру быть можетъ. Жалко вамъ?
Да не желалъ бы я и самъ.

Вотъ воля вамъ моя одна,
Скажите тѣмъ кого любилъ я,
Что въ смертный часъ ихъ имена
Произнося, благословилъ я,
Что смерть моя была ясна,
Что помнить обо мнѣ просилъ я,
Смирясь покорствовалъ судьбѣ
И скоро жду ихъ всѣхъ къ себѣ.

А можетъ быть изъ дальнихъ странъ
Я возвращусь здоровѣй втрое,
Очищенъ отъ сердечныхъ ранъ,
И вылеченъ отъ гемороя,
И довезетъ мой чемоданъ
Мнѣ фракъ послѣдняго покроя;
А на прощаніе вдвоемъ,
Бутылки двѣ мы разопьемъ.

Сперва въ бокаль зеленый лью
Струю янтарную Рейнвейна,
Во славу рыцарства я пью
И береговъ цвѣтущихъ Рейна.
Отвагу прежнихъ лѣтъ люблю
Отъ Карла и до Валленштейна,
И пѣснь любви средь жаркихъ сѣчь,
Гдѣ въ латы билъ тяжелый мечъ.

Пристрастенъ къ среднимъ я вѣкамъ
 Люблю ихъ замки и ограды,
 Балконъ высокій нѣжныхъ дамъ,
 И подъ балкономъ серенады...
 Луна плыветъ по небесамъ
 А звуки такъ полны отрады,
 И ропотъ Рейна вторитъ имъ...
 Съ зарей походъ въ Иерусалимъ.

Но что мечтать о старинѣ—
 Аи ужъ въ розовомъ бокалѣ
 Звѣздясь, мечты другія мнѣ
 Несзтъ игриво...чтожъ вы стали
 И устъ не мочите въ винѣ?
 Разъ въ разъ, бокалы застучали...
 На югъ, на югъ хочу друзья!
 Да здравствуетъ Италія!

Цвѣтетъ лимонъ и золотой
 Межъ листьевъ померанецъ рдѣетъ,
 И воздухъ теплою струей
 Съ небесъ лазурныхъ тихо вѣетъ;
 Лавръ гордый поднялся главой
 И скромно мирта зеленѣетъ.
 Туда, туда! Среди Друидъ
 Тамъ голосъ Нормы мнѣ звучитъ.

Но прежде чѣмъ увижу югъ,
Услышу музыку Беллини,
Заѣду въ Питеръ я мой другъ,
Гдѣ не бывалъ еще до нынѣ.
Аристократовъ рабскій кругъ
Тамъ жаждетъ царской благостыни,
И ползая у царскихъ ногъ,
Радъ облизать на нихъ сапогъ.

Скорѣй оставлю скучный градъ,
Пущусь на пароходѣ въ море.
О какъ въ первые буду радъ
Я на морскомъ дышать просторѣ!
Далеко оттолкну назадъ
Хандру и истинное горе,
И буду, вдохновенья полнъ,
Внимать немолчный говоръ волнъ,

И буду взоромъ я тонуть
Въ безбрежьи неба голубаго...
Но Боже! вдругъ стѣснилась грудь
И грустно сердце бьется снова.
Мнѣ жаль пускаться въ дальній путь,
И жалко края мнѣ роднаго...
Вѣдь я люблю его, мой другъ,
Одно я тѣло съ нимъ и духъ.

Я много покидаю въ немъ,
Разставшись съ нимъ теряю много
Едваль, я не увѣренъ въ томъ,
Мнѣ чужеземная дорога
Его замѣнить...А потомъ
Какъ разбирать всѣ вещи строго—
Чего бы кажется искать?...
Я впрочемъ буду къ вамъ писать.

Кудабы ни ѣхать—все равно,
Вездѣ съ собою сами въ спорѣ,
Мученье мы найдемъ одно ;
Будь то на сушѣ иль на морѣ,
Какъ прежде, какъ давнымъ давно—
За нами вслѣдъ помчится горе,
Аккордъ намъ полный, господа,
Звучать не станетъ никогда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Farewell!

BYRON.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ певолн, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный
Скука, холодъ и гранить.

Пушкинъ.

Ye see and read
Admire and sigh and then succomb and bleed.

BYRON.

Письмо первое

3 Апрѣля. Станція.

Я начинаю къ вамъ писать,
Мой другъ, уже съ полу-дороги.
Мнѣ на шоссе не лѣзя ценять,
Онъ гладокъ, горы всѣ отлоги,
Но въ дилижансѣ плохо спать,
И протянуть не ловко ноги.
Я этимъ началъ, чтобъ потомъ
Не говорить ужъ мнѣ о томъ.

Когда Москву оставилъ я,
Въ послѣдній разъ пожалъ вамъ руку,
Невольно сжалась грудь моя
И сердце ощутило муку.
О, съ вами горьки для меня
Невыносимо несть разлуку.
Какъ ни крѣпился я—слеза
Мнѣ наверхулась на глаза.

Я ѣхалъ. Надъ моей Москвой
Ночное небо ясно было,
И тихо такъ на городъ мой
Звѣздами яркими свѣтило.
А впереди, передо мной
Все небо тучей обложило,
Меня встрѣчалъ зловѣщій мракъ;
Я думалъ: то недобрый знакъ!

Такъ, недовольные ничѣмъ,
Богъ вѣсть куда стремимся все мы,
Толкаемы не знаю кѣмъ
И въ даль не знаю чѣмъ влекомы,
Безумно расстаемся съ тѣмъ
Что мило намъ; друзей и дома
Бросаемъ—сколько ихъ ни жаль...
И ищемъ новую печаль.

Ужъ право не вернуться-ль мнѣ?
А вы, мой другъ! Теперь чай сѣли
Передъ каминомъ, въ тишинѣ;
Къ вамъ думы грустныя слетѣли,
Не разъ, гадая на огнѣ,
Мою судьбу вы знать хотѣли...
Чтожь? вспыхнетъ синій огонекъ?
Да! нѣтъ! и гаснетъ уголекъ.

А предо мной во тьмѣ ночной
 Равнина тянется печально,
 И вѣтви сосны молодой
 Чернѣютъ грустно въ рощѣ дальней.
 Шлетется дилижансъ рысцой,
 Какъ полъ лощенный въ залѣ бальной
 Гладка дорога, скатовъ нѣтъ...
 Въ степи печалень и разсвѣтъ.

Разсвѣтъ! съ улыбкой на устахъ
 Земной печали вѣкъ не зная,
 Восходитъ солнце; на поляхъ
 Кой гдѣ бѣлѣтъ снѣгъ блистая,
 И листьевъ нѣтъ еще въ лѣсахъ,
 Не вышла травка молодая;
 А жаворонокъ, средь небесъ
 Ужъ съ вольной пѣснiю исчезъ.

И грустно мнѣ пѣвцу веспы
 Внимать въ раздумьи и печали
 Среди пустынной стороны;
 Предо мною смутно встали
 Всѣ недокончанные сны,
 Которыми полны бывали
 Мои мечты въ родной странѣ...
 Опять вздохнуть пришлось мнѣ!

Но полно. Перейти должны
 Мы вновь къ практическимъ предметамъ.
 Мы разъѣзжать приучены
 Въ Россіи и зимой и лѣтомъ;
 Но всежъ, подь часъ поражены,
 Должны критическимъ замѣтамъ
 Отвести мы мѣсто хоть слегка
 Средь путевого дневника.

Во первыхъ я замѣчу вамъ,
 По непривычкѣ ли къ свободѣ,
 По непривычкѣ ли къ правамъ,
 Вездѣ у насъ въ простомъ народѣ
 Пристрастье къ площаднымъ словамъ,
 Ругаться—въ чрезвычайной модѣ...
 Не деликатно и смѣшно,
 И оскорбительно оно.

Люблю когда передь избой
 Въ кафтанѣ, шапка на бекрени,
 Ямщикъ съ широкой бородой
 Сидить въ припадкѣ русской лѣни,
 Склонясь на руки головой,
 Поставивъ локти на колѣни,
 И про себя поетъ въ тиши
 Про очи дѣвицы души.

И смотреть въ даль...и ждетъ, и ждетъ,
 Вотъ колокольчикъ раздается
 И по мосту, стуча, впередъ
 Телѣга тройкою несется,
 Къ нему—и стала у воротъ,
 И парь отъ коней клубомъ вьется.
 И вотъ ямщикъ ужъ ямщикомъ,
 Встрѣчаемъ бранью иль толчкомъ.

Характеръ русской на пути
 Мнѣ сталь предметомъ изученья,
 И въ немъ я долженъ былъ найти—
 Лѣнь, удалство и грусть въ смѣшеньи
 Съ лукавствомъ (Боже насъ прости!)
 Къ обманамъ гнуснымъ угнетенью
 Насъ приучило, также кнутъ...
 Мудренаго не вижу тутъ.

Всегда мы встрѣтятся съ кѣмъ нибудь,
 Врага въ немъ видя иль Іуду,
 Его же ищемъ обмануть.
 Я это порицать не буду,
 Весьма естественъ этотъ путь;
 А лѣнь хвалить я просто буду:
 Какъ мужику любить свой трудъ?
 Богатъ онъ—больше оберуть.

Я это говорю смѣясь,
Но, другъ мой, еслибы вы знали
Какъ желчь бунтуетъ каждый разъ,
Какъ вся душа полна печали,
Когда я думаю о насъ!
Надежды всѣ почти пропали,
Свое безсилъе я созналъ
И нравъ мой золь и мраченъ сталъ.

Но виновать! зовутъ меня—
Ужъ пристягнули торопливо
Къ постромкамъ пятого коня;
Кондукторъ ждетъ меня учтиво,
Сурово нищихъ прочь гоня;
Ужъ сѣлъ ямщикъ нетерпливый...
Мой другъ, пора, пора! Спѣшу!
Изъ Петербурга напишу.

II.

Петербургъ.

Я прибылъ вечеромъ, другъ мой.
Шель дождикъ мелкой, по немногу
Дома скрывались въ тьмѣ ночной...
Свершивъ трехъ дневную дорогу,
Хотѣлъ скорѣй я на покой;
Но сердца странную тревогу
Преодолѣть никакъ не могъ
И долго спать еще не легъ.

Хотѣлъ я тутъ же къ вамъ писать,
Но какъ то глупъ былъ; сталъ уныло
По комнатѣ моей шагать,
И что меня тогда томилло
Не въ силахъ я пересказать,
Утраты ли того что было,
Иль недовѣрчивость къ судьбѣ,
Не могъ отчета дать себѣ.

Но было на душѣ темно,
Я поздно легъ, проснулся рано;
Мнѣ вѣтръ сырой пахнулъ въ окно,
Сѣдое небо сверхъ тумана
На мѣръ смотрѣло холодно,
И будто призракъ великана,
Въ сырую мглу погружена,
Мнѣ каланча была видна.

Вы согласитесь, что плохой
Пріемъ мнѣ сдѣлала погода;
Я еслибъ не страдалъ хандрой,
Ее туманная природа
На умъ навѣяла бы мой...
Здѣсь говорятъ, что середь года
Выходитъ солнце только разъ...
Блеснетъ и спрячется тотчасъ.

Я думалъ житель здѣшнихъ странъ
Быть долженъ мраченъ, даже злобенъ,
Всегда недугъ сердечныхъ ранъ
Въ себѣ самомъ таить способенъ,
Угрюмъ, задумчивъ какъ туманъ,
Во всемъ странѣ своей подобенъ,
И даже пѣснь его должна
Быть однозвучна и грустна.

Хотѣлось городъ видѣть мнѣ
 Я на проспектъ пошелъ зѣвая—
 И изумился! Намъ во снѣ
 Толпа не грезилась такая
 Въ Москвѣ, гдѣ мы по старинѣ
 Всѣ по домамъ сидимъ скучая;
 А здѣсь, напротивъ, круглый годъ
 Какъ бы на ярмаркѣ народъ.

Безъ стуку по торцамъ катясь
 Стремятся дрожки и кареты,
 Заботой праздною томясь
 Толпы людей, съ утра одѣты,
 Спѣшать толкаясь и бранясь.
 Мелькаютъ перья, эполеты,
 Бурнусы дамъ, пальто мужчинъ;
 Въ одеждахъ всѣхъ покрой одинъ.

Чѣмъ эти люди заняты?
 Какая цѣль? Къ чему стремленье?
 Какая мысль средь суеты,
 Среди всеобщаго движенья,
 Средь этой шумной пестроты?
 Ужъ не народное-ль волненье?
 И! что вы? право никакой
 Тутъ мысли вовсе нѣтъ, другъ мой.

Толпа стремится просто такъ,
Поѣсть иль пробѣжать глазами
Какъ Мегеметь, Султана врагъ,
Гонимъ союзными дворами
И день убить ужь кое какъ.
Съ косою въ рукѣ, на лбу съ часами,
Сѣдой Сатурнъ на нихъ на всѣхъ
Глядитъ сквозь ядовитый смѣхъ.

Мнѣ стало страшно... предо мной
Явилась вдругъ жизнь миллионовъ
Людей, объятыхъ пустотой,
Къ стыду всѣхъ божескихъ законовъ...
Въ толпѣ одинъ пріятель мой
Мнѣ указалъ двухъ-трехъ шпионовъ,
И царь проѣхалъ мимо насъ,
И сняли шляпы мы тотчасъ.

Потомъ пошли и время шло,
И длинный день тянулся вяло,
И все мнѣ было тяжело.
Толпа шумѣть не преставала.
Обѣдъ; вино лилось свѣтло,
Но ужь меня не забавляло;
Такъ я являясь на балъ
Всегда угрюмъ и дикъ бывалъ.

Мнѣ страненъ смѣхъ казался ихъ
Въ огромной освѣщенной залѣ,
Я былъ среди людей чужихъ,
И самъ чужой былъ всѣмъ на балѣ,
И мысли далеко отъ нихъ
Меня печально увлекали
Туда куда то въ мирный долъ,
Гдѣ годы дѣтства я провелъ.

Но я кладу письмо въ пакетъ,
Его съ оказіей вамъ шлю я,
Для васъ вѣдь новаго въ томъ нѣтъ,
Писать по почтѣ не люблю я ;
Случиться можетъ и секретъ,
А ужъ никакъ не потерплю я
Чтобъ мнѣ Коко какой нибудь
Смѣлъ въ жизнь и душу заглянуть.

III.

Ложилась ночь, росла волна
И льдины проносились съ трескомъ;
Сѣдою пѣною полна,
Подернута свинцовымъ блескомъ,
Нева казалася страшна,
Стуча въ гранить съ сердитымъ плескомъ.
Въ туманѣ тускломъ рядъ домовъ
Смотрѣлъ печально съ береговъ.

Уже огни погашены,
Безпечно люди сномъ объаты ;
Подъ ропоть плещущей волны,
Поденщики, аристократы,
Свои всѣ люди грезятъ сны,
Безмолвны стогны и палаты...
Одинъ недвижимъ на конѣ
Огромный всадникъ видѣнъ мнѣ.

Чернѣя сквозь ночной туманъ
 Съ поднятой гордо головою,
 Надменно выпрямивъ свой станъ,
 Куда то кажетъ въ даль рукою
 Съ коня могучій великанъ ;
 А конь притянутый уздою,
 Поднялся вверхъ съ переднихъ ногъ,
 Чтобъ всадникъ дальше видѣть могъ.

Куда рукою кажетъ онъ ?
 Куда сквозь тьму вперилъ онъ очи ?
 Какою мыслью вдохновленъ,
 Не знаетъ сна онъ середь ночи ?
 Съ чего онъ гордъ ? Чѣмъ увлеченъ
 Изъ всей онъ будто конской мочи
 Вскакаль безстрашно на гранить
 И неподвиженъ тутъ стоять?

Онъ тутъ стоять за тѣмъ, что тутъ
 Построилъ онъ свой городъ славный ;
 Съ разсвѣтомъ корабли придуть —
 Онъ кажетъ вдаль рукой державной ;
 Они съ собою привезутъ
 Европы умъ въ нашъ край дубравной,
 Чтобъ въ наши дебри свѣтъ проникъ ;
 Онъ гордъ за тѣмъ что онъ великъ !

Благоговѣлъ я въ поздній часъ
 И трепеть пробѣгалъ по тѣлу ;
 Я самъ былъ гордъ на этотъ разъ,
 Какъ будтобъ былъ причастенъ къ дѣлу,
 Которымъ онъ великъ для насъ.
 Надменно вмѣстѣ и не смѣло
 Предъ нимъ колѣно я склонилъ
 И чувствовалъ что Русскій былъ.

Поднявъ я голову потомъ
 Въ лице взглянулъ ему—и было
 Какъ будто грустное что въ немъ ;
 Онъ на меня смотрѣлъ уныло
 И все мнѣ въ даль казалъ перстомъ.
 Какая скорбь его томила ?
 Куда казалъ онъ мнѣ съ коня ?
 Чего хотѣлъ онъ отъ меня ?

И я невольно былъ смущенъ,
 Печально робкими шагами
 Я отошелъ, но долго онъ
 Былъ у меня передъ глазами ;
 Я отъ него былъ отдѣленъ
 Адмиралтейскими стѣнами,
 А онъ за мною все слѣдилъ,
 И видъ его такъ мраченъ былъ.

И вотъ дворецъ передо мной
 Стоялъ угрюмо и высоко ;
 Въ полу дремотѣ часовой
 Шагаль у двери одиноко
 И страхомъ вѣялъ мнѣ покой,
 Въ которомъ спалъ дворецъ глубоко.
 У ногъ моихъ Нева одна
 Шумѣла ярости полна.

А тамъ далеко за Невой
 Еще страшнѣй чернѣлось зданье
 Съ зубчатой, мрачною стѣной
 И рядомъ башенъ. Вопль, рыданья
 И жертвъ напрасныхъ стонъ глухой,
 Проклятій полный и страданья,
 Мнѣ вѣтеръ несъ съ тѣхъ береговъ,
 Сквозь стучи льдинъ и плескъ валовъ.

Дворецъ ! Тюрьма ! За чѣмъ сквозь тьму
 Глядите вы здѣсь другъ на друга ?
 Ужель на вѣкъ она ему
 Рабыня, злобная подруга ?
 Ужель взирая на тюрьму
 Дворецъ свободенъ отъ испуга ?
 Ужель тюрьмою силенъ онъ
 И слышать радъ печальный стонъ ?

О! Сройте, сройте поскорѣй,
Вы эти стѣны, эти своды!
Замки отбейте у дверей,
Зовите всѣхъ на пиръ свободы!
Тогда, тогда толпы людей,
Тогда изъ вѣка въ вѣкъ народы
Благословятъ васъ и почтутъ
И васъ святыми назовутъ.

Но глухъ дворецъ, глуха тюрьма
И голосъ мой звучитъ въ пустынѣ,
Кругомъ туманъ, да ночи тьма
И съ шумомъ валъ бѣжитъ по льдинѣ...
Тоска души, тоска ума,
Еще сильнѣе чѣмъ донинѣ,
И тяжелѣе жизни крестъ...
И я бѣжалъ отъ этихъ мѣстъ.

И снова онъ, все тотъ же онъ,
Явился всадникъ предо мною,
Все также гордъ и вдохновенъ,
Все въ даль съ простертою рукою.
И мнѣ казалось, какъ сквозь сонъ,
Съ поднятой гордо головою,
Надменно выпрямивъ свой станъ,
Смѣялся горько великанъ.

IV.

Что я писалъ вамъ въ этотъ разъ?
Письмо ли это или ода,
Или элегія? У насъ
Послѣдняго не терпятъ рода...
А было время—развелась
На вздохи, слезы, стоны, мода;
Всѣ вспоминали юны дни
И лезли въ Пушкины они.

Да я и самъ...но Боже мой!
Кого я назвалъ? Плачь надгробный
Ужели смолкъ въ странѣ родной?
Гдѣ нашъ пѣвецъ, душой незлобный?
Гдѣ дивныхъ пѣсенъ даръ святой
И голосъ шуму водъ подобный?
Гдѣ слава нашихъ тусклыхъ дней?
Внимайте повѣсти моей.

О! тамъ...въ тиши родной Москвы
Отъ бурь мірскихъ задвинувъ ставень,
И не предчувствуете вы
Какъ душу здѣсь сжигаетъ пламень;
Но будьте вы какъ ледъ Невы,
Или безчувственны какъ камень,
Все жъ васъ растопить мой рассказъ
И выжметъ слезъ ручей изъ васъ.

Когда молву что нѣтъ его
Въ столицѣ древней услышали,
Всѣмъ было грустно отъ того,
Всѣ посердились, покричали;
Но черезъ день какъ ничего,
Опять спокойно замолчали;
Такъ шумный рой спугнутыхъ мухъ,
Взлетѣвъ на мигъ, садится вдругъ.

Вчера я встрѣтилъ невзначай
Два мальчика прошли съ лотками
Статуетъ. Тутъ былъ попугай,
Качали кошки головами,
Наполеонъ и Николай
Стояли обратясь спинами,
И Пушкинъ голову склоня,
Скрестивши руки, близъ коня.

И равнодушною толпой
Шли люди мимо безъ вниманья,
И каждый занятъ былъ собой,
Не замѣчая изваянья.
Да хоть взгляните, Боже мой!
На ликъ исполненный страданья
И думъ и грезъ... Вѣдь онъ поэтъ!
Да дайтежь лепть свой за портретъ.

Поэтъ не надобенъ для нихъ,
Ему внимать имъ даже скучно,
И звонкій, грустный, яркій стихъ
Они слышать равнодушно,
Какъ скрипъ телѣгъ на мостовыхъ,
Пѣснь аматера въ залѣ душной.
Они согласны быть скорѣй
Часъ цѣмый у рѣзныхъ дверей,

Пока лакей имъ въ галунахъ
Отворитъ входъ жилищъ священныхъ,
Гдѣ можно ползать имъ въ ногахъ
Временщиковъ и баръ надменныхъ
И цаловать ничтожный прахъ
Людей ничтожныхъ и презрѣнныхъ,
Которыхъ кознями поэтъ
Погибъ въ всей силѣ лучшихъ лѣтъ.

Ему дасадой сердце жгли,
 И дѣло быстро шло къ дуэли ;
 Предотвратить ее могли,
 Но не хотѣли, не хотѣли.
 Къ нему на похороны шли,
 Лишь люди въ фризовой шинели,
 И тѣхъ обманомъ отвели,
 И гробъ тихонько увезли.

Поэта мучить и терзать,
 Губить со злобою холодной,
 На тѣло мертвое не дать
 Пролить слезу любви народной,—
 Чтожъ можно вамъ еще сказать
 Чтобъ было хуже ? Благородный,
 Священный гнѣвъ въ душѣ моей
 Кипить—чѣмъ скрытѣй, тѣмъ сильнѣй.

Но только втайнѣ пару словъ
 Могу сказать въ кругу собратій,
 Боясь тюрьмы, боясь оковъ,
 Боясь предательскихъ объятій.
 А какъ бы на его враговъ
 Я, сколько есть въ душѣ проклятій—
 Собрать былъ радъ въ единый мигъ,
 Чтобы въ лице имъ плюнуть ихъ.

И вашъ еще спокоевъ духъ
И не дрожите вы съ досады,
Что такъ безсильны мы мой другъ,
И что намъ правду прятать надо,
И миѣнью высказаться вслухъ
Вездѣ поставлены преграды?
Да еслибъ кто чужой узналъ,
Онъ насъ бы трусами назвалъ.

V.

Но мы оставимъ мрачный тонъ,
Задержимъ скорбную картину,
Вашъ духъ тоскою удрученъ
Я вижу вы ужъ близки къ сплину;
Я вамъ кажуся Цицеронъ
Который мечеть въ Катилину
Неумолимый приговоръ
И гнѣвный, безпощадный взоръ.

А я скажу вамъ между тѣмъ,
Что Цицерона я бывало
И не читалъ почти совсѣмъ,
Покрайней мѣрѣ очень мало;
За длинный слогъ его дилеммъ
Я съ жаромъ принялся сначала,
Потомъ за чтеньемъ сонъ клонилъ,
А нынче все я позабылъ.

Вотъ здѣсь ораторовъ вѣнецъ
 Блится Гречь, скажу безъ лести;
 Булгаринъ выше какъ мудрецъ
 Всѣхъ стойковъ хоть взятыхъ вмѣстѣ,
 Сознавъ презрѣнье наконецъ
 Не только къ смерти, даже къ чести;
 Но полно, другъ мой, Гречь, Оаддей
 Внѣ всякой критики, ей, ей!

Пожалуйста на этотъ мигъ
 Забудемъ дюжину журналовъ,
 Въ форматахъ малыхъ и большихъ,
 Забудемъ кучу Генераловъ,
 Темно-зеленыхъ, голубыхъ
 И всѣхъ начальниковъ кварталовъ,
 И всѣхъ шпионовъ записныхъ—
 Элькана, Фабра и другихъ.

Меня влечетъ иной предметъ,
 Но всежъ замѣчу непремѣнно
 Шпионами чрезъ десять лѣтъ
 Всѣ будутъ на Руси священной;
 Ну, въ цѣлой Руси можетъ нѣтъ,
 А въ Петербургѣ несомнѣнно.
 Князь Метернихъ, забудьте спѣсь...
 И царствовать учитесь здѣсь.

Въ углу театра я сидѣлъ
 Въ расположеніи угрюмомъ,
 На ложи холодно глядѣлъ,
 Гдѣ дамы пышныя костюмомъ
 Блестали—и скорѣй хотѣлъ,
 Чтобъ занавѣсь взвилася съ шумомъ;
 За чѣмъ не знаю право самъ,
 Хотѣлъ я волю дать слезамъ.

Вы согласитесь, другъ мой,
 Есть въ жизни странныя мгновенья,
 Желчь не кипитъ, въ груди больной
 Стихаетъ жгучее мученье,
 Но грусть глубокая съ душой
 Дружится тихо... Безъ сомнѣнья
 Благословенъ кто въ этотъ часъ
 До слезъ разтрогать можетъ насъ.

Душа такъ живо сознаетъ
 Любви неопытной страданья,
 И внѣшней жизни тяжкій гнетъ,
 И сладость перваго признанья,
 И нечувствительно встаетъ
 Неясное воспоминанье...
 Предъ вами драма, а за ней
 Мелькаетъ даль минувшихъ дней.

Мме. Аллан, о! какъ она
Постигла жизнь, глубоко, вѣрно!
Какъ ею роль вся создана!
И любить какъ она безмѣрно
И какъ страдаетъ! какъ полна
Тоски она неліцемѣрно!
Движенье, поступь, взглядъ очей
Все сильно поражаетъ въ ней.

Я плакалъ какъ дитя, другъ мой;
Тревожно грудь моя дышала,
За мной сидѣлъ старикъ сѣдой
И плакалъ и рука дрожала,
И жилъ онъ старою душой,
А публика рукоплескала;
Лишь двое чувствами души
Мы увлекались въ тиши.

И я взглянулъ на старика
Такъ симпатически...готова
Была руки искать рука;
Но я не смѣлъ, но ни пол-слова
Не сорвалося съ языка,
Я недвижимъ остался снова;
Разставшись молча съ старикомъ,
Я не встрѣчался съ нимъ потомъ.

Но въ этотъ вечеръ я унесъ
Съ собой толпу воспоминаній,
Слѣды душевныхъ теплыхъ слезъ,
И много сладостныхъ мечтаній,
И ночью, средь неясныхъ грезъ,
Я чье то сердце отъ страданій
Спасалъ—и смутно предо мной
Въ слезахъ носился ликъ сѣдой.

VI.

Была ужъ майская пора,
И солнце жаркими лучами
Палило пышный градъ Петра;
По улицамъ народъ толпами
Стремился съ самаго утра,
Ходили стройными рядами
Отряды длинные солдатъ;
Въ тотъ день назначенъ былъ парадъ.

Направилъ любопытный шагъ
И я тудажъ, хоть въ самомъ дѣлѣ
Я былъ непримиримый врагъ
Забавамъ воинскимъ доселѣ,
И не умѣлъ понять никакъ
Какъ человѣкъ, въ комъ уцѣлѣли
Двѣ мысли здравыхъ какъ нибудь,
На нихъ могъ съ радостью взглянуть.

Но увлекаюсь часто я...
Лѣса и степь, весна и роза,
И ропотъ при лунѣ ручья,
И яркій иней въ день мороза,
Все тотчасъ радуеть меня,
Теперь *Allegro maestoso*,
Обнявъ торжественно мой слухъ,
Душею завладѣло вдругъ.

Толпы несчетные полковъ,
Стоять на площади широкой,
Густая масса ихъ рядовъ
Недвижна въ тишинѣ глубокой,
На солнцѣ блещетъ сталь штыковъ
Такъ что смотрѣть не можетъ око,
И кажетъ кирасировъ рядъ
На бѣломъ фондѣ чернеть латы.

Между уланъ и казаковъ
Гусары съ грудью золотою;
Лишь оторвавшись отъ полковъ
Гремя желѣзной чешуею,
Летитъ черкесь между рядовъ,
На мѣстѣ быстрою рукою
Вертитъ коня, и конь заржавъ
Назадъ несетъ его стремглавъ.

Всѣ въ ожиданіи нѣмомъ.
 Вотъ скачетъ царь съ блестящей свитой,
 Играетъ вѣтръ его перомъ,
 Онъ гордъ и пасмурень. Серdito
 Онъ озирается кругомъ
 И ѣдитъ въ рядъ. Въ едино слито
 Ура полковъ и трубный звукъ
 На встрѣчу раздаются вдругъ.

Маршъ заигралъ. Пошла разъ въ разъ
 Пѣхота массою спокойной;
 За нею конница вилась
 Колонной пестрою и стройной.
 Я самъ былъ воинъ въ этотъ часъ!
 Въ душѣ проснулась безпокойно
 Потребность крови и войны...
 Какъ люди странно созданы!

Что, еслибъ я на этотъ мигъ,
 Прямаго полный вдохновенья
 Могъ прокричать отважный кликъ
 Священнаго освобожденья?
 За мной! точите мечъ и штыкъ!
 Я поведу васъ въ направленьи,
 Въ которомъ эти господа
 Не поведутъ васъ никогда.

Но мы объ этомъ помолчимъ
Мечтой не увлечемся даромъ;
Солдатъ нашъ глупъ еще—Богъ съ нимъ,
Привыченъ къ палочнымъ ударамъ,
И вольность не любима имъ,
Живущимъ въ предразсудкѣ старомъ.
Да вольность, другъ мой, вообще
Народу рано дать еще.

По крайней мѣрѣ всѣ пока
У насъ еще такого мнѣнья,
Пускай намъ будетъ жизнь легка,
Народу отдадимъ мученье,
На чернь взирая свысока,
Въ залогъ мы ей пошлемъ терпѣнье.
А почему все это такъ —
Я не могу понять никакъ.

Печально глядя на полки
Я думалъ—Боже, Боже правый!
Страданья наши велики!
И долго деспотизмъ лукавый,
Опершись злобно на штыки
И развращая наши нравы,
Ругаться будетъ надъ людьми;
Проклятье войску—чортъ возьми!

VII.

“Сія огромные сфинксы привезены
и поставлены здѣсь.”

Ну виновать! Не могъ въ стихахъ
Я передать вамъ фразы странной,
Въ академическихъ умахъ
Мелькнувшей какъ то въ день туманный;
Глупа она, конечно, страхъ,
И поражаетъ васъ нежданно,
И пахнетъ пудрой, парикомъ
И Семинаріи перомъ.

Чтожь дѣлать? глупость съ давнихъ дней
Всѣхъ академій достоянье,
Временъ новѣйшихъ Фарисей
Имѣетъ въ оныхъ засѣданье;
Но хуже не найти ей, ей,
Людей духовнаго намъ званья;
Изъ всѣхъ апостоловъ святыхъ
Иуда лишь въ чести у нихъ.

Здѣсь кстати я сказалъ бы вамъ,
 Законы разбирая строго,
 О томъ, что всѣмъ у насъ къ чинамъ
 Открыта быстрая дорога,
 Но о чиновничествѣ намъ
 Говорено, мой другъ, такъ много,
 Что признаюся—мнѣ оно
 Уже наскучило давно.

Къ томужь скажу безъ дальнихъ словъ
 Я радъ что нѣтъ аристократовъ,
 И еслибъ не было рабовъ,
 Я всѣхъ бы счелъ за демократовъ;
 Но этотъ вѣчный Хлестаковъ,
 Съ гурьбой военныхъ нашихъ хватовъ,
 Невольно желчь вливаютъ въ кровь.
 Но къ сфинксамъ возвратимся вновь.

Забавно видѣть какъ уста,
 Лицо, глаза уродовъ Нила,
 Какой то нѣжности черта
 Роскошно, страстно озарила.
 Востока жизнь, моя мечта
 Въ душѣ внезапно воскресила;
 Передо мной лежала степь,
 И пирамидъ огромныхъ цѣпь.

Воскресла мыслию полна
 Страна гдѣ воплощался Брама,
 И съ Богомъ мстительнымъ страна
 Сыновъ лукавыхъ Авраама;
 Потомъ другія времена...
 Люблю мечтать про рай Ислама,
 Смотрѣть какъ скачетъ Бедуинъ,
 Песокъ взметая средь равнинъ.

Люблю я пальмы и цвѣты,
 Безбрежность полную покоя,
 Оливъ зеленые листы,
 И часъ полуденнаго зноя,
 И прелесть смуглой красоты,
 И запахъ мирры и алая,
 И жизни лѣнь и пыль въ крови,
 И вѣгу жгучую любви.

Я не скрывалъ, мой другъ, отъ васъ—
 Происхожденьемъ я Татаринъ,
 Во время оно окрестясь
 Мой прадѣдъ вышелъ русской баринъ,
 Съ тѣхъ поръ ужъ было много насъ;
 Я Богу очень благодаренъ,
 Что наконецъ рожденъ на свѣтъ,
 Такой же баринъ какъ мой дѣдъ.

Дворянство наше все почти
 Татаръ крестившихся потомки,
 Но можно изрѣдка найти ,
 Фамилій княжескихъ обломки,
 Да какъ то мало въ нихъ пути ;
 Ихъ имена конечно громки,
 Но представители именъ
 Глупѣютъ въ быстротѣ времянь.

Какъ я досадовать привыкъ,
 Волнению тайному послушный,
 Я позабылъ любви языкъ,
 Нѣтъ въ мысли шутки простодушной,
 Пропало все!... Лишь боли крикъ
 Живетъ въ груди равнодушной,
 Негодование растеть,
 И все внутри палить и жжетъ.

Вы помните, что нравомъ я
 Былъ тихій, кроткій, даже нѣжный,
 Любилъ зеленя поля
 И темный лѣсъ и скать прибрежный,
 Друзей бесѣду, шумъ ручья
 Въ тиши ночной напѣвъ мятежный
 И Теклу Шиллера и сны,
 И лучъ задумчивый луны.

Здѣсь все пропало ! Цѣлый день
Ношусь я въ сердцѣ съ злобой скрытой,
Не сплю ночей. То будто тѣнь
Блуждаю съ думой ядовитой,
То въ апатическую лѣнь
Впадаю вдругъ, тоской убитый,
И политическій нашъ бытъ
Меня безъ отдыха томить.

VIII.

Есть домикъ старый. Онъ стоитъ
Давно одинъ на брегѣ плоскомъ,
У двери ходитъ инвалидъ.
Двѣ комнаты. Съ златистымъ лоскомъ
На лѣво образъ, и горитъ
Предъ нимъ свѣча и каплетъ воскомъ ;
На право стулъ простой съ столомъ,
Нева течетъ передъ окномъ.

Тутъ онъ сидѣлъ и создавалъ...
Великъ и простъ. Сюда порою
Пословъ заморскихъ принималъ ;
А здѣсь онъ оскорбленъ борьбою
Съ людьми предъ образомъ стоялъ
И духъ крѣпилъ себѣ мольбою,
И грудь широкая не разъ
Вздыхала тяжело въ поздній часъ.

Теперь все пусто. Этот домъ
 На васъ могильнымъ хладомъ вѣть,
 И будто въ склепѣ гробовомъ
 Душа тоскуеть и нѣмѣть,
 Ей тяжело и страшно въ немъ,
 И такъ она благоговѣть,
 Какъ будто что то тутъ давно
 Великое схоронено.

Есть замокъ на горѣ крутой,
 Онъ дышетъ роскоши отрадой,
 Тѣнистыхъ липъ дряхлѣть строй
 Предъ нимъ зеленою оградой,
 Сверкая шумною струей
 Фонтаны внизъ бѣгутъ каскадой
 И море синее легло
 У ногъ горы и вдалъ пошло.

Была блестящая пора...
 Здѣсь прежде женщина живала
 И блескомъ пышнаго двора
 Себя тщеславно окружала,
 И съ полуночи до утра
 На ложѣ мягкомъ отдыхала,
 Несытой нѣгою полна,
 Въ рукахъ любовниковъ она.

Но все прошло — и простота
 Царя великаго Россіи,
 Царицы умной красота,
 Обоихъ замыслы большіе,
 Цивилизаціи мечта,
 И нынче времена другія—
 Развратъ запачканный и лесть,
 Вражда съ свободой, мелкость, месть...

Падешь ты гордый Вавилонъ !
 Ужъ Божій гнѣвъ тебѣ пророки
 Давно сулятъ со всѣхъ сторонъ.
 Ты глухъ пока на ихъ упреки,
 Надменной злобой напыщенъ :
 Но кары Божія жестоки !
 Бѣдой грозить народный стонъ,
 Падешь ты гордый Вавилонъ !

Томимъ глубокою тоской
 Сошелъ я къ морю. Вѣтеръ злился,
 Свистя надъ мрачной глубиной,
 За валомъ валъ сѣдой клубился
 И злобно прыгалъ, и порой
 О берегъ каменный дробился,
 И брызги дико вверхъ кидалъ,
 И съ тяжкимъ стономъ упадалъ.

Я былъ доволенъ. Я внималъ
Такъ жадно реву непогоды,
Лицо на брызги выставялъ ;
Борьба души съ борьбой природы
Такъ были дружны...И я зналъ,
Что весь мой вѣкъ прося свободы,
Какъ валъ морской я промечусь
И послѣ съ стономъ разшибусь.

IX.

Ну радуйтесь ! Я отпущень !
Я отпущень въ страны чужія !
Я этой мыслью оживлень ;
Но были хлопоты большія...
Да это полно ли не сонъ ?
Нѣтъ ! Завтражъ кони почтовые
И я скачу vom ort zu ort,
Отдавши деньги за паспортъ.

Конечно и въ краю чужомъ —
Въ Парижѣ, въ Римѣ, въ Вѣнѣ въ Прагѣ
(Хоть смысла много нѣтъ и въ томъ)
Берутъ налогъ съ листа бумаги ;
Тутъ цѣнность дѣль—вотъ дѣло въ чемъ ;
Но нѣтъ нигдѣ такой отваги,
Чтобъ на людей начестъ налогъ
Съ движенья рукъ ихъ или ногъ.

Но чтожь? Привычка и нужда,
 Я заплатилъ безъ возраженья.
 Не такъ ли всѣ мы господа?
 Иной воскликнетъ — угнетенье!
 Другой ему отвѣтитъ — да!
 И общее то будетъ мнѣнье,
 Всѣ покричатъ себѣ, потомъ
 Такъ и останется на томъ.

Но вамъ признаться долженъ я,
 Что мнѣ въ пути хотя не маломъ
 Быть много времени нельзя.
 Когда представленъ Генераломъ
 Царю докладъ былъ про меня,
 Чтобъ я не вышелъ либераломъ
 Царь подписалъ: быть по сему,
 Гулять шесть мѣсяцевъ ему.

Полгода! только! о другъ мой,
 Какъ это мало! И за что же
 Предѣлъ поставленъ мнѣ такой?
 Что воли можетъ быть дороже?
 Но благодарною душой
 Я одаренъ тобой, мой Боже!
 И потому на счетъ сего
 Я не скажу ужъ ничего.

Поѣду. Что то будетъ тамъ?
 Воскресну ли я къ жизни новой,
 Всегда предаться новымъ снамъ
 И новымъ мнѣніямъ готовый?
 Иль страствуя по тѣмъ мѣстамъ,
 Съ душой печальной и суровой
 Останусь я, какъ здѣсь бывалъ,
 Гдѣ столько скорбнаго встрѣчалъ.

На умъ приходятъ часто мнѣ
 Мои младенческіе годы,
 Село въ вечерней тишинѣ,
 Въ саду свѣтящіяся воды
 И жизнь въ какомъ то полуснѣ,
 Въ кругу семьи, среди природы,
 И въ этой сладостной тиши.
 Порывы первые души.

Когда мы въ памяти своей
 Проходимъ прежнюю дорогу,
 Въ душѣ всѣ чувства прежнихъ дней
 Вновь оживаютъ по немногу;
 И грусть и радость тѣже въ ней,
 И знаетъ тужь она тревогу,
 И также вновь тѣснится грудь,
 И также хочется вздохнуть.

И вотъ теперь въ вечерній часъ
Заря блетститъ стезею длинной,
Я вспоминаю какъ у насъ
Давно обычай былъ старинной,
Предъ воскресеньемъ каждый разъ
Ходилъ къ намъ попъ сѣдой и чинной
И передъ образомъ святымъ
Молился съ причетомъ своимъ.

Старушка бабушка моя
На кресла опершись стояла,
Молитву шопотомъ твоя,
И четки все перебирала ;
Въ дверяхъ, знакомая семья
Дворовыхъ лицъ, мольбѣ внимала,
И въ землю кланялись они,
Прося у Бога долги дни.

А блескъ вечерній по окнамъ
Межъ тѣмъ горѣлъ. Деревья сада
Стояли тихо. По холмамъ
Тянулась сельская ограда,
И расходилось по домамъ
Уныло медленное стадо.
По залѣ изъ кадила дымъ
Носился клубомъ голубымъ.

И все такую тишиной
Кругомъ дышало, только чтение
Дьячковъ звучало, а съ душой
Дружилося тайное стремленье,
И смутно съ дѣтскою мечтой
Ужъ грусти тихой ощущенье
Я бессознательно сближалъ,
И все чего то такъ желалъ.

Къ чему все это вспомнилъ я ?
Мой другъ, я самъ не знаю право ;
Припадки это у меня
Меланхолическаго нрава,
Быть можетъ важность всю храня,
Вы улыбнетесь лукаво,
А можетъ быть мечтой своей
Забудетесь средь дѣтскихъ дней.

X.

Всходило утро. Небеса
Румянцемъ розовымъ сіяли,
Какъ первой юности краса;
Но улицы еще дремали
Съ домами бѣлыми. Роса
Кой гдѣ блистала. Люди спали,
И только бѣлый голубокъ
Кружился въ небѣ одинокъ.

Ворча сквозь зубъ попался мнѣ
Одинъ гуляка запоздалый,
Рукой цѣпляясь по стѣнѣ;
Да дворникъ, свечера усталый,
Съ глазами слипшими во снѣ,
Держа метлу рукою вялой,
Зѣвая громко во весь ротъ,
Стоялъ крестясь у воротъ.

Нева спокойною струей
Лилась въ теченіи лѣнливомъ,
И утро ярко надъ водой
Сверкало радушнымъ отливомъ;
Я въ лодку сѣлъ и слѣдъ за мной
Пошелъ въ волненіи игривомъ,
И брызги искрились кругомъ,
Взлетая звонко подъ весломъ.

Я выплылъ въ море, и оно
Безбрежно синее лежало,
Сіяньемъ дня озарено,
И тихо воды колыхало,
Спокойной думою полно,
И лодку медленно качало...
Но съ береговъ ко мнѣ въ тотъ мигъ
Звукъ ни единый не достигъ.

И было море все кругомъ...
Лишь у меня надъ головою,
Носился радужнымъ крыломъ
Жужжащій шмель, и той порою
Мы были только съ нимъ въ двоємъ
Затеряны надъ глубиною.
Волну, жужжаніе его
Я слышалъ, больше ничего.

И хорошо такъ было мнѣ,
И я забылъ про всѣ печали,
Безпечно ввѣрся волнѣ,
Терялись взоры въ синей дали,
Иль утопали въ глубинѣ,
Иль въ небѣ ясномъ исчезали
И чувствовалъ въ раздольи я
Лишь безконечность, да себя.

Я въ этотъ дивный свѣтлый часъ
Благословилъ Неву и море;
Душа покою предалась
На голубомъ его просторѣ,
И я въ столицу возвратясь,
Забылъ и ненависть и горе,
Ее безъ злобы увидалъ,
И въ этотъ разъ не проклиналъ.

XI.

Варшава

Такъ я отъ невскихъ береговъ,
Поѣхалъ мирно, рысью ровной;
Пять, шесть уѣздныхъ городовъ,
Еще попались мнѣ до Ковно,
Потомъ пошли корчмы жидовъ,
Клевы свиней вонючихъ словно;
Всѣхъ монополій вѣчный врагъ
Я подъ полой провезъ табакъ.

И вотъ я въ новой сторонѣ,
И вотъ ужъ я середь Варшавы;
Дома твердятъ о старинѣ,
Но мраченъ городъ величавый,
Какъ витязь падшій на войнѣ.
Вездѣ сидитъ орелъ двуглавый,
Надъ жертвой крылья разпустивъ
И когти хищныя вонзивъ.

Мнѣ жалко жертву. Не легка
Ей тяжесть этой звѣрской длани!
И если трону Поляка
Когда нибудь я словомъ брани,
Пусть высохнетъ моя рука,
И пусть прильнетъ языкъ къ гортани;
Во мнѣ вражды народной нѣтъ,
Дай руку, бѣдный мой сосѣдъ!

Твои права подавлены,
Трофеи древніе отъяты
И дерзко прочь увезены;
Твоихъ царей, сады, палаты,
Сатрапамъ жалкимъ отданы,
Тебѣ не счесть твои утраты!..
Безсильный стонъ одинъ тебѣ
Остался въ горестной судьбѣ.

Нѣтъ я не врагъ тебѣ сосѣдъ!
Какъ ты и я люблю свободу
И далъ ей жертвовать обѣтъ.
Я пострадавшему народу
Теперь шлю братственный привѣтъ;
Твою жестокою невзгоду
Съ слезою вижу Польши сынъ,
Какъ человекъ и Славянинъ.

Вѣся темной полосой
 У ногъ Варшавы вѣется Висла
 И ропщетъ быстрою волной,
 И этотъ ропотъ полный смысла,
 Звучить мучительной тоской;
 И туча черная нависла
 Надъ городомъ, какъ мрачный сводъ
 Надъ гробомъ. Спи мертвецъ народъ!

На берегу Полякъ сидитъ,
 Полякъ задумчивъ. Головою
 Склонясь кудрявой, въ даль глядитъ,
 И взоръ безвыходной тоскою
 Такъ полонъ. Блѣденъ цвѣтъ ланить.
 Полякъ, Полякъ! Съ твоей страной
 Что случилось бѣдный человѣкъ?
 Что Польша? умерла на вѣкъ?

Такъ въ Вавилонѣ при рѣкахъ
 Они печальные сидѣли
 Съ молчаньемъ грустнымъ на устахъ
 И пѣсни вольныя не пѣли,
 Повѣся арфы на вѣтвяхъ,
 И все о родинѣ скорбѣли,
 И ждали—выведетъ пока
 Изъ плѣна Божія рука.

Жди Польша молча, и повѣрь
Все это было въ Божьей волѣ;
Спроси поповъ своихъ теперь,
Они научатъ какъ въ неволѣ
Смиряться должно; рая дверь
Тебѣ покажутъ. Что же болѣ?
А въ жизни этой ты страдай,
Неси ярмо и умирай.

Все это видно надо такъ!
Несите крестъ съ благословеньемъ,
Любви достоинъ каждый врагъ,
Вооружайтесь терпѣньемъ;
Но къ Вислѣ не ходи Полякъ
Сидѣть съ печальнымъ размышленьемъ,
Вода заманчива—и въ ней
Легко укрыться отъ скорбей.

XII.

Есть близъ Варшавы дивный садъ,
Каштановъ темная аллея
И тополей высокихъ рядъ
Къ нему ведутъ; тамъ зеленѣя
Сирени пахнутъ и шумять,
И роза юная краснѣя,
Въ тѣни листовъ цвѣтетъ пышна,
Душистой жизнiю полна.

Лазенки! Мнѣ вы навсегда
Въ воспоминаньи сохранились,
Мы тамъ на берегу пруда
Съ весной другъ другу поклонились.
Свѣтла какъ зеркало вода
И къ ней деревья наклонились,
Фонтанъ журчитъ и межъ вѣтвей
Не умолкаетъ соловей.

Не знаетъ птичка нашихъ бѣдъ,
 Для пѣсенъ ей вездѣ свобода;
 Спокоенъ розы пышный цвѣтъ,
 И отъ заката до восхода,
 И до конца съ начала лѣтъ,
 Себялюбивая природа
 Блится дивною красой
 Средь жизни вѣчно молодой.

И безъ участія глядитъ
 Какъ мимо съ вѣчною тоскою,
 Вѣнцомъ страдальческимъ покрытъ,
 Дыша сердитою враждою,
 Не выпуская мечъ и щитъ,
 Окровавленную стопою,
 Идетъ угрюмъ изъ вѣка въ вѣкъ
 Себялюбивый человѣкъ.

Въ саду стоитъ высокій домъ,
 Король живаль въ немъ для забавы;
 Теперь живетъ враждебно въ немъ
 Вождь подозрительный, лукавый,
 Чужимъ поставленный царемъ,—
 Но въ дни безславья, какъ въ дни славы,
 Журчитъ фонтанъ и межъ вѣтвей
 Не умолкаетъ соловей.

XIII.

Калишъ

Граница! Черезъ пол-часа
Я въ Шлезіи. И вотъ смущенье
Тѣснить мнѣ грудь. Поля, лѣса,
И запахъ розъ и птичекъ пѣнье,
И голубые небеса —
Чужое все! Еще мгновенье
И закричу невольно я;
Ужъ вотъ не Русская земля!

Какъ это чувство странно, другъ!
Конечно разницы ни малой
Нѣтъ въ двухъ шагахъ; но какъ то вдругъ
Я отдохнулъ душой усталой,
Какъ будто цѣпь свалилась съ рукъ,
И такъ легко, легко мнѣ стало,
И съ вѣрой я на жизнь взглянулъ,
И вольно, широко вздохнулъ!

Въ столицѣ Сѣвера, потомъ
Въ столицѣ Польши, я душою
Былъ просто мученикъ. Огнемъ
Мнѣ сердце жгло; ужъ не хандрою,
То что меня томило днемъ
И ночью мучило тоскою,
Я назову—а было, другъ,
Отчаянье мой злой недугъ.

Ужъ въ будущность страны моей
Никакъ не могъ я вѣрить болѣ,
И думалъ, видно вѣчно ей
Судилъ Господь страдать въ неволѣ...
И начиналъ я видѣть въ ней
Одно заброшенное поле,
Безплодную глухую степь,
И жизнь звучала мнѣ какъ цѣпь.

Но другъ, едва ли я былъ правъ.
Когда бъ съ холоднымъ разсужденьемъ,
Всѣ вещи строго разобравъ,
На все я могъ взглянуть съ терпѣньемъ—
Не тобъ нашель. Но слабый правъ
Увлекся внутреннимъ мученьемъ,
И какъ разтоптаный цвѣтокъ
Я только грустно вянуть могъ.

Что жъ съ жизнью сладить ли мой умъ
 И заживетъ ли сердца рана,
 Когда предстанутъ мнѣ—среди думъ
 Германія? Среди океана
 Смышленный Лондонъ? Вѣчный шумъ
 Парижа? Снѣжный верхъ Мон-Блана
 И съ небомъ вѣчно голубымъ
 Надъ старымъ Тибромъ старый Римъ?

Не знаю! вѣрю! но темно
 Грядущее передъ очами;
 Богъ вѣсть что мнѣ сулитъ оно!
 Стою со страхомъ предъ дверями
 Европы. Сердце такъ полно
 Надеждой, смутными мечтами—
 Но я въ сомнѣнїи другъ мой,
 Качаю грустно головой.

И вотъ я вспомнилъ какъ подь часъ
 Мы съ вами вечеромъ сидѣли
 Передъ каминомъ, и у насъ
 Подъ вопль пронзительной мятели,
 Бесѣда мирная велась.
 Признаться вамъ, часы летѣли
 И даже дѣло къ утру шло
 А было на сердце свѣтло.

Я стану вѣрить. Много есть
 Чудесныхъ въ жизни сей мгновений
 И еслибъ намъ ~~еще~~ перечестъ! *еще*
 Вотъ хоть теперь ночныя тѣни
 Исчезли; радостную вѣсть
 Съ залогомъ новыхъ наслаждений
 Несетъ мнѣ радужный востокъ.
 Свѣтя на бѣдный городокъ.

Addio! Мнѣ пора, другъ мой!
 Длинна, длинна моя дорога!
 Съ слезою я, мой край родной,
 Стою у твоего порога.
 Да будетъ свято надъ тобой
 Во вѣкъ благословенье Бога!
 Гляжу полу-печально въ даль,
 И право—какъ мнѣ всѣхъ васъ жаль!

ИЗБА.

Небо въ часъ дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узора
Мерзлаго окна.

Вечерь зимній длится,
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится,
И ужъ спитъ себѣ.

Моляся Богу,
Улеглася мать;
Дѣти понемногу
Стали засыпать.

Только, за работой,
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь

И лучина блѣдно
Передъ ней горить:
Все въ избушкѣ бѣдной
Тишиной томить.

Лишь звучить докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

НЕАПОЛЬ.

1.

Въ часъ полуденный, на склонѣ
Раскаленныхъ береговъ,
Дремлетъ смуглый *lazzarone*,
Врагъ заботы и трудовъ.
Въ шапкѣ красной на бекрени,
Грудь широко распахнувъ,
И отъ зноя, и отъ лѣни
Разметался онъ, заснувъ;
Брови черныя нависли,
Пышетъ жаръ отъ желтыхъ щекъ,
Руки жилистыя свисли
На разсыпчатый песокъ.
Нищъ и босъ, и грѣзь не зная,
Вѣкъ безпечень онъ лежитъ,
И надъ соннымъ пролетая
Чайка сѣрая кричитъ.
Съ неба лучъ палить и блещеть,
И, на скатъ береговой
Набѣгая, море плещеть

Вѣчно-шумною волной.
 Strada nuova, садъ и Chiaia,
 И Везувій, думы полнь—
 Растянулись, облегая
 Ширь серебрянную волнь.
 Съ лона водъ въ нѣмомъ покоѣ
 Капри синій тихо всталъ...
 Ясно небо голубое,
 Жарокъ воздухъ, звученъ валъ:
 Хорошо, мой lazzarone,
 Спать, не вѣдая трудовъ,
 Въ зной полуденный на склонѣ
 Итальянскихъ береговъ!

2.

За утесами Puzziolo
 Солнце клонится свѣтло
 И лучи свои оттолѣ
 Въ небѣ синемъ разнесло.
 Западъ красный жарко пышетъ,
 Чистъ широкій небосклонъ,
 Теплый воздухъ робко дышетъ,
 Пахнетъ роза и лимонъ.
 Въ блескѣ позднею длинной лентой—
 Сквозь туманъ прозрачный—мнѣ
 Виденъ берегъ, гдѣ Сорренто
 Дремлетъ въ свѣтлой тишинѣ.

По лиловому играет
 Морю золото лучей,
 Море тихо гладь вздымаетъ
 Переливчатыхъ зыбей.
 Взоры тонуть въ отдаленьи,
 Внемлетъ слухъ волнъ морской
 И послѣднему движенью
 Опустѣлой мостовой.
 Челнъ качается лѣниво
 У побережья забыть,
 Вечеръ пышный молчаливо
 Въ небѣ гаснетъ и горить.

3.

Среди улицы Толедо—
 Не для драки или ссоръ,
 Не для дружеской бесѣды,
 Не на грозный приговоръ—
 Собралась, полна вниманья,
 Любопытная толпа,
 Но стеклася на вѣщанье
 Черноризаго попа.
 Lazzarone босоногой
 И зѣвакъ прохожихъ рядъ,
 И старуха и убогой,
 Дѣти, женщины, солдатъ—
 Взоръ недвиженъ, рты раскрыты,—
 Всѣ уставились кругомъ

И глядятъ на Іезуита
 Въ ожиданіи нѣмомъ.
 Изъ-подъ черной длинной шляпы
 Школьъ духовныхъ ученикъ,
 Вѣрный рабъ святаго папы,
 Кажеть блѣдно-смуглый ликъ.
 Въ вдохновеньи заученомъ
 Онъ, бѣснуясь предъ толпой,
 Машеть съ жестомъ затверженнымъ
 Угрожающей рукой:
 “Jesus Christus! Dio Santo !
 Гадокъ нашъ подлунный міръ;
 Слово полное таланта
 Разобьетъ людской кумирь.
 Люди! вами путь спасенья
 Средь земныхъ утѣхъ забыть;
 Въ жизни вѣчной вамъ мученье
 Церковь кроткая сулитъ!
 Духъ упалъ среди разврата,
 Гнѣвенъ Богъ на небесахъ!”...
 И латинская цитата
 На толпу наводитъ страхъ.
 Но я видѣлъ—это вѣрно—
 Итальянкѣ молодой,
 Іезуитъ мой лицемѣрный,
 Бросилъ взоръ ты огневой,
 И незнаю, послѣ рѣчи,
 Какъ, куда, святой отецъ,
 Для какой нежданной встрѣчи,
 Забредешь ты наконецъ...

4.

Въ мглѣ вечерней дремлетъ Chiaia,
И расходится народъ;
Итальянка молодая
Одинокая идетъ.
Станъ роскошный стройно-тонокъ,
Грудь высокая пышна;
А давно-ль была ребенокъ
Беззаботная она?
Нынче-жъ страсть во взорахъ яркихъ,
Щеки смуглыя горять,
И уста лобзаній жаркихъ,
Можетъ-быть, уже хотятъ:
Ужъ не спросту завить смѣло
Локонъ черный по вискамъ,
И съ косы платочекъ бѣлый
Спущенъ въ складкахъ по плечамъ;
Платьемъ длиннымъ чуть прикрыта
Пара маленькая ногъ,
И легко стучить о плиты
Деревянный башмачокъ.
Вотъ она, стопой смущенной,
Робко входитъ въ Божій храмъ;
Помолилась предъ Мадонной,
Поклонилась образамъ,
Тихо стала у рѣшетки,
За которой въ мглѣ сидить,
Разбирая молча четки,
Престарѣлый кармелить.

“Padre mio ! я не знаю
Прегрѣшенья за собой,
Но я стражду и стараю
Безотходною тоской.

Кровь какъ пламень льется въ тѣлѣ,
День несносенъ, ночь длинна—
Я не знаю на постелѣ
Освѣжающаго сна.

Сердце просить все чего-то,
И о чемъ-то я грущу,
И во тмѣ ночной кого-то
Тщетно страстно я ищу !”

— Часто-ль ты творишь молитву?—

“Я молюсь, отецъ святой !”

— Зналъ, дитя, я эту битву ;
Тожъ я молодъ былъ, другъ мой,
Также кровь огнемъ горѣла,
Я ловилъ мечту и тѣнь,
И покоя не имѣла

Грудь моя ни ночь, ни день.

Но я сталъ поститься строго,

И постриженъ и разуть,

Отдалъ я на службу Бога

Каждый мигъ и каждый трудъ.—

“Чтожъ мнѣ дѣлать?” — Сдѣлай то-же :

Монастырь пріютъ святой ;

Да пошлетъ тебѣ въ немъ Боже

Силу, святость и покой ! —

Старъ ты сталъ, служитель Бога,

Смутно помнишь вѣкъ былой !...

Но предъ дѣвой у порога
 Итальянецъ молодой.
 Оба вздрогнули и стали —
 Ужъ скорѣй бы ей бѣжать!
 Вѣдь о нѣй теперь едва-ли
 Не встревожилася мать...
 Тьмою улицы покрыты—
 Слышенъ шагъ двухъ крѣпкихъ ногъ.
 И за нимъ стучить о плиты
 Деревянный башмачокъ.

5.

Надъ Везувіемъ восходитъ,
 И спокойна и пышна,
 И на море блескъ наводитъ
 Лучезарная луна.
 По лазури неба темной
 Звѣзды ярко зажжены,
 Тихо дышетъ въ нѣгѣ томной
 Ночь полуденной страны.
 Тихъ Везувій. Груды лавы
 Вкругъ себя онъ набросалъ
 И, дымяся величаго,
 Середь ночи задремалъ.
 Я смотрю съ Villa reale
 Вдаль по искристымъ водамъ :
 Тѣни легкой дымкой пали

По далекимъ берегамъ ;
Море, въ сладкомъ усыпленьи,
Звучно зыблетъ лово водъ,
И въ туманномъ отдаленьи
Смутно Капри предстаеть ;
Въ думѣ мрачной и суровой,
Какъ преступникъ въ часъ ночной,
Одинокъ Castel del ovo
Омываемый волной.
Спать Неаполь, нѣгой свѣта
Лунной ночи озарень ;
Я гляжу — и мнѣ все это
Предстаеть, какъ пышный сонъ.

GASTHAUS ZUR STADT ROM.

Луна печально мнѣ въ окно
Сквозь сѣрыхъ тучъ едва сіяла ;
Ужъ было въ городѣ темно,
Пустая улица молчала,
Какъ будто вымерли давно
Всѣ люди... Церковь лишь стояла
Въ срединѣ площади одна
Столѣтней жизнию полна.

Свѣча горѣла предо мной ;
Исполненъ внутреннимъ страданьемъ,
Безъ сна сидѣлъ я въ часъ ночной,
Сидѣлъ, томимъ воспоминаньемъ
И безпредметною тоской,
И безотчетливымъ желаньемъ, —
И сердце ныло, а слеза
Не выступала на глаза.

Но вотъ коснулись до меня
 Изъ комнаты сосѣдней звуки :
 Какъ вихрь, по клавишамъ звеня,
 Тревожно пронеслися руки ;
 Потомъ аккорды слышала я,
 И женскій голось, полный муки,
 Любви тоскующей души,
 Мнѣ зазвучалъ въ ночной тиши.

Qual suor tradesti ! Кто же могъ
 Встревожить женщину обманомъ ?
 Кто душу свѣтлую облекъ
 Тоски безвыходной туманомъ ?
 Любовь проснулась на упрекъ
 И совѣсть встала великаномъ,
 Но слишкомъ поздно онъ узналъ
 Какое сердце разорвалъ.

Любовь проходить, и темно
 Становится въ душѣ безродной ;
 Былое будишь—спитъ оно,
 Какъ вялый трупъ въ землѣ холодной,
 И сожалѣнье намъ одно
 Дано съ небесъ, какъ даръ бесплодный...
 Но смолкла пѣснь ; они потомъ
 Иную пѣснь поютъ вдвоемъ.

И въ этой пѣсни дышетъ вновь
 Души невольной умиленье,
 И сердца юнаго любовь,
 И сердца юнаго стремленье ;
 Не бурно въ жилахъ бьется кровь,
 Но только тихое томленье
 Отъ полноты вздымаетъ грудь
 И сладко хочется вздохнуть.

Я имъ внимаю въ тишинѣ —
 Они поютъ, а сердцу больно ;
 Они поютъ мнѣ о веснѣ,
 Какъ птички въ небѣ—звучно, вольно,
 И хорошо ихъ слушать мнѣ,
 А всежъ страдаю я невольно ;
 Ихъ пѣснь свѣтла, въ ней вѣра есть —
 Мнѣ сердца ранъ не перечеть.

Они счастливы, Боже мой !
 Кто вы, мои пѣвцы — не знаю,
 Но съ наслажденьемъ и тоской
 Я, странникъ грустный, вамъ внимаю.
 Блаженствуйте ! я со слезой
 Васъ въ тишинѣ благословляю.
 Любите вѣчно ! жизнь въ любви
 Блаженный сонъ, друзья мои.

Живите мало. Странно вамъ ?
 Ромео умеръ, съ нимъ Джульета—
 Шекспиръ зналъ жизнь какъ Богъ,—мы снамъ
 Роскошно вѣримъ въ юны лѣта,
 Но сухость жизнь наводитъ намъ...
 Да мимо идетъ чаша эта,
 Гдѣ сожалѣнье и тоска
 И грустный холодъ старика !

Блаженны тѣ, что въ утрѣ дней
 Въ послѣднемъ замерли лобзаньѣ,
 Въ тѣни развѣсистыхъ вѣтвей,
 Подъ вечеръ майской, при журчаньѣ
 Бѣгущихъ водъ, — и соловей
 Имъ пѣлъ надгробное рыданье,
 А воронъ тронуть ихъ не смѣлъ
 И робко мимо пролетѣлъ.

ХАРАКТЕРЪ.

Ребенкомъ онъ упрямъ былъ и рѣзовъ,
И гордо такъ его смотрѣли глазки ;
Лишь матери его смиряли ласки,
Но не внималъ онъ звуку грозныхъ словъ.
Про витязей безстрашныхъ слушать сказки
Любилъ въ тиши онъ зимнихъ вечеровъ,
Любилъ безбрежіе степи раздольной,
Слѣдилъ полетъ далекій птицы вольной.

Провелъ онъ буйно юные года :
Его вездѣ пустымъ повѣсой звали,
Но жажды дѣлъ они въ немъ не узнали,
Да воли сильной, въ мірѣ никогда
Простора не имѣвшей...Дни бѣжали,
Жизнь тратилась безъ цѣли, безъ труда ;
Кипѣла кровь бесплодно...Онъ былъ молодъ,
А въ душу сталъ закрадываться холодъ.

Влюбленъ онъ былъ и разлюбилъ ; потомъ
Любилъ, бросалъ, но—слабыхъ душъ мученья—
Не зналъ раскаянья и сожалѣнья.
Онъ рано посѣдѣлъ. Въ лицѣ худомъ
Явилась блѣдность. Дерзкое презрѣнье
Одно осталось въ взорѣ огневомъ,
И рѣчь его, сквозь усть едва раскрытыхъ,
Была полна насмѣшекъ ядовитыхъ.

ДИЛИЖАНСЪ.

Ужъ смерклося почти, когда мы сѣли,
И различить моихъ сосѣдей я
Совсѣмъ не могъ. Они еще шумѣли,
Бесѣдою несносною меня
Терзали. Всѣ мнѣ такъ ужасно были
Противны. Трескъ колесъ и глупый звукъ
Бича мнѣ слухъ докучливо томили.
Печально въ уголь я прилежъ. Но вдругъ
Изъ хижинъ къ намъ на мигъ блеснули свѣчи,
Я женщину увидѣлъ близъ меня :
Мантилей черной покрывая плечи,
Она сидѣла, голову склоня ;
Глаза ея горѣли грустью томной,
И блѣденъ былъ печальный ликъ ея,
И изъ - подъ шляпки вился локонъ тѣмный...
Какое сходство, Боже ! Грудь моя
Стѣснилась, холодъ обдалъ тайный...
Опять оно, видѣнье давнихъ дней
Передо мной воскресло такъ случайно !

И я съ нея не могъ свести очей ;
Сквозь тьму глядя на ликъ едва замѣтный,
Тревожно жизнь мою я повторялъ,
И снова былъ я молодъ, и привѣтно
Кругомъ съ улыбкой Божій міръ взиралъ,
И я любилъ такъ полно и глубоко —
О, какъ же я былъ счастливъ въ этотъ разъ !
И я желалъ, чтобъ намъ еще далеко,
Далеко было ѣхать ; чтобы насъ
Безъ отдыха везла, везла карета,
И не имѣлъ бы этотъ путь конца,
И лучшія я пережилъ бы лѣта,
Смотря на очеркъ этого лица !

СОСѢДКЪ.

Въ деревнѣ, въ мирномъ уголкѣ,
Я помню, въ дѣтствѣ мы играли
Въ саду весною на пескѣ,
По вечерамъ осеннимъ — въ залѣ.
Меня въ столицу увезли ;
Я выросъ — вы большія тоже,
Но вы въ деревнѣ расцвѣли
На блѣдный цвѣтъ полей похоже.
Я не забочусь о себѣ —
Нѣтъ нужды, что бь со мной ни случилось ;
Но въ вашей будущей судьбѣ
Прочестъ страницу бы желалось.
Что? влюблены вы, или нѣтъ ?
Мечтаете-ли ночью звѣздной ?
Иль безъ любви, не зная свѣтъ,
Взросли вы барышней уѣздной,
И просто надо наконецъ
Вамъ замужъ — и безъ нѣжной страсти
Вы побредете подъ вѣнецъ,
Покорны папенькиной власти ?
Гадали - ль вы про жениховъ ?

Ктожь вышелъ ? Тотъ-ли сердцу близкій,
Или сосѣдъ, что любить псовъ,
Плечами дюжій, ростомъ низкій ?
Да въ нашей грустной сторонѣ —
Скажите — чтожь и дѣлать болѣ,
Какъ не хозяйничать женѣ,
А мужу съ псами ѣздить въ поле !

Стучу—мнѣ двери отперъ ключникъ старый,
 Я зналъ, что нѣтъ хозяйки, что давно
 Она уже уѣхала далеко
 И странствуетъ теперь подъ небомъ чуждымъ ;
 Но мнѣ на домъ хотѣлось посмотрѣть.
 Какъ все знакомо ! Зала длинная,
 Гдѣ поздимъ вечеромъ, при слабомъ свѣтѣ,
 Какія - то таинственныя тѣни
 Уныло бродятъ ; кабинетъ безмолвный,
 Гдѣ часто мы вдвоемъ сидѣли близко...
 Я, молча, темнымъ локономъ игралъ,
 Иль говорилъ, что было на душѣ,
 А на душѣ тогда такъ было полно !
 И все на томъ же мѣстѣ, какъ и было :
 Диванъ въ углу, передъ каминомъ кресло,
 Цвѣты на окнахъ, на стѣнахъ портреты,
 А на столѣ развернутая книга.
 Я взялъ и пыль съ нея обтеръ рукой,
 Скамейку шитую толкнулъ къ дивану
 И у окна гардину бѣлую
 Расправилъ. Солнце зимнее свѣтило
 Печально...Уходя, спросилъ я : есть-ли
 Оттуда письма. — Нѣтъ-съ, не получаемъ. —
 Она меня теперь забыла вѣрно ;
 А я ? — и у меня любви нѣтъ въ сердцѣ,
 Одно воспоминанье !

ДОРОГА.

Тускло мѣсяцъ дальній
Свѣтитъ сквозь тумана
И лежитъ печально
Снѣжная поляна.
Бѣлыя съ морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
Съ голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
Мой ящикъ съ просонокъ.
Я въ кибиткѣ валкой
Бду да тоскую :
Скучно мнѣ да жалко
Сторону родную.

На Сѣверѣ туманномъ и печальномъ
 Стремлюся я къ роскошнымъ берегамъ
 Иной страны — она на югѣ дальнемъ.
 Лечу чрезъ степь къ знакомымъ мнѣ горамъ—
 На нихъ заря блеститъ лучемъ прощальнымъ ;
 Я далѣ къ югу — наконецъ я тамъ,
 И, нѣжась, взоръ гуляетъ на просторѣ,
 И Средиземное шумитъ и плещетъ море.

Италія ! опять твой полдень жаркій,
 Опять твой темно - синій небосклонъ,
 И ропоть волнъ немолчный, блескъ ихъ яркій,
 При лунной ночи пахнущій лимонъ,
 Рыбакъ на морѣ тихомъ съ утлой баркой,
 И черный локонь смуглолицыхъ женъ.
 И все тамъ страсть, да пѣсни, да картины,
 Да Рима стараго роскошныя руины.

Въ Италіи брожу и вновь тоскую :
 Мнѣ хочется опять къ моимъ снѣгамъ,
 Послушать пѣсню грустную, родную,
 Летѣть на тройкѣ вихремъ по степямъ,
 Съ друзьями выпить чашу круговую
 Да поболтать по длиннымъ вечерамъ,
 Увидѣть взоръ спокойный, русый локонь,
 Да небо сѣрое сквозь полумерзлыхъ оконъ.

AURORA-WALZER.

Въ моей глуши однообразной,
Съ незримыхъ струнъ легко звѣня,
Напѣвъ знакомый безотвязно
Весь день преслѣдуетъ меня.

Не будить онъ въ воспоминаньи
Ни томный блескъ лазурныхъ глазъ,
Ни часъ блаженнаго свиданья,
Или разлуки скорбный часъ.

Подъ звукъ его, главой усталой
Склоняся, сновъ я не видалъ,
И, мчась безумно въ вихрѣ бала,
Я ручки бѣленькой не жалъ ;

Но страннымъ полонъ онъ томленьемъ,
Но имъ душа увлечена,
И въ даль съ мучительнымъ стремленьемъ
За нимъ уносится она.

Я помню робкое желанье,
Тоску, сжигающую кровь,
Я помню ласки и признанье,
Я помню слезы и любовь.
Шло время — ласки были рѣже
И высохъ слезъ потокъ живой,
И только оставались тѣже
Желанья съ прежнею тоской.
Просило сердце впечатлѣній
И теплыхъ слезъ просило вновь,
И новыхъ ласкъ и вдохновеній,
Просило новую любовь.
Пришла пора — прошло желанье
И въ сердцѣ стало холодно,
И на одно воспоминанье
Трепещеть горестно оно.

ВЕСНА.

Еще лежитъ, бѣлѣясь средь полей,
 Послѣдній снѣгъ и постепенно таетъ,
 И въ полдень яркій солнце вызываетъ
 Понѣжиться въ теплѣ своихъ лучей.
 Весною пахнетъ. Тѣло лѣнь объемлетъ,
 И голова и кружится и дремлетъ.
 Люблю я этотъ переходъ : живёшь
 Какъ на канунѣ праздника; и ждешь
 Какъ колоколь пробудить гуль далекою,
 Народъ пойдетъ по улицѣ широкой,
 И будетъ радость общая—и крикъ
 И пѣсни не умолкнуть ни на мигъ.
 И жду я праздника : вотъ снѣгъ сольется,
 Проглянетъ травка нѣжнымъ стебелькомъ,
 И ласточка, щебеча, принесется
 Въ гнѣздо, свитое надъ моимъ окномъ
 Давнымъ давно...Я птичку каждый годъ
 Встрѣчаю ; спрашиваю : гдѣ летала?
 Кто любовался ей? какой народъ?
 Не въ сторонѣ-ль прекрасной побывала,
 Гдѣ небо ясно, вѣчная весна,

Гдѣ море плещеть, искрясь и синѣя,
И лавровъ гордыхъ тянется аллея?
Далекая, волшебная страна!...

И жду я праздника. На вѣткѣ гибкой
Листъ задрожитъ и будетъ шумень лѣсъ,
Запахнетъ ландышъ у корней древесъ;
И будетъ утро съ свѣтлою улыбкой
Вставать прохладно, будетъ жарокъ день
И ясенъ вечеръ; и ночная тѣнь
Когда наляжетъ, будетъ мѣсяцъ томный
Гулять спокойно по лазури темной;
Надъ озеромъ прозрачный паръ взойдетъ
И соловей до утра пропоеть.

И я пойду на берегъ одиноко,
Сквозь говора кочующей волны
Рыбачью пѣснь услышу издалѣка,
И время вспомню я другой весны...
Наполнить душѣ смутное томленье
И встануть вновь забытыя видѣнья.

Еще любви безумно сердце просить,
Любви взаимной, вѣчной и святой,
Которую ни время не уносить,
Не губить свѣтъ мертвящей суетой ;
Безумно сердце просить женской ласки
И чудная мечта нашептываетъ сказки.

Но тщетно все !...отвѣта нѣтъ желанью ;
Въ испугѣ мысль опять назадъ бѣжитъ
И бродитъ трепетно въ воспоминаньи...
Но прошлаго ничто не воскресить !
Замолкшій звукъ опять звучать не можетъ
И память только онъ гнететь или тревожить.

И страхъ беретъ, что чувство схоронилось ;
По немъ въ душѣ печально, холодно,
Какъ въ домѣ, гдѣ утрата совершилась :
Хозяинъ умеръ — пусто и темно ;
Лепечетъ пощъ надгробныя страницы,
И бродятъ въ комнатахъ все пасмурныя лица.

Къ подъѣзду!—Сильно за звонокъ рвануль я—
Что, дома?—Быстро я взбѣжалъ на верхъ.
Уже ее я не видалъ лѣтъ десять;
Какъ хороша она была тогда!
Вхожу. Но въ комнатѣ все дышетъ скукой.
И плющъ завялъ, и сторы спущены.
Вотъ у окна, безмолвно за газетой,
Сидитъ какой-то толстый господинъ.
Мы поклонились. Это мужъ. Какъ дурень!
Широкое и глупое лицо.
Въ углу сидитъ на креслахъ длинныхъ кто-то,
Въ подушки утонувъ. Смотрю—не вѣрю!
Она—вотъ эта тѣнь полуживая?
А есть еще прекрасныя черты!
Она мнѣ тихо машеть: “подойдите!
Садитесь! рада я вамъ, старый другъ!”
Рука какъ желтый воскъ, чуть внятенъ голосъ,
Взоръ мутенъ. Сердце сжалось у меня.
“Меня теперь вы вѣрно не узнали...
Да—я больна; но это все пройдетъ:
Весной поѣду непременно въ Ниццу”.

Что отвѣчать? Нельзя же показать,
Что слезы хлынули къ глазамъ отъ сердца,
А слово такъ и мретъ на языкѣ.
Мужъ улыбнулся, что я такъ неловокъ.
Какую-то я пошлость ей сказалъ
И вышелъ. Трудно было оставаться—
Поѣхалъ. Мокрый снѣгъ мнѣ билъ въ лицо,
И небо было тускло...

Въ пирахъ безумно молодость проходить ;
Стакановъ звонъ да шутки, смѣхъ да крикъ
Не умолкають. А межъ тѣмъ не сходить
Съ души тоска ни на единый мигъ ;
Межъ тѣмъ и жизнь идетъ и тяготѣетъ
Надъ ней судьба и страшной тайной вѣетъ.
Мнѣ пиръ наскучилъ — онъ не шлетъ забвенья
Душевной скорби ; судорожный смѣхъ
Не заглушаетъ тайнаго мученья !...

ИСПОВѢДЬ.

Мой другъ, тебѣ хотѣлъ бы я
Сказать, что душу мучить ;
Я знаю, исповѣдь моя
Тебѣ вѣдь не наскучить.
Да только лишь сказать хочу,
Какъ вдругъ въ лицѣ я вспыхну,
Займетя духъ, и я молчу
И головой поникну.
А все бы я сказалъ тебѣ :
Люблю иль ненавижу,
Какъ я не вѣрую судьбѣ,
Какъ мало въ жизни вижу ;
Да стыдно жаловаться мнѣ,
А въ томъ, что какъ-то чудно
Живеть въ душевной глубинѣ,
Мнѣ высказаться трудно.

Домой я воротился очень поздно ;
Съ друзьями я весь день пропировалъ,
А не было мнѣ весело нисколько :
Тоска мнѣ тяжело угнетала душу.
Я воротился — ночь была безгласна
И обдавала черной тьмой меня
Враждебно, такъ что было страшно.
Одна свѣча горѣла предо мной—
Единый другъ среди пустынной ночи,
Единый другъ, но безотрадный !...

По тряской мостовой я ѣхалъ молча,
Усталый отъ дневныхъ заботъ и шума.
Мнѣ день, утраченный въ пустомъ чаду,
Холоднымъ падалъ на душу упрекомъ,
И ночь мнѣ не была отрадна...
На мѣсяць блѣдный облако нашло —
Онъ сквозь него просвѣчивалъ печально ;
Пустыя улицы безсмыслны были,
И только песь съ досадою въ просонкахъ
На встрѣчу мнѣ сквозь зубы проворчалъ ;
При поворотѣ бѣлый домъ угрюмо
Рядъ оконъ темныхъ на меня уставилъ.
Знакомый домъ ! . . . Но вотъ свѣча блеснула
И въ комнатахъ задвигалась тихо...
Я встrepенулся. Сердце билось сильно —
Я видѣлъ платье бѣлое
И чей-то медленно идущій образъ.
Свѣча исчезла — я проѣхалъ мимо,
И тяжело мнѣ было на душѣ.

Когда встрѣчаются со мной
Подъ парчевою пеленой
И съ упряжью печальной дроги—
А мнѣ не лъзя свернуть съ дороги,—
Мнѣ мысль о смерти тяжела.
Не то, чтобъ жизнь была мила ;
Жить скучно — горе да сомнѣнье,
Бѣда извнѣ, внутри мученье, —
Да вотъ, когда вообразу,
Что мертвый я въ гробу лежу,
Что крышкою его накрыли
И въ крышку гвозди вколотили,
И въ землю гробъ спустили мой,
Да и засыпали землей —
Душѣ обидно такъ и больно
И тѣло дрожь беретъ невольно.

НА МОРЬ.

Бутылка выпита до дна—
Ее я брошу въ море,
И долго будетъ плыть она
Съ волной въ безсильномъ спорѣ.
А можетъ быть, когда нибудь
Попутный валъ повалить,
Она, свершая дальній путь,
Къ роднымъ берегамъ причалить ;
Къ ней склонится знакомый ликъ
И взоръ знакомый взглянетъ,
И сердце близкое въ тотъ мигъ
О странникѣ вспомнеть.

LIVORNO.

Подъѣзжая подъ Livorno,
Видѣлъ я какъ Аппенины
Цѣпью длинной и узорной
Растянулись вокругъ равнины.

Выѣзжая изъ Livorno,
Съ сигаретами въ карманѣ,
Былъ обысканъ я позорно
На предательской доганѣ.

Экой дьяволъ ты проворной !
Экой ты мошенникъ скверный,
Возлѣ города Livorno
Надзиратель доганьерный !

НОЧЬ.

Когда во тмѣ ночной, въ мучительной тиши
Мои глаза дремотой не сомкнуты —
Я въ безотвязчивомъ томленіи души
Переживаю трудныя минуты.
Все лица прежнія, картины прежнихъ лѣтъ
Передо мной проносятся какъ тѣни ;
Но чувства прежняго во мнѣ ужъ больше нѣтъ :
Я холодно гляжу на рядъ видѣній.
Напрасно силюсь я будить въ душѣ моей,
Что жило въ ней такъ сладко иль тревожно ;
Любовь, страданіе, блаженство прежнихъ дней
Мнѣ кажется или смѣшно, иль ложно.
И мнѣ грядущее замѣны не сулитъ ;
Вся жизнь пройдетъ несносною ошибкой,
И слезы горькія, текущія съ лавить,
Уста глотають съ горькою улыбкой.

НА СОНЪ ГРЯДУЩІЙ.

Ночная тма безмолвіе приноситъ
И къ отдыху зоветъ меня.
Пора, пора ! покоя тѣло просить,
Душа устала въ вихрѣ дня.
Молю тебя, предъ сномъ грядущимъ, Боже :
Дай людямъ миръ ; благослови
Младенца сонъ, и нищенское ложе,
И слезы тихія любви !
Прости грѣху, на жгучее страданье
Успокоительно дохни,
И всѣ твои печальныя созданья
Хоть сновидѣньемъ обмани !

СТАНСЫ.

(Изъ Байрона)

Ни одна не станетъ въ спорѣ
Красота съ тобой,
И какъ музыка на морѣ
Сладокъ голосъ твой.
Море шумное смирилось —
Будто звукамъ покорилось,
Тихо оно водъ блестить,
Убаюканъ вѣтеръ спить.

На морскомъ дрожить просторѣ
Лучь луны блестя,
Тихо грудь вздымаетъ море,
Какъ во снѣ дитя.
Такъ душа, полна вниманья,
Предъ тобой въ очарованьи —
Тихо все, но полно въ ней,
Будто лѣтомъ зыбь морей.

УМОРЕЯ.

(Изъ Гейне)

Надъ моремъ позднею порой
Еще лучи блестѣли,
А мы близъ хижины съ тобой
Въ безмолвіи сидѣли.
Туманъ вставалъ, росла волна
И чайка пролетала,
А у тебя, любви полна,
Изъ глазъ слеза упала.
Катилась по рукѣ твоей —
И на колѣни палъ я,
И медленно съ руки твоей
Твою слезу спивалъ я.
Съ тѣхъ поръ сгараю тѣломъ я,
Душа въ тоскѣ изныла —
Ахъ, эта женщина меня
Слезкою отравила !

ХАНДРА.

Бываютъ дни, когда душа пуста;
Ни мыслей нѣтъ, ни чувствъ, молчатъ уста,
Равно печаль и радости постылы,
И въ тѣмъ лѣнь, и двигаться нѣтъ силы.
Напрасно ищемъ чѣмъ бы умъ занять— *LM*
Противно видѣть, слышать, понимать,
И только безконечно давить скука,
И кажется, что жить такая мука!
Куда бѣжать? чѣмъ облегчить бы грудь?
Вотъ ночи ждешь—въ постель! скорѣй заснуть!
И хорошо, что стало все беззвучно...
А сонъ нейдетъ, а тма томить докучно!

Я наконецъ оставилъ городъ шумный,
Изъ душныхъ стѣнъ я вырвался на мигъ;
За мною смолкнулъ улицъ трескъ безумный
И въ далекѣ докучный говоръ стихъ,
И вотъ поля равниною безбрежной
Въ вечернемъ блескѣ дремлютъ безмятежно.

Люблю я васъ, вечерніе отливы
И съ далью неба слитый край земли,
Цвѣтокъ лазурный между желтой нивы
И птички пѣсню звонкую вдали.
О, какъ давно уже въ тиши раздольной
Я не дышалъ безпечно и привольно!

Миѣ хорошо... но отчегожъ такъ грустно?
Душа мягка и вмѣстѣ больно ей,
И сельскій быть невинный, безъискусный
Меня томить, какъ память дѣтскихъ дней.
Утратилось невинности значенье,
Тоскуеть грудь въ тяжеломъ умиленьи.

О, по душѣ прошло съ тѣхъ поръ такъ много—
Гнетъ истины, ошибокъ суета,
Порокъ, страстей безумная тревога,
И сладкой жажды чувствовать тщета,
Разсудка власть и грозная работа
И мелкой жизни мелкая забота.

Поля, поля! вашъ миръ меня объемлетъ,
Но кроткихъ чувствъ онъ не приноситъ мнѣ;
Какъ прежде сердце въ тихомъ снѣ не дремлетъ...
Вы мнѣ теперь, въ вечерней тишинѣ,
Растроганность болѣзненную дали,
Слезу души и внутренней печали.

КЪ

Разстались мы—то можетъ нужно,
То можетъ должно было намъ —
Ужъ мы давно не дѣлимъ дружно
Единой жизни по-поламъ;
И можетъ, врознь намъ будетъ можно
Еще съ годами какъ нибудь
Устроиться не такъ тревожно
И даже сердцемъ отдохнуть.
Я несть готовъ твои упреки,
Хотя и жгутъ они, какъ ядъ.
Конечно, я имѣлъ пороки,
Конечно въ многомъ виновать;
Но было время—вѣдь я вѣрилъ,
Вѣдь я любилъ, быть счастливымъ могъ,
Я будущность широко мѣрилъ,
Мой міръ былъ полонъ и глубокъ!
Но замеръ онъ среди печали;
И кто изъ насъ виновенъ въ томъ
Какое дѣло—ты-ли, я-ли—
Его назадъ мы не вернемъ.

Еще слезу зоветь съ рѣсницы
И холодомъ сжимаетъ грудь
О прошломъ мысль, какъ у гробницы,
Гдѣ въ мукахъ дѣтскій вѣкъ потухъ.
Закрита книга— наша повѣсть
Прочлась до крайняго листа;
Но не смутятъ укоромъ совѣсть
Тебѣ отнюдь мои уста.
Благодарю за тѣ мгновенья,
Когда я вѣрилъ и любилъ;
Я не далъ только-бъ имъ забвенья,
А горечь радостно-бъ забылъ.
О, я не врагъ тебѣ... дай руку!
Прощай! Не дай тебѣ знать Богъ
Ни пустоты душевной муку,
Ни заблужденія тревогъ...
Прощай! на жизнь, быть можетъ, взглянемъ
Еще съ улыбкой мы не разъ,
И съ миромъ оба да помянемъ
Другъ друга мы въ послѣдній часъ.

МОНОЛОГИ.

I.

И ночь и мракъ! Какъ все томительно-пустынно!
 Безсонный дождь стучить въ мое окно,
 Блуждаетъ лучъ свѣчи, мѣняясь съ тѣнью длинной,
 И на сердцѣ печально и темно.
 Былые сны! душѣ разстаться съ вами больно;
 Еще ловлю я призраки вдали,
 Еще желаніе въ груди кипитъ невольно;
 Но жизнь и мысль убили сны мои.
 Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь твое движе-
 Страшна твоя тяжелая борьба! [нѣ,
 Грознѣй небесныхъ бурь несешь ты разрушенье,
 Неумолима какъ сама судьба.
 Ты миръ невинности давно во мнѣ сломила,
 Меня на вѣкъ въ броженье вовлекла,
 За вѣрой вѣру ты въ моей душѣ сгубила,
 Вчерашній свѣтъ мнѣ тмою назвала.
 Отъ прежнихъ истинъ я отрекся правды ради,
 Для свѣтлыхъ сновъ на ключъ я заперъ дверь.

Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради,
 И все, и все изорвано теперь.
 Я долженъ надъ своимъ безсиліемъ смѣяться,
 И видѣть вокругъ безсиліе людей,
 И трудно въ правдѣ мнѣ внутри себя признаться,
 А правду высказать еще труднѣй.
 Предъ истиной нагой исчезъ и призракъ бога,
 И гордость личная и сны любви,
 И впереди лежитъ пустынная дорога,
 Да тщетный жаръ еще горитъ въ крови.

II.

Скорѣй, скорѣй топи средь дикихъ волнъ разврата
 И мысль и сердце, ношу чувствъ и думъ;
 Насмѣйся надо всѣмъ, что такъ казалось свято
 И смѣло жизнь растрать на пиръ и шумъ!
 Сюда, сюда бокаль съ играющею влагой!
 Сюда Вакханка! слухъ мнѣ очаруй
 Ты пѣсней полною разгульною отвагой!
 На—золото, продай мнѣ поцалуй...
 Вино кипитъ во мнѣ и жжетъ меня лобзанье...
 Ты хороша! о, слишкомъ хороша!...
 За чѣмъ опять въ груди проснулося страданье
 И будто вздрогнула моя душа?
 Зачѣмъ ты хороша? забытое мной чувство,
 Красавица, зачѣмъ волнуешь вновь?
 Твоихъ томящихъ ласкъ постыдное искусство
 Ужель во мнѣ встревожило любовь?
 Любовь, любовь!... о нѣтъ, я только сожалѣнье,

Погибшій ангелъ, чувствую къ тебѣ...
 Поди, ты мнѣ гадка! я чувствую презрѣнье
 Къ тебѣ, продажной, купленной рабѣ!
 Ты плачешь? Нѣтъ, не плачь. Какъ? Я тебя обидѣлъ?
 Прости, прости мнѣ—это паръ вина;
 Когдабъ я не любилъ, вѣдь я бъ не ненавидѣлъ.
 Постой, душа къ тебѣ привлечена—
 Ты болѣ съ устъ моихъ не будешь знать укора.
 Забудь всю жизнь прожитую тобой,
 Забудь весь грязный путь порока и позора,
 Склонись ко мнѣ прекрасной головой,—
 Страдалица страстей, страдалица желанья,
 Я на душу тебѣ навѣю сны,
 Ее вновь оживить любви моей дыханье,
 Какъ бабочку дыханіе весны.
 Чтожъ ты молчишь, дитя, и смотришь въ удивленьи,
 А я не пью мой налитой бокалъ?
 Проклятіе! опять ненужное мученье
 Внутри души я гдѣ-то отыскалъ!
 Но на плечо ко мнѣ она; склоняся, дремлетъ
 И что во мнѣ—ей непонятно то;
 Недвижно я гляжу какъ сонъ ей грудь подъемлетъ
 И глупо трачу сердце за ничто!

III.

Чего хочу?...чего?...О! такъ желаній много,
 Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,

Что кажется порой — ихъ внутренней тревогой
 Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
 Чего хочу? Всего со всею полнотою!
 Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
 Еще хочу любить съ безумною тоскою,
 Весь трепеть жизни чувствовать хочу!
 А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
 И жизнь скупа, и внутренно я хилъ,
 Мои стремленія замолкнуть безотвѣтны,
 Въ попыткахъ я запасъ растрочу силъ.
 Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
 Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
 Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
 Томящимся въ броженіи пустомъ...
 Духъ вѣчности обнять за разъ не въ нашей долѣ,
 А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ,
 О томъ, что выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
 Пустое дно все больше видно намъ;
 И съ каждымъ днемъ душѣ тяжелѣ устарѣлость,
 Больнѣе помнить и страшнѣй желать,
 И кажется что жить — отчаянная смѣлость;
 Но биться пульсъ не можетъ перестать,
 И дальше я живу въ стремленіи безотрадномъ,
 И жизни крестъ беру я на себя,
 И весь душевный жаръ несу въ движеніи жадномъ,
 За мигомъ мигъ хватая и губя.
 И все хочу!...чего?...О! такъ желаній много,
 Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
 Что кажется порой — ихъ внутренней тревогой
 Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

IV.

Какъ школьникъ на скамьѣ, опять сижу я въ школѣ
 И съ жадностью внимаю и молчу ;
 Пусть длиненьзнанья путь, но духъ мой крѣпокъ волею,
 Не страшень трудъ — я вѣрю и хочу.
 Вокругъ все юноши : учительское слово,
 Какъ я, они всѣ слушаютъ въ тиши ;
 Для нихъ все истина, имъ все еще такъ ново,
 Въ нихъ судить пылъ неопытной души.
 Но я уже сюда явился съ мыслью зрѣлой,
 Сомнѣніемъ испытанный боець,
 Но не убитый имъ...Я съ призраками смѣло
 И искренно расчелся наконецъ ;
 Я отстоялъ себя отъ внутренней тревоги,
 Съ терпѣніемъ пустился въ новый путь
 И не собьюсь теперь съ расчитанной дороги—
 Свободна мысль и силой дышетъ грудь.
 Что, Мефистофель мой, завистникъ закоснѣлый ?
 Отнынѣ власть твою разрушилъ я,
 Болѣзненную власть насмѣшки устарѣлой ;
 Я скорбью многой выкупилъ себя.
 Теперь товарищъ мнѣ иной духъ отрицанья ;
 Не тотъ насмѣшникъ черствый и больной,
 Но тотъ все сильный духъ движенья и созданья,
 Тотъ вѣчно юный, новый и живой.
 Въ борьбѣ безстрашенъ онъ, ему губить—отрада,
 Изъ праха онъ все строить вновь и вновь
 И ненависть его къ тому, что рушить надо,
 Душѣ свята, такъ какъ свята любовь.

РАЗГОВОРЪ.

(Изъ Мицкевича)

Мой другъ, для насъ что могутъ разговоры значить?
Что я такъ чувствую — къ чему мнѣ говорить?
Когда нельзя всю душу въ душу перелить
Къ чему въ словахъ ее дробить и тратить?
Еще до слуха и до сердца не касаясь
Слова уже остынуть, съ устъ моихъ сдыхаясь.

Люблю, люблю тебя! сто разъ я повторяю:
Ты сердишься и хочешь ты бранить
Меня, что я любви моей совсѣмъ не знаю
Ни высказать, ни выразить, ни въ пѣснь излить,
И будто въ летаргїи не имѣю силу
Иной дать признакъ жизни какъ сойти въ могилу.

Мой другъ, уста скучаютъ тщетнымъ изліяньемъ,
А я хочу мои уста съ твоими слить,
Хочу съ тобой біеньемъ сердца говорить,
Да вздохомъ только, да лобзаньемъ,
И такъ проговорю часы и дни и лѣта,
И до скончанія и по скончаньи свѣта.

Бываю часто я смущенъ внутри души
И трепетомъ исполненъ и волненьемъ :
Какой-то ходъ судьбы свершается въ тиши
И вѣтъ мнѣ отъ жизни привидѣньемъ.
Въ движеньи шумномъ дня, въ молчаньи тмы ночной,
Въ толпѣ-ль, одинъ-ли, средь забавъ иль скуки—
Вездѣ болезненно я слышу за собой
Изъ жизни прежней схваченные звуки.
Мнѣ чувство каждое, и каждый новый ликъ,
И каждой страсти новое волненье
Все кажется уже давно прожитый мигъ,
Все стараго пустое повторенье.
И скука страшная лежитъ на днѣ души,
Межъ тѣмъ какъ я внимаю съ напряженьемъ,
Какъ тайный ходъ судьбы свершается въ тиши
И вѣтъ мнѣ отъ жизни привидѣньемъ.

FATUM.

Вхожу я въ церковь — тамъ стоятъ два гроба,
Окружены молящимися оба.
Одинъ былъ длинный гробъ, и видѣлъ въ немъ
Я мертвеца съ измученнымъ лицомъ,
Съ улыбкою отчаянья глухаго,
И кости лишь да кожа — такъ худаго,
Казался онъ не старъ, но былъ ужъ сѣдъ,
Какъ будто бы погибъ подъ ношей бѣдъ.
Блѣдна, какъ онъ, и столько же худая
Стояла возлѣ женщина, рыдая ;
И дѣти нищіе на мертвеца
Смотрѣли съ дѣтской глупостью лица.

А гробъ другой былъ малъ, и въ немъ лежало
Дитя — такъ тихо, будто задремало.
Отецъ и мать у гроба, а вокругъ,
Одѣтыхъ въ трауръ, было много слугъ.
Печально мать — красавица — молчала,
То плакала, то тяжело вздыхала.
Отецъ въ себя казался углубленъ
И все шепталъ : “зачѣмъ онъ былъ рожденъ ?”

И я тоски не въ силахъ былъ сносить ;
Я вышелъ вонъ, и въ лѣсъ ушелъ бродить—
И вѣтеръ былъ, и тучи тяготѣли,
И на корняхъ, треща, качались ели.

ЗАБЫТО.

Я ему сказала :
“Возвратился милый !
Дни прошли и годы—
Я не позабыла ;
Я все также, также,
Какъ въ ту ночь — что знаешь,
Все люблю какъ прежде,
Такъ какъ ты желаешь” .
Онъ пожалъ плечами,
Не сказалъ ни слова,
И хотѣлъ онъ тутъ-же
Удалиться снова.
Я его схватила,
Я его держала
За руки, за платье—
Все не отпускала.
Пала на колѣни,
Цаловала руки,
Ноги цаловала,
Плакала отъ муки.

Онъ взглянулъ мнѣ въ очи...
Тутъ мнѣ показалось,
Что меня онъ любить,
Что въ немъ сердце сжалось.
Онъ взглянулъ мнѣ въ очи —
Отвернулся снова,
И прошелъ онъ мимо —
Не сказалъ ни слова.

СОВЕРШЕННОЛѢТІЕ.

Спокойно вижу я годовъ минувшихъ даль,
 Грядущее встрѣчаю безъ вольненья,
 И нѣтъ разкаянья, и прошлаго не жаль,
 Нѣтъ передъ тѣмъ что будетъ — опасенья,
 На грезы юности смотрю я безъ презрѣнья,
 Пусть было многое въ нихъ жалко и смѣшно,
 Но подлости на нихъ не брошено пятно ;
 Развратъ, любовь, иль трудъ—пусть все безплодно
 Въ душѣ кипѣло, но все было благородно.

Съ ошибкой дѣтскою раздѣлаться я радъ
 И веселѣй встрѣчаю горечь истинъ
 Чѣмъ малодушіе мечтательныхъ отрадъ ;
 Я въ дѣлѣ счастья гордъ и безкорыстенъ !
 Но міръ, который мнѣ какъ гнусность ненавистенъ,
 Міръ угнетателей, обмана и рабовъ—
 Его пока я живъ подкапывать готовъ
 Съ горячимъ чувствомъ мести или права,
 Не думая о томъ—что—гибель ждетъ иль слава.

Пусть иногда тоска тѣснить мнѣ жизнь мою,
И я шепчу проклятья или пени,
Но сердцемъ молодъ я. Еще я жизнь люблю,
Люблю я видѣть синей ночи тѣни
И мирный проблескъ дня; люблю внимать средь лѣни
Волны плесканіе, лѣсовъ зеленыхъ шумъ,
Съ восторгомъ предаюсь работѣ ясной думъ
И все что живо полюбилъ когда то —
Осталось мнѣ на вѣкъ и сладостно и свято.

ИСКАНДЕРУ.

Я ѣхалъ по полю пустому,
 И свѣжъ и сыръ былъ воздухъ и луна
 Скучая шла по небу голубому
 И плоская синѣлась сторона,
 Въ моей душѣ мѣнялись скорбь и сила
 И мысль моя съ тобою говорила.

Все степь, да степь! нѣтъ ни души, ни звука;
 И ѣду въ даль я гордъ и одинокъ —
 Моя судьба во мнѣ. Ни скорбь, ни скука
 Не утомятъ меня. Всему свой срокъ,
 Я правды рѣчь вель строго въ дружнемъ кругѣ —
 Ушли друзья въ младенческомъ испугѣ.

И онъ ушелъ — котораго какъ брата
 Иль какъ сестру такъ нѣжно я любилъ!
 Мнѣ тяжела какъ смерть его утрата;
 Онъ духомъ чистъ и благороденъ былъ,
 Имѣлъ онъ сердце нѣжное какъ ласка
 И дружба съ нимъ мнѣ памятна какъ сказка.

Ты мнѣ одинъ остался неизмѣнный,
 Я жду тебя. Мы въ жизнь вошли вдвоемъ;
 Таковъ остался нашъ союзъ надменный!
 Опять одни мы въ грустный путь пойдёмъ,
 Объ истинѣ глася неутомимо
 И пусть мечты и люди идутъ мимо.

ГОДЪ 1848.

Anno cholerae morbis.

Всѣ говорятъ, что нынѣ страшно жить,
 Что воздухъ зараженъ и смертию вѣетъ ;
 На улицу бояться выходить.
 Кто встрѣтитъ гробъ — трепещетъ и блѣднѣетъ,
 Я не боюсь. Я не умру. Я дней
 Такъ не отдамъ. Всей жизнью человѣка
 Еще дышу я, всею мыслью вѣка
 Я жизненно проникнуть до ногтей,
 И впереди довольно много дѣла,
 Чтобъ мысль о смерти силы не имѣла.
 Что мнѣ чума ? — Я слышу чуткимъ слухомъ
 Со всѣхъ сторонъ знакомыя слова :
 Вблизи, вдали однимъ все полно духомъ,
 Всѣ воли ищутъ ! тихо голова
 Приподнялась, проходить сонъ упрямый
 И человѣкъ на вещи смотритъ прямо.
 Встревоженъ онъ. На немъ такъ много лѣтъ
 Рука преданья дряхлаго лежала,
 Что страшно страшень новый свѣтъ сначала.
 Но свыкнись узникъ ! Изъ тюрьмы на свѣтъ
 Когда выходятъ — взору трудно, больно,
 А послѣ станетъ ясно и раздольно !
 О ! изъ глуши моихъ родныхъ степей
 Я слышу васъ далекіе народы

И что то бьется тутъ въ груди моей
 На каждый звукъ торжественный свободы.
 Мнѣ съ юга моря синяя волна
 Лелѣетъ слухъ внезапнымъ колыханьемъ...
 Роскошныхъ сновъ лѣнивая страна —
 И ты полна вновь юнымъ ожиданьемъ!
 Еще уныль аве Магіа гласъ
 И дремлетъ вокругъ семи холмовъ поляна,
 Но въ тайнѣ Цезарю въ послѣдній разъ
 Готовится проклятье Ватикана.
 Чтожъ? Начинай! Ужъ гордый Рейнъ возсталъ
 Отъ долгихъ грезъ очнулся тихъ, но страшенъ,
 Упрямо воли жаждущій вассалъ
 Грозитъ остаткамъ феодальныхъ башенъ.
 На западѣ какимъ то новымъ днемъ,
 Изъ хаоса корыстей величаво
 Какъ разумъ свѣтлое восходитъ право,
 И нѣтъ заставъ, земля всѣмъ общій домъ.
 Какъ волхвъ хочу съ востока въ путь суровый
 Идти и я, дабы вѣщать о томъ,
 Что видѣлъ я какъ міръ родился новый!
 И ты, о Русь! моя страна родная,
 Которую люблю за то, что тутъ
 Зналъ сердцу свѣтлыхъ нѣсколько минутъ,
 Еще за то, что вмѣстѣ изнывая
 Съ тобою я и плакалъ и страдалъ
 И цѣпью насъ одною рокъ связалъ, —
 И ты подъ сводъ дряхлѣющаго зданья,
 Въ глуши трудясь, подкапываешь взрывъ?
 Что скажешь міру ты? Какой призывъ?

Не знаю я ! Но всѣ твои страданья
И весь твой трудъ готовъ дѣлить съ тобой,
И вѣрю, что пробьюсь, какъ нашъ народъ родной,
Въ терпѣнїи и съ твердостію многою,
На новый свѣтъ невѣдомой дорогой !

1849 ГОДЪ.

Вы знаете: побѣда дряхлой власт и
 Свершилася. Погибло какъ мятежъ
 Свободы дѣло, рушилось на части
 И деспотизмъ помолодѣлъ и свѣжъ.
 Безропотно, какъ маленькія дѣти,
 Они свободу отдали тотчасъ,
 Въ смущеніи боясь отцовской плети,
 И весь восторгъ какъ шалость въ нихъ погасъ.

Вы знаете: въ Европѣ уже нынѣ
 Не сыщется ни одного угла,
 Гдѣбъ наша жизнь, вѣрна своей святынѣ,
 Свѣтло и мирно кончиться могла.
 Вы не зарѣзались? Еще быть можетъ
 Жить хочется? Такъ чтожъ? Скорѣй, скорѣй
 Бѣгите въ степь, гдѣ развѣ вихрь тревожить,
 Въ Америку—туда, гдѣ нѣтъ людей!
 И до сѣдинъ бесплодно доживая,
 Съ отчаяньемъ въ груди умрите тамъ,
 Забыть стараясь и не забывая,
 Что все, что въ жизни было свято вамъ,
 Мечты свободы, ваши убѣжденья
 Ненужны никому—и всѣ замрутъ,
 Какъ всякія безумныя мученья,
 Какъ всякій мозга бесполезный трудъ!

ПОРТРЕТЫ.

Печально я смотрю на дружніе портреты—

Черты знакомыя и полныя тоски!

Такіе-ль были мы, друзья, въ былыя лѣта,

Когда, еще унынья далеки,

Мы бодро вѣрили, въ надеждѣ благородной,

Что близокъ новый міръ, широкій и свободный?

И вотъ теперь разсѣялися мы...

Иные въ гробъ сошли, окончивъ подвигъ трудный

Жить въ этомъ мірѣ хаоса и тмы.

Мы проводили ихъ. Въ пустынь многолюдной

Не многіе остались въ живыхъ:

Они должны свершить остатокъ дней своихъ,

Томясь въ трудѣ безвѣстномъ и бесплодномъ,

Въ уединеніи бездвѣтномъ и холодномъ.

DIE GESCHICHTE.

За днями идутъ дни, идетъ за годомъ годъ—
Съ вопросомъ на устахъ, въ сомнѣннн печальномъ
Слѣжу я робко ихъ однообразный ходъ :
И будто гдѣ-то я затерянъ въ морѣ дальнемъ—
Все тотъ же гулъ, все тотъ же плескъ валовъ
Безъ смысла, безъ конца, не видно береговъ ;
Иль будто грежу я во снѣ безъ пробужденья,
И длинный рядъ бѣсовъ мятется предо мной ;
Фигуры дикія, тяжелаго томленья
И злобы полныя ; враждуя межъ собой,
Въ безвыходной и безконечной схваткѣ
Волнуются, кричатъ и гибнуть въ безпорядкѣ.
И такъ за годомъ годъ идетъ, за вѣкомъ вѣкъ,
И дышетъ произволь, и гибнетъ человѣкъ.

АРРЕСТАНТЪ.

Ночь темна. Лови минуты!
Но стѣна тюрьмы крѣпка,
У воротъ ея замкнуты
Два желѣзные замка.
Чуть дрожить вдоль корридора
Огонекъ сторожевой
И звѣнить о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

“Часовой!” — “Что, баринъ, надо?”
“Притворись, что ты заснулъ:
Мимо бѣ я, да за ограду
Тѣню быстрою мелькнулъ!
Край родной повидѣть нужно,
Да жену поцаловать,
И пойду подъ шелестъ дружный
Въ лѣсъ зеленый умирать!..”

“Радъ помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь чай тожь и я!
Пуля, баринь, ничего бы,
Да боюся батожья!
Посѣдѣль подь шумъ военный...
А сквозь полкъ какъ проведутъ
Только комъ окровавленный
На тѣлежкѣ увезутъ!”

Шопоть смолкъ... Все тихо снова...
Гдѣ то Богъ подасть приютъ?
Толь схоронять здѣсь живаго?
Толь на каторгу ушлютъ?
Будеть вѣчно цѣль надѣта,
Да начальство станеть битъ...
Ни ножа! ни пистолета!...
И конца нѣтъ сколько жить!

КЪ. Н.....

На нашъ союзъ святой и вольный —
Я знаю—съ злобою тупой
Взираетъ свѣтъ самодовольный,
Бродя обычной колеей.

Грозой намъ вѣть съ небосклона!
Уже не разъ терпѣла ты
И кару дряхлаго закона,
И кару пошлой клеветы.

Съ улыбкой грустнаго презрѣнья
Мы вступимъ въ долгую борьбу,
И твердо вытерпимъ гоненья
И отстоимъ свою судьбу.

Еще не разъ весну мы встрѣтимъ
Подъ говоръ дружныхъ намъ лѣсовъ
И жадно въ жизни вновь отмѣтимъ
Счастливыхъ нѣсколько часовъ.

И день придетъ: морскія волны
Опять привѣтъ заплещутъ намъ
И мы умчимся, волей полны,
Туда къ свободнымъ берегамъ.

ВОСПОМИНАНИЕ ДѢТСТВА.

Мнѣ дѣтство предстаётъ, какъ въ утреннемъ туманѣ
Долина мирная. Подъ дымчатый покровъ,
Сливаясь, прячутся среди прохлады ранней
Лѣса зеленые и линіи холмовъ,
А утро юное бросаетъ въ ликованьи
Сквозь клубы сизые румяное сіянье.
Всѣ образы свѣтлы и всѣ неуловимы.
Знакомаго куста тревожно ищетъ взоръ,
Подслушать хочется, какъ шепчетъ листъ незримый,
Студеный ключъ ведетъ знакомый разговоръ;
Но смутно все... Душа безгрѣшный сонъ лелѣетъ—
Отвсюду свѣжестъ ей благоуханно вѣетъ.

И—РУ.

О! еслибъ ты подумать только могъ,
 Что пробудилъ во мнѣ твой голосъ издалика,
 Какъ вызвалъ тьму заглухнувшихъ тревогъ,
 Какъ рану старую разбередилъ глубоко!
 Въ испугѣ ты и съ воплемъ бы ко мнѣ
 На шею кинулся, любя меня какъ прежде;
 Но свидясь вновь мы въ скорбной тишинѣ .
 Уже не ввѣримся ребяческой надеждѣ.
 Нѣтъ! проклять будетъ этотъ вѣкъ,
 Гдѣ торжествуетъ все, что низко и лукаво
 И гдѣ себѣ хорошій человѣкъ
 Странанья приобрѣлъ убійственное право.
 Но всежъ впередъ! Быть можетъ намъ дано
 Прожить еще года въ бесплодномъ этомъ спорѣ
 И—какъ святыня глупая—одно
 Для насъ останется—безвыходное горе!

AURORA MUSAE AMICA.

Зимой люблю я встать по утру рано,
Когда еще все тихо, какъ въ ночи,
Деревня спитъ и снѣжная поляна
Морозомъ дышетъ, звѣздные лучи
Горять и гаснуть въ ранней мглѣ тумана.
Одинъ, при дружномъ трепетѣ свѣчи
Любимый трудъ уже свершать готовый—
Я бодръ и свѣжъ, и жажду мысли новой.

Передо мной знакомыя преданья,
Гдѣ собранъ опытъ трудный долгихъ лѣтъ
И разума пытливыя гаданья...
Спокойно шлю имъ утренній привѣтъ
И въ тишинѣ, исполненный вниманья,
Я слушаю, ловя летучій слѣдъ,
Біенье жизни отъ начала вѣка,
И новый міръ творю для человѣка.

Но гонить день туманы ночи сонной,
Проснулся гуль—подобіе волнѣ,
Зоветь звонокъ къ работѣ обыденной.
И все, что могъ создать я въ тишинѣ,
Развѣть дико день неугомонный...
И въ жизни вновь звучить уныло мнѣ
Одно и тоже непрерывной цѣпью,
Какъ вѣтра шумъ надъ безконечной степью.

А ввечеру, всѣхъ дѣлъ окончивъ смѣту,
Засядемъ мы, мой другъ, предъ камелькомъ :
Намъ принесутъ печальную газету,
И грустно мы всѣ новости прочтемъ
И ничего по цѣлу бѣлу-свѣту
Отраднago ни капли не найдемъ,
И молча, мы пожмемъ другъ другу руку,
Чтобъ выразить любовь и скорбь и скуку.

Старикъ, какъ прежде въ часъ привычный,
Сидѣлъ за книгою обычной,
Но не тревожила слегка
Страницъ безсильная рука ;
Взоръ устремленъ былъ, но безъ цѣли ;
Уста какъ бы шептать хотѣли,
Но мысль не находила словъ.
Старушка, глядя сквозь очковъ,
Въ оцѣпенѣнны отупѣломъ
Съ чулкомъ сидѣла у окна—
И не вязала. Въ домѣ цѣломъ
Была нѣмая тишина.

Межъ тѣмъ давно-ли здѣсь, бывало,
Все свѣжей жизнью дышало,
И дѣвушка въ оснадцать лѣтъ
Вносила мирно въ домъ старинный
Даръ звонкихъ пѣсенъ, смѣхъ невинный
И милый, ласковый привѣтъ?

И чтожъ? такъ просто, такъ ничтожно!
Морозъ дохнулъ неосторожно,
И вотъ горячка; ей во слѣдъ
Томящій жаръ, тяжелый бредъ,
Потомъ и кровь чуть бьется въ жилахъ,
Потомъ и грудь дышать не въ силахъ,
Потомъ и блескъ въ глазахъ потухъ
И блѣдный трупъ и нѣмъ и глухъ.

И старики остались оба,
Какъ будто тяжкой жизни нить
Пресѣчена, а ихъ сложить
Забыли въ мирный холодъ гроба.
И въ домѣ царствуетъ одна
Теперь нѣмая тишина;
И если есть хоть что живое
Такъ развѣ солнце золотое,
Когда играетъ здѣсь и тамъ
И на полу и по стѣнамъ,
Да бродятъ мѣрно, какъ живыя,
По кругу стрѣлки часовыя...

КУПАНЬЕ.

Чьей легкой ножки при рѣкѣ
Слѣды остались на пескѣ?
За чѣмъ раздвинуть кустъ прибрежный?
Чья шаловливая рука
Листки цвѣтовъ его слегка
Щипала въ рѣзвости мятежной?
Чу! спрячься—брызнула струя—
И стой, дыханье притая.
Смотри, какъ, воды разсѣкая,
Встаетъ головка молодая,
Съ улыбкой дѣтской на устахъ
И нѣгой южною въ очахъ.
А солнце утреннее блещетъ
На черный лоскъ ея волосъ;
Плечо изъ водъ приподнялось
И грудь роскошная трепещетъ.
Вотъ косу бѣлою рукой
Она сжимаетъ надъ водой,
И влага—медленно стекая—
Звѣнитъ, по каплѣ упадая.
Вотъ повернулась и плыветъ—

Съ змѣиной ловкостію вѣтса,
То прячется въ прохладу водъ,
То чуть касаясь ихъ несется.
Остановилась и, шутя,
Волною плещеть, какъ дитя.
Потомъ задумалась — и видно,
Пора оставить ей потокъ —
Выходить робко на песокъ,
Какъ будто ей кого-то стыдно.
Уже одну изъ рѣзвыхъ ногъ
Сжимаетъ узкій башмачекъ,
Уже и ткань рубашки бѣлой
Легла на трепетное тѣло...
Не подходи теперь ты къ ней —
Она дика и боязлива,
И, серны вѣтренной быстрѣй,
Отъ насъ умчится торопливо.
Но знаю я, предъ кѣмъ она
Всегда покорна и смирна;
Я знаю, кто рукой небрежной
Ласкаетъ станъ красотки нѣжной,
Кому на грудь во тмѣ ночей
Разсыпанъ шелкъ ея кудрей.

КАВКАЗСКОМУ ОФИЦЕРУ.

Огни, и музыка, и балъ!
 Красавицъ рой, кружась, сіяль.
 Среди толпы, кавказскій воинъ,
 Ты мнѣ казался одинокъ!
 Твой взглядъ былъ грустенъ и глубокъ,
 Отъ тайнаго движенья неспокоенъ.
 Тупой ли до~~л~~^л, любви ль печаль L12
 Тебя когда то гнали въ даль?
 Или безвыходное горе?
 Иль жажда молодой мечты—
 Увидѣть горные хребты
 И посмотрѣть на югъ и сине-море?
 И возвратясь изъ тѣхъ сторонъ
 Ты, можетъ, мыслью удрученъ,
 Что рабъ безумія и вѣка—
 Ты на воинѣ былъ палачемъ,
 И стало жаль тебѣ потомъ,
 Что ни съ чего зарѣзалъ человекъ?
 А впрочемъ—можетъ быть, что ты
 Питомецъ празднои пустоты—
 Сидѣль усталый и бездушный,
 А я сочувствіе къ тебѣ
 Смѣшно натягивалъ въ себѣ—
 По прежнему мечтатель простодушный.

СПЛИНЪ.

(Посвящено Н.....)

Да къ осени сворачиваетъ лѣто.
 Ужъ ночью былъ серебряный морозъ ;
 И воздухъ свѣжъ, и — грустная примѣта —
 Желтѣеть листь сквозь зелени березъ,
 Какъ волосокъ сѣдой сквозь локонъ темный
 Красавицы кокетливой и томной ;
 Уже и вѣтръ брюзгливый и сырой
 Колеблетъ лѣсъ и свищетъ день деньской,
 И облаковъ отрядъ сгоняетъ сѣрый ;
 И вечера становятся безъ мѣры.

Уже пришла печальная пора :
 Туманами окрестности покрыты,
 И мелкій дождь съ утра и до утра
 Сырою пылью сыплеть, какъ сквозь ситы ;
 Чернѣясь грязь по улицамъ видна,
 День холоденъ, глухая ночь темна.
 Затопимъ мы каминъ. Средь позднихъ бдѣній
 Люблю, когда причудливыя тѣни
 Враждебнымъ мракомъ дышатъ по угламъ,
 А красный блескъ трепещетъ по стѣнамъ.

Но въ этотъ часъ я не люблю бесѣды
 И многихъ лицъ шумливый разговоръ :
 Меня томить, какъ длинныя обѣды,
 Хоть умный, но всегда безплодный споръ.
 Иное дѣло — заниматься дѣломъ,
 Или хотѣть, въ тщеславьи закоснѣломъ,
 Сомнительной ученостью блеснуть
 И времени теченье обмануть,
 Праздноглагольствуя литературно
 О томъ, что въ мѣрѣ хорошо иль дурно.

У стариковъ есть дѣтская черта—
 Рассказывать отлично анекдоты,
 Гдѣ на концѣ всегда есть острота ;
 Но этотъ родъ погибъ среди зѣвоты.
 Чтожъ дѣлать, другъ, намъ въ эти вечера ?
 Болтать о томъ, что дѣлалось вчера ?
 Нашъ statu quo такъ глупъ, что лучше мимо.
 Ужъ не заняться -ль намъ дѣлами Крыма ?
 Но вѣдь ни вы, ни я не офицеръ—
 Изгнать враговъ не сыщемъ новыхъ мѣръ.

Не вдаться-ль въ жаръ сердечныхъ изліяній ?
 Но вѣдь оно покажется смѣшно—
 Къ лицу-ли намъ исканіе страданій
 И радостей, замолкнувшихъ давно...
 Не вынуть - ли бутылку изъ подвала ?
 Не принести-ль два розовыхъ бокала ?

За здравье чтоль, не то за упокой
 Намъ чокнуться?...А лучше намъ, другъ мой,
 Безмолвствовать и думать. Грустно это,
 Но, кажется, прилично въ наши лѣта.

И вѣтръ и дождь всю ночь въ окно стучать,
 Колеблятся таинственныя тѣни,
 Дрова, горя, блѣднѣютъ и трещать,
 И вновь встаетъ забытый рядъ видѣній.
 Вотъ дѣтство глупое; какъ и всегда
 Бываютъ глупы дѣтскіе года,
 Но многое въ нихъ мирно улыбалось
 И сохранить иное бы желалось...
 Вотъ юность — вотъ играетъ кровь,
 И сердце жжетъ ненужная любовь.

А тамъ идти подъ рядъ все гробъ за гробомъ :
 Вотъ мретъ старикъ, сердясь и крехтя,
 Вотъ другъ погибъ съ чахоточнымъ ознобомъ,
 Въ волнахъ морскихъ умолкнуло дитя,
 И милое и свѣтлое созданье
 Туда-жъ пошло на вѣчное молчанье !
 Но вы, мой другъ, ни слова ни о чемъ;
 Вы знаете — вѣдь лучше намъ вдвоемъ
 Безмолвствовать и думать. Грустно это,
 Но, кажется, прилично въ наши лѣта.

Опять знакомый домъ, опять знакомый садъ
И счастья дѣтскія воспоминанья!
Я отвыкалъ отъ нихъ...и снова грустно радъ
Подслушивать неясный звукъ преданья.
Люблю-ли я людей, которыхъ больше нѣтъ,
Чья жизнь истлѣла здѣсь въ тиши досужной?
Но въ памяти моей давно остылъ ихъ слѣдъ,
Какъ слѣдъ любви случайной и ненужной.
А все же здѣсь меня преслѣдуетъ тоска —
Припадокъ безыменнаго недуга,
Все будто предо мной могильная доска
Какого-то отвергнутаго друга...

АФРИКА.

(Отрывокъ)

Sic transit gloria mundi !

То было время грозной славы :
 Междоусобіемъ томимъ,
 Грань расширялъ своей державы
 И задыхался старый Римъ.
 Уже въ коварную угоду
 Или сенату, иль народу—
 Вожди, заспоря межъ собой
 Властолюбивою враждой,
 Топтали древнюю свободу.
 Въ то время Силла казнью мстилъ
 Своимъ врагамъ и травлей новой
 Роскошно тѣшилъ Римъ суровый,
 А старый Марій уходилъ
 И въ дальней Африкѣ за моремъ
 Блуждалъ, несокрушимый горемъ.

Клонился въ море знойный день,
 И блескомъ позднимъ позлащенный,
 Ждалъ ночи берегъ раскаленный,

И тихо подступала тѣнь.
 Бродящаго роптанья полны,
 Средь колебанья дня и мглы,
 Залива голубыя волны
 Плескались въ бѣлыя скалы,
 И воздухъ жаркій и лѣтний
 На берегъ вѣялъ молчаливый.
 Тиха печальная страна!

Не нарушалъ уже полвѣка
 Ея безвыходнаго сна
 Ни трудъ, ни говоръ человѣка
 Давно въ пустынный край не шли,
 Стремясь какъ птицъ крылатыхъ стая, *La*
 По морю веслами махая,
 Съ товаромъ дальнимъ корабли;
 Отъ Нила по степямъ песчанымъ
 Не приходили съ караваномъ,
 Рукой рабовъ навьючены,
 Тяжелоступные слоны.
 Давно съ жестокостью безумной
 Здѣсь пронеслась черезъ городъ шумный
 Война кровавою пятой,
 Оставляя пепелъ за собой.
 Добыча смерти или плѣна,
 Исчезли люди Карѳагена;
 Торговли жадной дни прошли,
 Замолкли клики пышныхъ брашенъ,
 Обломки гордыхъ стѣнъ и башенъ

Безмолвной грудой легли.
 Съ тѣхъ поръ, спаленные, истлѣли
 Цвѣты садовъ и злаки нивъ,
 И лавры больше не шумѣли,
 Ни зелень томная оливъ:
 Лишь жизни волею могучей
 Наслѣдникъ рушенныхъ дворцовъ—
 Зеленой сѣтью плющъ ползучій
 Разросся мирно вокругъ столбовъ,
 И въ часъ полдневнаго досуга
 Понѣжиться на солнцѣ юга
 Изъ-подъ камней скользить змѣя,
 Иль рѣзвыхъ ящерицъ семья;
 И вновь въ томительномъ молчаньи
 Лежитъ пустынная страна,
 И только дышитъ въ колыханьи
 Неугомонная волна.

Но Римскій вождь, вѣнчаннй славою
 Среди развалинъ одинокъ
 Скитался тѣнью величавой,
 Какъ бы преступникъ иль пророкъ.
 Суровъ былъ взглядъ его; ланиты
 И лобъ морщинами изрыты
 И въ кудряхъ черной бороды
 Годовъ бѣлѣлися слѣды.
 Но крѣпость мышцъ не измѣнила:
 Все таже въ жилистой рукѣ
 Плебейская дремала сила,

Какъ въ ненатянутаго лукѣ;
 Въ груди, покрытой броней мѣдной
 Таился тотъ же гласъ побѣдный,
 Передъ которымъ вражья рать,
 Смутясь, не въ силахъ устоять.
 Давно-ли онъ съ трибунъ народныхъ
 Громилъ сенатъ въ рѣчахъ свободныхъ?
 Давноль средь боевыхъ тревогъ
 Онъ былъ для войска нѣкій богъ?
 Смиритель Кимвровъ и Тевтоновъ,
 Давноль онъ съ сонмомъ легионовъ
 Лавровѣнчаный въ Римъ вступалъ
 И Римъ ему рукоплескалъ?
 Но втунѣ смолкли клики славы,
 Исчезла власть!...: Предъ нимъ возникъ
 Соперникъ смѣлый и лукавый,
 Его же дерзкій ученикъ,
 И старый вождь унесъ въ изгнанье,
 Въ пріютъ далекій отъ людей—
 Обиды горечь и сознанье
 Величья гордаго скорбей.
 Но не грустить орелъ нагорный
 Подобно горлицѣ лѣсной:
 Вождь терпѣливый и упорный
 Томился думою иной.
 Въ себя въ немъ вѣра не уснула!
 Онъ все жъ былъ грозенъ какъ судьба:
 Его зарѣзать не дерзнула
 Рука наемнаго раба!
 И тѣже волновали страсти

Скитальца непреклонный умъ—
Любовь къ свободѣ, жажда власти
И жизни сильной блескъ и шумъ;
И мыслилъ онъ : еще поспоримъ!
И взоромъ Римъ искалъ за моремъ.

А съ неба знойнаго сходя,
Вечерній лучъ сіялъ печалень
На груды тихія развалинь
И образъ стараго вождя,
И вѣчнаго роптанья полны,
Далеко колыхались волны.

БѢГСТВО.

“Ступай” сказалъ онъ, “подъ вѣнецъ!”

А я:—не принуждай, отецъ!

Мнѣ рано замужъ; дай подолѣй

Потѣшиться дѣвичьей волей!—

Отецъ сдержалъ привычный гнѣвъ

И, злобы дрожь преодолевъ,

Сказалъ, что я сама не знаю,

Какъ глупо счастье теряю.

Я все свое; но наконецъ

Личину сбросилъ мой отецъ

И закричалъ, что вовсе мнѣня

Онъ моего не хочетъ знать,

Что долгъ мой есть повиновенье,

Что онъ привыкъ повелѣвать.

Я въ страхѣ на колѣни стала,

И плакала, и умоляла,

Чтобы меня онъ пощадилъ,

Ужъ лучшебъ въ монастырь пустилъ.

Онъ топнулъ... А ему я снова:

Отецъ! вѣдь я люблю другаго!

А онъ меня ударилъ... Какъ,
Что послѣ—помню какъ сквозь мракъ.
Вскочивъ, отца не видя болѣ,
Тайкомъ ушла я садомъ въ полѣ,
Забыла холодъ, голодъ, трудъ—
Ушла искать себѣ пріютъ.

Проклясь бы могъ свою судьбу, LM
 Кто весь свой вѣкъ, какъ жалкій нищій,
 Велъ безконечную борьбу
 Изъ-за куска вседневной пищи ;
 Кто въ вѣтхомъ рублищѣ встрѣчалъ
 Зимы суровые морозы ;
 Кто въ отупѣннѣ забывалъ
 Пролить надъ милымъ прахомъ слезы,
 Не слушалъ томно при лунѣ
 Ни шумъ ручья, ни звукъ свирѣли,
 А ждалъ въ печальной тишинѣ
 Пустаго дня подъ свистъ мятели ;
 Кто ликованій и пировъ
 Не зналъ на жизненномъ просторѣ,
 Не вѣдалъ сладкой грусти сновъ,
 А зналъ одно сухое горе.
 Но много сносить человѣкъ
 Средь жажды жить неутолимой,
 И какъ бы жалокъ ни былъ вѣкъ—
 Страшитъ конецъ неотразимый.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ вечернемъ сумракѣ долина
Синѣла тихо за ручьемъ,
И запахъ розы и ясмينا
Благоухалъ въ саду твоёмъ ;
Въ кустахъ прибережныхъ влюбленно
Перекликались соловьи.
Я близъ тебя стоялъ смущенный,
Томимый трепетомъ любви.
Уста отъ полноты дыханья
Остались нѣмы и робки,
А сердце жаждало признанья,
Рука — пожатія руки.

Пусть этотъ сонъ мнѣ жизнь смѣнила
Тревогой шумной пестроты ;
Но память вѣрно сохранила
И образъ тихій красоты,
И садъ, и вечеръ, и свиданье,
И нѣгу смутную въ крови,
И сердца жаръ и замиранье —
Всю эту музыку любви.

СТАРИКЪ.

Еще я бодръ ! Еще тоскуя,
Желанье разжигаетъ кровь,
Еще я жажду поцѣлуя,
Еще я грежу про любовь !
Но дѣвы отъ моихъ нападокъ
Бѣгутъ, исполнены стыда,
И старый видъ мой сталъ имъ гадокъ,
Страшна сѣдая борода.
Подчасъ ищу попасться въ сѣти
Иной красавицы лихой,
Но вижу — юноши и дѣти
Тишкомъ смѣются надо мной..
И опустивъ безмолвно руки,
Воспоминаніемъ томимъ,
Средь тайной злобы или скуки
Я мыслю, тихъ и нелюдимъ :
“Постой, красавица ! увянешь
И посѣдѣешь наконецъ,
И если страстнымъ взоромъ взглянешь—
Отвѣтить смѣхомъ молодецъ”.

КОКЕТКЪ.

Зачѣмъ томишь ты друга моего ?
 Дитя ! его ты ни за что погубишь !
 Прошу тебя , ты пощади его !
 Рѣшишь сказать : ты любишь иль не любишь ?
 Ты знаешь-ли ? онъ сердцемъ простъ и смѣлъ,
 И умъ его широкъ и благороденъ,
 Но страсти ядъ имъ страшно овладѣлъ
 И вѣкъ его печаленъ и бесплоденъ.
 Еще вчера — когда передъ тобой
 Стоялъ, красуясь, юноша другой
 И на тебя, глядя орлинымъ взоромъ,
 Смѣшилъ тебя безпечнымъ разговоромъ, —
 Въ углу сидѣлъ онъ мраченъ и угрюмъ,
 Убитый горечью ревнивыхъ думъ,
 Желая и не слышать и не видѣть....
 И всѣжъ любилъ, стараясь ненавидѣть...
 Ты поняла-ль, безумное дитя,
 Какъ ты его замучила шутя ?
 Ты помнишь ли, какъ онъ на пышномъ балѣ
 Бродилъ въ толпѣ, не видя никого
 И трепетно тебя искалъ по залѣ,

А ты, рѣзвась, скрывалась отъ него ?
Какъ онъ тогда былъ блѣденъ и разстроенъ !
А ликъ твой былъ сіяющъ и спокоенъ !
Ты знаешь ли ? когда ты на него
Привѣтно взоръ уронишь одобренья,
Иль за руку, какъ другъ, возьмешь его,
Иль съ лаской бросишь слово безъ значенья—
Онъ цѣлый день проходитъ какъ въ чаду,
И радъ и веселъ какъ ребенокъ малый,
И ночью ждетъ, отъ счастья усталый,
Твоей любви въ обманчивомъ бреду.
Ужель тебѣ его не жаль нисколько ?
Неужто шутишь ты, дитя, — и только ?
Но тщетно ! Ты не слушаешь меня
И тихо къ ручкѣ бѣленькой и гибкой,
Задумчиво головку наклона,
Ты блещешь вся тщеславною улыбкой.

БАРЫШНЯ.

Въ деревнѣ барышня стыдливо
Какъ ландышъ майскій разцвѣла
Свѣжа, застѣнчива, красива,
Душой младенчески мила.
Она за чтеніемъ романа
Чего-то въ будущемъ ждала,
Играла вальсъ на фортепьяно
И даже съ чувствомъ пѣть могла.
Привычки жизни, барству сродной,
Невольно какъ-то отклонивъ,
Она имѣла благородный,
Хоть безсознательный порывъ
И плакала, когда бывало,
На слугъ сердясь, шипѣла мать,
И иногда отцу мѣшала
Сурово власть употреблять ;
Любила лѣтомъ водъ паденье
И сада трепетную тѣнь,
Катанья зимняго движенье

И вечеровъ тоску и лѣнь.
И гдѣ она? и что съ ней стало?
Въ ней сохранился-ль сердца жаръ?
Иль за мужъ вышла какъ попало?
Заѣзжій-ли плѣнилъ гусаръ,
Или чиновникъ вороватый —
Смиренно-гаденькій чудакъ?
Иль баринъ буйный и богатый —
Любитель водки и собакъ?
Иль, можетъ, по-сердцу героя
Въ степной глуши не находя,
Себя къ хозяйству не пристроя,
Свой міръ заоблачный щадя —
Она осталась дѣвой чинной
Все съ тѣмъ же вальсомъ и умомъ,
Съ душой младенчески невинной,
Но съ увядающимъ лицомъ;
И вѣчно входитъ въ умиленье
И романтическую лѣнь,
Встрѣчая лѣтомъ водъ паденье
И сада трепетную тѣнь?

НА МОСТУ.

Я на мосту стоялъ. Рѣка
Въ ночи недвижно-широка
Подъ ледянымъ своимъ покровомъ
Свѣтилась пологомъ свинцовымъ.
Далеко трепетнымъ огнемъ
Въ туманѣ фонари мерцали ;
Высоко въ воздухѣ ночномъ
Дома угрюмые стояли,
И рѣдко въ тишинѣ звучалъ
По жесткимъ плитамъ шагъ пустынный,
Иль стукъ кареты дребезжалъ
Спѣшащей путь покончить длинный.
Рождало чувство пустоты
Вопросъ — подобіе мечты,
И не могла мнѣ до разсвѣта
Пустая ночь подать отвѣта.

КЪ ЛИДИИ.

Когда ты, грустная, слезу стеревъ съ рѣсницы,
Задумчиво глядишь на прошлый путь,
Не видишь въ будущемъ ни проблеска зарницы,
И ищешь день убить бы какъ нибудь :
Вѣдь я сочувствую тебѣ и мнѣ обидно,
Что жить тебѣ такъ страшно тяжело,
А между тѣмъ, мой другъ, и самому мнѣ стыдно
На сколько жить мнѣ вольно и свѣтло !
Печалень я теперь ; но вдругъ шипучей влагой,
Иль улицы движеньемъ увлечень,
Я полонъ становлюсь разгульною отвагой
И въ эту жизнь младенчески влюбленъ.

ВЕСНОЮ.

Брожу я по лѣсу тропою каменистой :
 Трепещуть и блестятъ въ вѣтвистой вышинѣ
 Зеленые листы подѣ влагою росистой,
 И сосенъ молодыхъ духъ свѣжій и смолистый
 Въ весеннемъ воздухѣ отрадно вѣетъ мнѣ ;
 Пчела жужжить, и ранній лучъ денницы
 Встрѣчаютъ пѣснями ликующія птицы.

Схожу я къ берегу на мшистый край стремнины,
 Смотрю — внизу рѣка клокочетъ и шумить,
 За нею озимей спокойныя равнины
 Съ ихъ юной зеленью...Все нѣжныя картины !
 И столько счастливый, и столько ясный видъ,
 Что, весело смотря на все живое,
 Я чувствую въ себѣ раздолье молодое.

Ты сѣтуешь, что послѣ долгихъ лѣтъ
Ты встрѣтился съ своимъ стариннымъ другомъ
И общаго межъ вами вовсе нѣтъ....
Не мучь себя ребяческимъ недугомъ!
Люби прошедшее! Его очарованій
Не осуждай! Подъ старость грустныхъ дней
Придется жить на днѣ души своей
Весенней свѣжестью воспоминаній.

ЗИМНІЙ ПУТЬ.

(Изъ дорожныхъ воспоминаній)

Посвящено. П. В. А.

1.

Въ дорогу я пустился въ ночь.
Привычки трудно превозмочь:
По утру я объять дремотой,
Потомъ, ходъ времени цѣня,
Люблю я съ мудрою заботой
Свершить обязанности дня,
То есть вкусить обѣдъ и ужинъ
(Всегда порядокъ въ жизни нуженъ),
А въ ночь свободно ѣхать. Вотъ
Уже и тройка у воротъ,
И вотъ, скрипя, помчалась прытко
По снѣгу мерзлomu кибитка.
Путь гладокъ и ярка луна,
Безмолвнымъ свѣтомъ ночь полна,
Студеный воздухъ сжать морозомъ;
Иглистый иней по березамъ
Повисъ недвижно и блеститъ;

Поляна снѣжная лежитъ,
 Мерцающая отблескомъ лиловымъ
 И вѣтъ холодомъ суровымъ,
 И взоръ съ невольною тоской
 Слѣдитъ за смутною чертой,
 Гдѣ небо далью блѣдносиней
 Слилося съ бѣлою пустыней.

2.

А все знакомыя мѣста!
 Все тотъ же скатъ съ горы отлогой,
 Сугробъ у вѣтхаго моста;
 Все также узкою дорогой
 Обозъ ползеть издалека,
 Дразня лихаго ямщика.
 Кругомъ разбросаны селенья....
 И знаю я на перечетъ
 Гдѣ сколько душъ, чьего владѣнья,
 И гдѣ, и кто, и какъ живетъ;
 Все знаю такъ, что даже скучно!
 Но выросъ въ этомъ я краю;
 Привычки дѣтской рабъ послушный,
 Его быть можетъ я люблю.
 Даруй вамъ Боже сны благіе,
 Мои сосѣди дорогіе!
 Въ дыму удушливой избы
 Счи крѣпко труженикъ нашъ вѣчный—

Мужикъ лѣнивый и безпечный,
 Прося немного у судьбы!
 И ты сосѣдъ, хозяйнѣ строгой,
 Который грозно въ скорби многой
 Работаешь такъ много лѣтъ
 На обязательный совѣтъ, —
 И ты усни! — Во снѣ, пожалуй,
 Доходъ увидишь небывалый.
 Вкусите мирный сонъ и вы
 Сосѣдки, барыни лихія,
 Которыхъ ручки боевыя
 Легко съ узорчатой канвы
 И отъ вареньемъ полныхъ банокъ —
 По неизвѣданнымъ путямъ —
 Перебираются къ щекамъ
 Своихъ запуганныхъ служанокъ!
 Да будетъ всѣмъ вамъ мирный сонъ!
 Теперь я такъ расположенъ
 Учтиво, даже можетъ нѣжно,
 Что радостно-бѣ простить хотѣлъ
 И грѣхъ, по жизни неизбежный,
 И придурь — общій всѣхъ удѣлъ.

3.

Еще въ избахъ кой гдѣ мерцаетъ
 Лучины дымной огонекъ
 И дѣва вѣчный свой клубокъ

Въ полу-дремотѣ напрядаетъ.
 Я живо помню, какъ порой
 Спокойная картина эта
 Своею милой простотой
 Меня плѣняла въ прежни лѣта;
 Но нынѣ дѣвы сонный ликъ,
 Храпящій на печи старикъ,
 И вѣчно плачущій ребенокъ
 Въ дырявой люлькѣ, и теленокъ
 Надъ грязнымъ мѣсивомъ—ей—ей—
 Какъ жалкій образъ жизни скудной,
 Тоской болѣзненной и трудной
 Тревожатъ миръ души моей.
 Милѣй мнѣ въ этой деревушкѣ
 Воспоминанье объ одной
 Сосѣдкѣ, добренькой старушкѣ
 Съ нехитрой дѣтскою душой.
 Она бывало предъ иконой
 Взываетъ въ искренней мольбѣ,
 Чтобъ Богъ ему былъ обороной
 И пекся о его судьбѣ;
 Иль молча сидя на диванѣ,
 Гадаетъ трепетно о немъ,
 И все о немъ, о миломъ Ванѣ,
 О внукѣ вѣтреномъ своемъ.
 “Ну! что вашъ внукъ?”—“Писалъ недавно”.—
 “Чай денегъ просить милый внукъ?”—
 “Ну чтожъ что просить? Вотъ забавно!
 Ему вѣдь нужно для наукъ.
 А мнѣ?... стара я для наряда

И ничего самой не надо!"
И вынетъ дочери портретъ,
Въ живыхъ которой больше нѣтъ,
И смотреть съ грустною отрадой,
И смотреть долго, и потомъ
Утретъ слезу свою тайкомъ.

4.

И вотъ еще, близъ церкви бѣлой,
На снѣжномъ холмѣ, при лунѣ,
Я вижу, крестъ осиротѣлый
Стоить въ печальной тишинѣ
Надъ безыменной могилой...
И мужа дышащаго силой
Опять на память мнѣ пришло
И величавое чело,
И умъ наукою развитый,
И духъ насмѣшки ядовитой
Надъ всѣмъ, что подло и смѣшно.
Онъ былъ когда-то мнѣ одно,
Одно отрадное явленье
Въ глуши печальныхъ деревень,
Гдѣ торжествующая лѣнь
На умъ наводитъ усыпленье,
И ни одинъ еще вопросъ
Людей глубоко не потрѣсь.
Но мимо, мимо! сердцу больно!

Не вызывай тѣней изъ тьмы!
Зачѣмъ давать слезѣ невольной
Остыть на холодѣ зимы?

5.

И далѣ въ путь! Встрѣчаютъ взоры
Равнины, горки, косогоры,
И вдоль пути рядъ глупыхъ вѣхъ,
И всюду неподвижный снѣгъ.
Вотъ здѣсь пустырь. Была недавно
Деревня. Жили въ ней исправно;
Но отъ нея теперь одни
Торчатъ обугленные пни.
Въ субботу въ ночь оно случилось:
Проснулась баба хлѣбы печь
И затопила—какъ водилось—
Давно натреснутую печь.
На крышѣ вспыхнула солома
И подхвативъ пошла вьюга
Носить огонь отъ дома къ дому
Съ остервененіемъ врага,
И кровли, пламенемъ объаты,
Треща обрушились въ хаты.
Со сна вскочили мужики,
Стремглавъ пустились бабы въ страхѣ
На улицу въ одной рубахѣ,
За ними дѣти, старики...

Пожаръ! пожаръ! скорѣй! спѣшите!
 Багры давайте, топоры!
 Ломать!... Да гдѣжь ихъ взять—багры?
 Воды! вези воды! тушите!...
 Крикъ, бѣготня, и вопль, и шумъ;
 Въ бѣдѣ исчезъ послѣдній умъ.
 Хвѣстались бабы за пожитки— *Лати*
 Спасать холсты, корыта, нитки,
 А по дворамъ поднялся рѣвъ
 Въ огнѣ покинутыхъ коровъ,
 Въ забытой люлькѣ визгъ ребячій
 Безсильно замеръ въ общемъ плачѣ.
 Спасенья нѣтъ! Толпа глядитъ
 Оцѣпенѣвъ—какъ все горитъ;
 Багровый блескъ въ мерцаньи длинномъ
 Ложится по снѣгамъ пустыннымъ.
 Такъ въ пору раннего утра
 Я не засталъ ужь ни двора;
 Безъ словъ, безъ дѣлъ, безъ помышлений
 Бродили люди словно тѣни.
 Съ сѣдою включенной косою
 Старуха дряхлая сидѣла
 У пепла и ребенка грѣла,
 Мотая глупо головой.
 Тамъ, гдѣ околица бывало,
 Въ сугробъ закутавшись дремала—
 Спаленный столбъ печальный видъ
 Хранилъ, какъ старый инвалидъ.
 Но тутъ (у выѣзда иль въѣзда),
 Въ порывѣ бурного наѣзда

Мнѣ повстрѣчался становой,
 Пріятель закадышный мой.
 Съ пучкомъ пріятныхъ увѣщаній
 По волѣ ревностныхъ властей
 Онъ торопился для стяжаній
 Недовзнесенныхъ податей;
 Но тутъ — хоть въ немъ душа окрѣпла
 На службѣ — передъ грудой пепла,
 Какъ будто громомъ пораженъ,
 Велѣлъ остановиться онъ.
 Вздохнулъ, привсталъ, всплеснулъ руками
 И вновь ихъ опустилъ... Потомъ
 Уныло щелкнулъ языкомъ,
 И мы разъѣхались...

6.

..... Полями
 Я ѣду долго. Скученъ путь!
 Но вотъ на право повернуть,
 И видѣнъ лѣсъ въ тиши глубокой.
 Луна мерцаетъ сквозь деревъ
 И тѣни длинныя стволовъ
 По снѣгу стелятся. Далеко
 Въ лѣсную глубь уходитъ взоръ;
 Уныль и голъ холодный боръ
 И пусто отголосокъ смутный

Блуждаетъ въ чащѣ безпріютной.
 За этимъ лѣсомъ на горѣ
 Высокій домъ стоитъ дряхлѣя.
 Я зналъ его въ иной порѣ!
 Къ нему вела дубовъ аллея;
 Литой рѣшетчатый заборъ
 Каймиль его широкій дворъ;
 Шумѣлъ прохладой садъ столѣтній—
 Пріютъ роскошный нѣги лѣтней.
 И было время, каждый день
 Изъ городовъ и деревень
 Съѣзжались гости; дверь подъѣзда
 Не умолкала отъ пріѣзда,
 И въ домъ богатый принималъ
 Гостей радушный генераль.
 Храня время минувшихъ нравы,
 Онъ жилъ вельможей и любилъ
 Пировъ затѣйливыхъ забавы;
 Свои доходы не щадилъ
 И сотни слугъ рядилъ какъ франтовъ,
 Держалъ собакъ и музыкантовъ;
 Неистощимъ былъ мшистый кладъ
 Душистыхъ винъ въ его подвалахъ,
 Достойно царственныхъ палатъ
 Сіяла роскошь въ пышныхъ залахъ.
 И вотъ къ нему со всѣхъ сторонъ
 Спѣшили гости на поклонъ:
 Спѣшилъ бѣднякъ, судьбой прижатый,
 Искавшій милости богатой,
 Спѣшилъ и тотъ, кто отъ него

Не ждалъ конечно ничего,
 Но такъ — лелѣяль вмѣсто чести
 Наклонность въ безкорыстной лести, —
 И среди нихъ торжествовалъ
 Нашъ впрочемъ добрый генералъ.
 Онъ находился-ль въ убѣжденьи,
 Какъ Цезарь (что извѣстно всѣмъ),
 Что лучше первымъ быть въ селеньи,
 Чѣмъ гдѣбъ то ни было ничѣмъ ;
 Иль о покойницѣ супругѣ
 Хотѣль поплакать на досугѣ —
 Сосѣдами не рѣшено.
 Извѣстно только, что давно
 Онъ прибылъ жить въ свое имѣнье
 И скорбь легко могъ превозмочь :
 При немъ ему на утѣшенье
 Росла единственная дочь.
 И онъ любилъ ее — на сколько
 Любить способенъ человѣкъ
 Чей беззаботно праздный вѣкъ
 Какъ непрерывный пиръ летѣлъ — и только !
 Онъ дочь обычно цѣловалъ
 По утру, съ ложа сна вставая,
 Еще — ко сну благословляя ;
 Какъ куклу въ дѣтствѣ одѣвалъ,
 Потомъ цѣною дорогою
 Ей гувернантку нанималъ,
 Чтобы обычной чередою
 Учила барышню всему,
 Что не полезно никому.
 Еще таилася въ немъ вѣра,

Что жениха онъ сыщеть ей
По крайней мѣрѣ камергера
Изъ важныхъ графовъ иль князей.
И такъ онъ ждалъ, когда ей минеть
Завѣтный срокъ — семнадцать лѣтъ,
Тогда деревню онъ покинетъ
И дочь введетъ въ столичный свѣтъ ;
Такъ старый садоводъ ревниво
Въ смиренный прячетъ уголокъ
Не распутившійся цвѣтокъ,
Чтобъ послѣ выставить на диво
Во всемъ плѣнительномъ цвѣту
Волшебныхъ красокъ красоту.
И срокъ насталъ ! Незримымъ ходомъ,
Подкравшись тихо годъ за годомъ,
Пришла пора дѣвичьихъ грезъ,
Гдѣ дума новая мятется
Въ головкѣ юной, сердце бьется
И просить счастья и слезъ,
И грудь младую вздохъ подьметъ,
И взору снится тайный ликъ,
И ухо жаждущее вѣмлетъ
Любви незнаемый языкъ.
Иль по просту : пора настала,
Гдѣ барышня, окончивъ классъ,
Блеснуть желаетъ въ вихрѣ бала,
Красою свѣжею гордась.
Благовоспитанной дѣвицѣ
Тогда одно и тоже : жить
Или поклонниковъ влачить

Во слѣдъ надменной колесницѣ
 Побѣдоносной красоты ;
 И эти гордыя мечты
 Ведуть къ прямому окончанью,
 Чтобъ по сердечному желанью
 И безъ дальнѣйшаго грѣха
 Найти скорѣе жениха.
 Отецъ въ восторгѣ умиленья
 Обдумалъ праздникъ и нарядъ,
 И въ день дочернаго рожденья
 Назначилъ балъ и маскарадъ.
 Ко всѣмъ сосѣдямъ близкимъ, дальнимъ,
 Къ властямъ уѣздныхъ городовъ
 И къ лицамъ меньше подначальнымъ
 Отъ генерала посланъ зовъ.
 Самъ губернаторъ приглашенъ
 Почель за честь, и было мнѣнъе,
 Что только архирей спроста
 Отрекся близостью поста.
 Я былъ тогда въ порѣ блаженной
 Невинныхъ отроческихъ лѣтъ,
 А генералъ былъ нашъ сосѣдъ :
 Къ нему насъ, помню, неизмѣнно
 Возили по воскреснымъ днямъ ;
 Привыкъ я къ людямъ и садамъ,
 Но въ этотъ разъ меня смущала
 Мнѣ чуждая тревога бала.
 Оркестръ ударилъ, и тотчасъ
 Всѣ въ залу ринулись, тѣснясь.
 И я съ подножія колонны,

Какъ будто въ сказочный удѣлъ
 Внезапнымъ чудомъ занесенный,
 Привставъ на цыпочки, глядѣлъ.
 Все юное воображенье
 Прельщало : и толпа людей,
 И музыка, и блескъ свѣчей,
 И масокъ пестрое движенье.
 Чего тутъ не было, мой Богъ !
 Паяцы, рыцари, цыганки,
 Маркизь напудренный, турчанки, —
 Все нарядилось кто какъ могъ.
 Тутъ былъ судья одѣтъ матросомъ.
 И скромный стряпчій — казакомъ,
 Тутъ былъ исправникъ съ краснымъ носомъ
 Одѣтъ индѣйскимъ пѣтухомъ ;
 И даже Дарья Тимоѣевна,
 Годовъ тяжелый грузъ забывъ,
 Какою-то морской царевной
 Явилась, плечи обнаживъ.
 Шумѣло все. Старушки хоромъ
 За дочками слѣдили взоромъ,
 И старички, очки надѣвъ,
 Степенно наблюдали дѣвъ.
 Но вотъ среди толпы предстала
 Сама она, царица бала,
 И гулъ сорвавшихся похвалъ
 По залѣ дружно пробѣжалъ,
 Въ кругу наперстницъ суетливыхъ,
 Дѣвицъ жеманныхъ и болтливыхъ,
 Она въ безмолвьи тихомъ шла

Самодовольно и несмѣло —
 Съ вѣнцомъ изъ листьевъ вокругъ чела,
 Какъ Норма вся въ одеждѣ бѣлой..
 Все въ ней въ гармонію слилось :
 Движеній мягкая небрежность,
 Лица мечтательная нѣжность,
 И лоскъ волнистый русыхъ косъ,
 И взоръ, томящей ласки полный, —
 Уста раскрытыя едва,
 Какъ бы таящія слова
 Для слуха сладкія, какъ волны,
 Когда, сокрытый отъ лучей,
 Въ тѣни журча, скользитъ ручей...
 И вдругъ съ улыбкой добродушной
 Она, презрѣвъ толпою скучной,
 Ко мнѣ ребенку подошла
 И тихо въ польскій увела.
 Ея руки прикосновенье
 На трепетной моей рукѣ
 Незримое напечатлѣнье
 Оставило. Такъ вдалекѣ
 Знакомой пѣсни голосъ милый
 Тревожить долго слухъ унылый ;
 И послѣ много, много лѣтъ,
 Средь жаркихъ сновъ, въ чаду томленья,
 Ловилъ мой отроческій бредъ
 Черты знакомаго видѣнья.
 Но къ дѣлу ! Въ сей юдоли слезъ
 Есть люди внѣ бѣды и грозъ,
 Которыхъ жгучія печали

Богъ вѣсть, какъ въ жизни миновали ;
 Легко, безъ долгаго труда
 Цѣль добывалась ихъ желаній
 И застигала безъ страданій
 Ихъ смерти срочной череда.
 Покинувъ сельскую свободу,
 По ожиданію точь въ точь,
 Въ столицѣ не проживъ и году,
 Нашъ генераль сосваталъ дочь
 За юношу, породы барской,
 Которому Господь послалъ
 Богатства тьму, и предстоялъ
 Блестящій путь на службѣ царской.
 Была-ль довольна дочь, иль нѣтъ,
 По нраву-ль былъ ей высшій свѣтъ,
 Иль сердцу жить въ немъ было тѣсно
 И жаль ей было то село,
 Гдѣ мирно дѣтство протекло—
 Мнѣ это вовсе неизвѣстно.
 Но знаю то, что генераль,
 Довольный тѣмъ, что жилъ не даромъ,
 Допивъ за ужиномъ бокаль,
 Апоплексическимъ ударомъ
 На лоно праотцовъ своихъ
 Перескочилъ въ единый мигъ.
 За гробомъ важныя шли лица ;
 Дочь плакала. Тоскуя зять
 Наслѣдство долженъ былъ принять ;
 Но, вѣчный баловень столицы,
 Деревни онъ не посѣтилъ.

Сюда-жь по волѣ барской былъ
 Какой-то присланъ плутъ наемный
 Сбирать и доставлять доходъ ;
 А баринъ самъ здѣсь не живетъ.
 Домъ опустѣлъ. Сквозь ставень темный
 Не улыбнется лучъ дневной,
 Не взглянетъ грустно мѣсяцъ томный,
 И человѣческой ногой
 Ненарушаемъ мракъ сырой ;
 И только вѣтеръ въ дни мятели,
 Врываясь въ трубы или щели,
 Тоскуеть жалобно, одинъ
 Безлюдныхъ комнатъ властелинъ ;
 Да ночью сторожъ бесполезный
 Печально бродить до утра
 Вокругъ пустыннаго двора
 И сторожить замокъ желѣзный...
 И право жаль мнѣ иногда,
 Что видно, въ память дней бывалыхъ,
 Мнѣ не придется никогда
 Блуждать въ давно знакомыхъ залахъ
 И снова видѣть по стѣнамъ
 Въ прическахъ странныхъ тѣже лица
 Старинныхъ баръ и прежнихъ дамъ,
 Давно сошедшихъ въ тьму гробницы.
 И право жаль, что никогда
 Не доведется мнѣ лѣниво
 Сидѣть на берегу пруда
 Подъ старою плакучей ивой,
 Глядѣть, какъ тихо съ высоты

Она зеленые листы,
 Склоняя, медленно купаетъ...
 Недвиженъ прудъ; хоть бы слегка
 Пронесся шелестъ вѣтерка,
 И вечеръ ясный догараеть,
 Сливая мирно ночь и день
 Въ одну задумчивую тѣнь;
 И ловить чуткое вниманье
 Мгновенныхъ звуковъ трепетанье
 Надъ полусонною водой:
 Шумъ крыльевъ птицы мимолетной
 И подъ разбрызнутой волной
 Плесканье рыбки беззаботной.

7.

Пошелъ! Въ ночи какъ днемъ свѣтло,
 Мой путь лежитъ черезъ село
 Огромное; въ немъ даже школа
 Есть для дѣтей мужскаго пола.
 Тутъ жилъ учитель. Съ нимъ я былъ
 Давно знакомъ. Мы въ юны лѣта,
 Подъ кровомъ университета,
 Учились вмѣстѣ. Я шалилъ,
 А онъ, неловкій и смиренный,
 Душею въ бездну погруженный
 Метафизическихъ началъ,

Прилежно Шеллинга читалъ,
 И въ годы тѣ, когда стыдливо
 Усь пробивается едва,
 Онъ душу міра горделиво
 Хотѣлъ понять, какъ дважды два;
 Но только смутное сомнѣнье
 Ему навѣяло ученье.
 Онъ сталъ де-Местра изучать
 И верхъ премудрости искать
 Тамъ, гдѣ—пировъ пустыя дѣти—
 Не попадаясь въ оны сѣти,
 Мы видѣли, махнувъ рукой,
 Туманный бредъ души больной.
 Такъ въ жизнь игрушкою случайной
 Товарищъ юности моей
 Вошелъ, своей завѣтной тайны
 Не разрѣшивъ и чуждъ путей
 Ко счастью. Вѣчно недовольный
 И міромъ и собой самимъ,
 И тяжелой бѣдностью томимъ,
 Пошелъ онъ, какъ учитель школьный,
 Въ нашъ ~~вѣкъ~~ ^{Край} печальный, и готовъ
 Былъ съ добросовѣстностью милой
 Учить читать тупыхъ птенцовъ
 И по складамъ и безъ складовъ.
 Но тщетно! Сила измѣнила,
 Онъ сталъ грустить, потомъ спился.
 И помѣшался. Я въ то время,
 Влача безопасно жизни бремя,
 Подъ голубыя небеса

Иной страны благоуханной
 Свободно путь держалъ желанный.
 Когда же изъ чужихъ сторонъ
 Вернулся я въ родныя степи
 Принять обычной жизни цѣпи,
 Я поспѣшилъ къ нему, и онъ
 Былъ страшно радъ мнѣ, жалъ мнѣ руку,
 И, тайную скрывая муку,
 Мнѣ говорилъ, что онъ спасень,
 Что душу міра видитъ онъ,
 Но окруженную толпами
 Какихъ-то гаденькихъ дѣтей,
 Должно быть, маленькихъ чертей,
 Горбатыхъ, подленькихъ, съ хвостами,
 Его дразнящихъ языками.
 Но этотъ жизни жалкій сонъ
 Былъ скоро смертью пресѣченъ.
 Я друга схоронилъ. Но сухо
 На сердцѣ было; на глаза
 Не пробивалася слеза
 И въ головѣ бродило глухо,
 Что даже лучше для него,
 Чтобъ вовсе не было его.

8.

Я съ похоронъ спѣшилъ. Желалось
 Домой, скорѣй бы лечь въ постѣль,

Заснуть и позабыть... Смеркалось,
 Была сердитая мятель.
 Слѣдъ занесло. Ямщикъ крестился,
 Глядя съ боязнію кругомъ;
 Ступали лошади съ трудомъ,
 А снѣгъ валилъ и вѣтеръ злился.
 Дрожь пробирала, и тоской
 Томилась мысль, и сердце ныло...
 И вдругъ мнѣ память воскресила
 Иное время, путь иной:
 Я уѣзжалъ—то было лѣтомъ,
 Сіяла пышная луна,
 Была прозрачнымъ полу-свѣтомъ
 И свѣжей влагой ночь полна.
 Мнѣ разставаться было трудно,
 Но какъ-то молодо и чудно
 На сердцѣ было! А кругомъ
 Шептался въ рощѣ листь съ листомъ
 И тихо вѣялъ воздухъ сонный
 Какой-то нѣгой благовонной
 И звонко пѣлъ во мглѣ вѣтвей
 Печаль и счастье соловей.

9.

Но, стой! Вотъ станція! Встрѣчаетъ
 Смотритель съ заспаннымъ лицомъ,

Мундиръ потертый надѣваетъ,
 Стоитъ у двери и потомъ
 Выходить вонъ, ворча сквозь зубы.
 А я, освобождаясь отъ шубы,
 Томимъ зѣвотой и лѣнивъ,
 Сажусь, сигару закуривъ.
 Пока со сна ямщикъ впрягаетъ,
 Пока, колеблясь и треща,
 Уныло сальная свѣча
 Передо мною нагараетъ—
 Часы стѣнные въ тишинѣ
 Одно и тоже шипло, глухо
 Лепечуть въ мѣрной болтовнѣ,
 Какъ сумасшедшая старуха.
 И какъ-то жутко! Духъ въ груди
 Тѣснится; думы смутно бродятъ:
 То будто горе впереди,
 То будто призраки проходятъ
 Людей минувшихъ и опять
 Судьба готова повторять
 Всѣ жизни тяжкія мгновенья,
 Ошибки, скорби и волненья...
 Но полно! Звякнула дуга;
 Нѣтъ времени для грусти праздно
 Подъ звукъ часовъ однообразный:
 Теперь минута дорога—
 Вѣдь я въ уѣздный городъ ѣду
 По тяжбѣ дать отпоръ сосѣду...
 Въ уѣздномъ городѣ соборъ.....
 Но я спѣшу во весь опоръ

Въ иное каменное зданье
 Гдѣ на алтарь инымъ богамъ
 Несутъ иное воздоянье:
 То правосудья грязный храмъ.
 По грязнымъ лѣстницамъ въ большія
 Взойду я комнаты—и тамъ
 Увижу лица испитыя
 Вокругъ запачканныхъ столовъ;
 Тамъ руки грязныя писцовъ,
 Скользятъ въ безсмысленной отвагѣ
 Перомъ скрипучимъ по бумагѣ
 И замѣняютъ всѣ права
 Однѣ продажныя слова.
 И вотъ судьбы моей отчизны!
 И сколько жизней и умовъ
 Тутъ гибнуть,—высказать нѣтъ словъ,
 Хотите—совершайте тризны.

10.

Но кони мчатся на востокъ,
 Луна потухла. По немногу
 Разсвѣта трепетный потокъ
 Яснѣй ложится на дорогу,
 И, свѣтомъ пурпурнымъ горя,
 Встаетъ студенная заря,
 И солнце въ выси блѣдно-синей
 Блеститъ надъ бѣлою пустыней...

НЕ МНОГИМЪ.

Я покидалъ васъ, но безъ слезъ—
Лѣта навѣяли мнѣ стужу,
И тайный взрывъ сердечныхъ грозъ
Уже не просится наружу.
А сердце ныло въ тишинѣ
Въ часъ разставанья, часъ печали,
И въ сокровенной глубинѣ
Нѣмая скорби осѣдали.
Такъ подъ корою ледяной
Зимою скрытый—осторожно,
Ни кѣмъ не слышимъ—ключь живой
Трепещетъ сжато и тревожно.

НОЧЬ

(Посвящено Г—у и П—и.)

Per me si va tra la perduta gente...

DANTE.

I.

По скату длинному дороги
Я шель задумчивой стопой,
Томимый грозною тоской
И скорбью внутренней тревоги.
По лону низменной земли
Окутанъ дымкою сѣдою
Тянулся городъ и вдали
Терялся слитый съ поздней мглою.
Уже я смутно различалъ
И трубъ и кровель лѣсъ дремучій;
Надъ ними вѣтеръ бушевалъ
И сѣрья бродили тучи.
Неслышнымъ шагомъ кралась ночь
И—стогны въ сумракъ поглощая—

Пришла туманная, сырая;
 Ея дыханья превозмочь
 Не въ состояньи было тѣло
 И—содрогаясь—холодѣло.
 Уже зажглися фонари
 И въ небѣ, въ мглѣ сыраго пара,
 Блеснула трепетомъ зари, lw
 Иль дальнимъ заревомъ пожара;
 И эта ночь и этотъ свѣтъ
 Казались полны духомъ бѣдъ.

2.

Пошелъ я улицею длинной;
 Дома дремали въ тишинѣ
 И было въ городѣ пустынно...
 Но съ каждымъ шагомъ стали мнѣ
 Встрѣчаться чаще пѣшеходы,
 Трещалъ все ближе стукъ каретъ,
 Блеснулъ изъ лавокъ яркій свѣтъ,
 И какъ колыблемыя воды
 Задвигались толпы людей,
 Ряды колесъ и лошадей,
 И стукъ и говоръ поминутный
 Слилися въ гулъ враждебно-смутный.
 И шелъ я медленной стопой
 Въ разгарѣ бѣшеномъ столицы,

И съ безпокойною душой
 Невольно вглядывался въ лица,
 Межь тѣмъ какъ быстро тѣнь по нимъ
 Мѣнялась съ блескомъ огневымъ.

И вотъ мнѣ, съ ясностью бесплодной
 Мелькнувъ среди бродящихъ думъ,
 Мучительно пришло на умъ,
 Неотразимо, безотходно—
 Сознанье, что я всѣмъ чужой,
 Что между нами есть преграда
 И что—не только что со мной—
 Они чужіе межъ собой
 И связаны привычкой стада...—

Вотъ домъ огромный. У дверей
 Стоитъ швейцаръ въ ливреѣ странной,
 Пузатый, пудренный, жеманный,
 И держитъ съ важностью царей
 Храня надменно видъ свирѣпый,
 Надъ глупой тростью шаръ нелѣпый.
 А въ окнахъ бродитъ блескъ огней
 И тѣни шаткія гостей
 Снующь—блуждають. Пиръ исправень,
 Гостямъ хозяинъ саномъ равенъ:
 Ему подобно искони
 Земли властители они
 И не уступятъ, величаво
 Держась за вѣковое право,
 Клочка пустаго ни на шагъ,
 Гдѣ отдохнуть бы могъ бѣднякъ,
 Взглянуть—усталый—хоть ошибкой

На жизнь съ довѣрчивой улыбкой.
 Лакеи служатъ. Межь гостей,
 Нарядныхъ, важныхъ и недружныхъ,
 Несется трескотня рѣчей
 Неоткровенныхъ и ненужныхъ;
 И между тѣмъ, страшна какъ мгла
 Въ ночи глухой, ночи беззвѣздной,
 Бездонно холодно легла
 Межь ними внутренняя бездна!
 Ее—дни, мѣсяцы, года—
 До самаго конца ихъ вѣка
 Не переступить никогда
 Живое чувство человѣка!
 Сошлись,—ихъ вмѣстѣ держать ложь,
 Лакейство съ жадностію льстивой
 И чванства духъ сребролюбивый;
 А въ тайнѣ зависть точить ножъ
 И клевета въ норѣ сокрытой
 Шипитъ змѣею ядовитой...
 И связи между ними нѣтъ!
 Все это шутка или бредъ!
 А этотъ нищій, тощій, блѣдный,
 Оборванный, чей злобный взглядъ
 Тайкомъ слѣдитъ прохожихъ рядъ,
 Забывшихъ дома грошъ свой мѣдный?
 А этотъ жирный адвокатъ,
 Своихъ кліентовъ воръ законный?...
 Одинъ, въ трактирѣ, полусонный
 Сидитъ, едва вращая взглядъ
 Съ довольнымъ видомъ равнодушья,

Одинъ наѣвшись до удушья,
 Напившись такъ, что жаръ съ ланить
 Красносинѣющихъ палить...
 А этотъ пастырь, заточенный
 Въ свой бѣлый галстухъ?... Онъ несетъ
 Подъ мышкой томъ позолоченный,
 Онъ завтра въ немъ строку найдетъ,—
 У черни съ высшей точки зрѣнья
 Отниметь сладость воскресенья...
 Нѣтъ, нѣтъ! клянусь: тутъ связи нѣтъ!
 Тутъ только шутка или бредь!
 Тутъ трупъ общественнаго зданья
 Въ дырявой мантии преданья!

3.

Вотъ улица, гдѣ блескъ и шумъ
 Пугаютъ удивленный умъ.
 Сорвавшись съ цѣпи злыхъ печалей
 Сюда со всѣхъ концовъ земли
 На пиръ безумныхъ вакханалій
 Толпы несмѣтныя пришли.
 Здѣсь юноша отважно праздный
 Спѣшитъ разтратить свѣжесть силъ,
 И старецъ дряблый пріютилъ
 Развратъ безсильный, безобразный.
 Кипитъ, тревожный жаръ тая,

Страстей подземная струя
 И въ этой улицѣ безъ мѣры
 Державно царствуютъ гетеры,
 И увлекаютъ за собой
 Небрежной легкостью нарядовъ,
 Движеньемъ поступи лихой,
 И плечъ нагою бѣлизной
 И томнымъ сладострастьемъ взглядовъ.

Кого въ проулкѣ близъ угла
 Ты ждешь, 'красотка молодая?
 Кого улыбкою лаская
 Ты нынче на ночь зазвала?
 Какъ?... Этотъ остовъ?... тѣнь мущины?...
 Я знаю на челѣ его
 Остались рѣдкія сѣдины,
 Лицо худое у него
 Изрыли раннія морщины;
 Но—бѣдная! Онъ золъ и глупъ,
 Въ развратѣ холоденъ и грубъ.
 Да!... но какъ хлѣбъ тебѣ онъ нуженъ!...
 Ты съ нимъ идешь. Вашъ буйный ужинъ
 Встревоженъ розовой зарей...
 Довольно! Шутки площадной
 Наслушалась до отвращенья;
 Съ тобой онъ пилъ до одуренья,
 Теперь вези его домой!
 Вотъ спальня. Въ ней царить молчанье,
 Скрываютъ сторы дня набѣгъ,
 И длится ночь, и жаркихъ нѣгъ
 Таится робкое дыханье.

Теперь онъ какъ бы счастливъ былъ!
Но голова его повисла,
Едвадь онъ—пьяный—сохранилъ
Для наслажденья каплю смысла!
И послѣ тягостнаго сна
Вы разстаетесь... Онъ уходитъ
И остаешься ты одна.
Печальный лучъ сквозь стору бродить;
Все пусто! Съ скукой и тоской
Ты привстаешь и ручкой нѣжной
Играешь длинною косою
На грудь упавшею небрежно;
Твой взоръ разсѣянь и уныль,
Улыбку на устахъ смѣнилъ
Неясной думы слѣдъ печальный...
На память край приходитъ дальній,
Твой бѣдный, мирный городокъ,
Земли укромный уголокъ,
Пріютъ весны первоначальной.
Ты помнишь садъ и поздній часъ,
И робкій ропоть старой ивы,
И юношу, и въ первый разъ
Слова любви, любви стыдливой,
Такъ простодушной, какъ потомъ
Тебѣ не встрѣтилось ни въ комъ.
Ты плачешь? Юныхъ грезъ утрата
Невольно сердце шевелить;
Но въ страхъ мысль твоя спѣшитъ
Забиться въ образахъ разврата...
А знаешь что?... Умри скорѣй!

Умри по раньше! не жалѣй!
 Смерть—слово горькое для слуха,
 Да развѣ лучше жизни нить?
 И знаешь ли какъ гадко жить
 Голодной, брошенной старухой!

4.

Но далѣ улицы пустѣй
 Кареть слабѣе отголосокъ,
 Туманъ становится густѣй.
 Тутъ льется Темза. Берегъ плоскокъ,
 Рѣка съ свинцовымъ блескомъ водъ,
 Черезъ нее мостовъ наметъ;
 Кой гдѣ гнѣздятся людскія тѣни
 Чернѣютъ въ смрадѣ испареній;
 Къ нимъ страшно близко подойти
 Зловѣщія, тупыя рожи!
 Спѣшитъ испуганный прохожій
 По запоздалому пути,
 Почуя въ мракѣ безъ движенья
 Глухія тайны преступленья.

А завтра прозвѣнитъ звонокъ,
 Пойдутъ свистки со всѣхъ дорогъ,
 Пойдетъ всеневная работа;
 Торговли гордая забота
 Товаръ громадный двинетъ свой,

Облитый нищенской слезой
 И градомъ трудового пота.
 Всѣ призраки воскреснутъ вдругъ;
 Надъ бѣднымъ міромъ вспрянуть власти—
 Храня общественный недугъ,
 И вновь помчится вихрь несчастій...
 О родъ людской! о родъ людской!
 Куда спѣшишь ты въ этомъ шумѣ?
 Гдѣ отдохнетъ твой мозгъ больной
 На жалкомъ поприщѣ безумій?...

5.

И вотъ въ далекія края
 Меня влечетъ воспоминанье,
 Къ тебѣ, о родина моя!
 Гдѣ ранней жизни трепетанье
 Я дѣтскимъ слухомъ понималъ,
 Гдѣ я любилъ, гдѣ я страдалъ,
 Гдѣ, заглушая все что больно,
 Я тратилъ юность своевольно,
 Какъ будто мнѣ была она
 На вѣки вѣчные дана;
 Страна, къ которой такъ невольно—
 Съ годами всасываясь въ кровь—
 Привычкой стала мнѣ любовь,
 И гдѣ оставилъ я унылыхъ,

Немногихъ близкихъ, сердцу милыхъ,
И множество ненужныхъ лицъ,
Да нѣсколько родныхъ гробницъ.

Печальной родины природа
Со мной дружна, давно своя...
Привыкъ я долгіе дни года
Смотрѣть на бѣлыя поля,
Когда отъ стужи не трепещетъ
Морозный воздухъ, день безъ тучъ
И рассыпаясь яркій лучъ
По снѣгу искристому блещетъ,
Иль даль, бѣлясь при лунѣ,
Мерцаетъ въ грустной тишинѣ...
И длится, длится вечеръ длинный,
Печально бродитъ отблескъ свѣчъ
И сердцу памятную рѣчь
Томяся шепчетъ духъ пустынный.

Но вотъ смягченъ зимы набѣгъ
И тихо грѣя солнце пышетъ,
Тепломъ дремотный воздухъ дышетъ
И таетъ пожелтѣлый снѣгъ,
И рѣчка, взламывая льдины,
Бурлитъ и брызжетъ у плотины.
Вотъ почернѣлъ знакомый путь,
Пробилась робко зелень въ полѣ,
Душистый листъ на свѣжей волѣ
Спѣшать деревья развернуть
И пѣсни вечеромъ веселымъ
Далеко слышатся по селамъ ;
Перекликанья соловьевъ

Всю ночь тревожат сумрак сада,
 Съ зарей пастухъ выводитъ стадо
 На склонъ прибережныхъ дубровъ ;
 Береза свиснувшюю сѣнью
 Качается подъ говоръ водъ ;
 Пастухъ объять блаженной лѣнью
 И пѣсню звонкую поеть ;
 Звучить теряясь безотзывно,
 Напѣвъ протяжный, заунывный,
 А плакать слушая легко,
 Куда то смутно мысль несется
 И между тѣмъ внутри живется
 Такъ безконечно широко !

6.

Но ближе въ жизнь людей вступая,
 На томный мѣръ роднаго края
 Иначе взглянешь. Станетъ жаль ;
 Все ненавистно, все такъ больно,
 Тяжелый ужасъ и печаль
 Охватятъ холодомъ невольню.
 Какъ ихъ безбрежныя поля
 Безгласны люди. Отъ Китая
 До стѣнъ недвижнаго Кремля,
 Подъ дикимъ гнетомъ изнывая,
 Томится русская земля.

Живуть и мрутъ среди смиренья
 Въ молчаньи вяломъ поколѣнья.
 Молчить запуганный мужикъ
 Подъ розгой маленькихъ владыкъ ;
 Его чиновникъ грабить смѣло ;
 Въ трудѣ проходить жизнь его
 И не приносить ничего ;
 Проходить тускло...Послѣ тѣло
 Кладутъ какъ вѣтошь въ темный гробъ,
 Надъ нимъ бормочетъ пьяный попъ,
 Да бабы вопятъ...Жизнь безцвѣтна,
 Безрадостна и не привѣтна,
 Смерть равнодушна и дика,
 И скорбь на сердцѣ велика !
 И тотъ изъ насъ, кому наука
 Раздвинула границы думъ,
 На привязи свой держать умъ,
 Снѣдаемъ праздностью и скукой.
 Кругомъ помѣщики глупцы,
 Рабы, нахалы, подлецы,
 Попы, мундиры голубые,
 Воровъ казенные полки,
 Да мѣры къ лучшему тупыя,
 Да плеть, да ссылки, да штыки ;
 И чья то воля будто править,
 И сверху внизъ все давить, давить,
 И тѣсно, тяжело дышать,
 И хочется бѣжать, бѣжать,
 Куда нибудь уйти скорѣе
 Отъ этой жизни пытки злѣе,

Изъ этой грязи вѣковой,
Отъ этой родины святой !

7.

Уйти?...Куда?... Въ юдолѣ шумной,
Гдѣ люди бѣсятся и мрутъ,
Найдется-ль гдѣ нибудь пріютъ
Свободно-мирный и разумный,
Гдѣ жизнь свѣтла и глубока,
Какъ величавая рѣка
Моглабъ путемъ не своенравнымъ
Широко течъ въ движеніи плавномъ ?
Нѣтъ, нѣтъ ! Нигдѣ пріюта нѣтъ !
И всюду рабства тощій бредъ !
Иди черезъ снѣжныя вершины
Вѣчно-величественныхъ горъ,
Спустися въ свѣжія долины,
Иль вырываясь на просторъ—
Переплыви въ тревогѣ рьяной
Разливъ немолчный океана,
Вездѣ найдешь одинъ отвѣтъ :
Пріюта нѣтъ ! пріюта нѣтъ !
Живи подъ тяжестью терпѣнья,
И съ чувствомъ горькаго презрѣнья,
И равнодушіемъ бойца
Жди неизбежнаго конца.

Да ! Смерти строгія картины
 Въ воображеніи моемъ
 Проходятъ чередою длинной...
 Но при сверканьи роковомъ
 Косы рѣшительнаго взмаха
 Нѣтъ ни смущенія, ни страха.
 Людей предсмертныя черты
 Тѣснятъ въ міръ моей мечты :
 Ея-ль внезапное созданье,
 Иль гдѣ то видѣннаго сна
 Знакомое припоминанье, —
 Но смертью мысль моя полна
 И слышитъ робкое вниманье
 Предсмертной поступи шатанье...

8.

Я помню образъ молодой
 Борьбы и страсти отпечатокъ ;
 Въ немъ бился съ внутренней тоской
 Могучей юности остатокъ
 И человекъ сказалъ себѣ :
 “Оставимъ міръ его судьбѣ !
 Страданья тягостны и лживы
 И жертвы тщетныя смѣшны :
 Мы нѣги сладостные сны
 Осуществимъ пока мы живы,

Пока могила не взяла
Холодно-блѣднаго чела”.

И наслажденье молодое
На югѣ дальнемъ онъ искалъ,
Гдѣ у подножья желтыхъ скалъ
Ликуетъ море голубое,
И день сіяющъ, и пышна
Надъ ночью синею луна.
Лежить на мраморныхъ колоннахъ
Спокойно замка пышный кровъ ;
Тамъ лики мраморныхъ боговъ,
Картины въ рамахъ золоченныхъ
И вѣтъ запахомъ цвѣтовъ.
Кругомъ зеленый трепеть сада ;
Снотворно льется въ лѣтній зной
Мѣрно-урчащею струей
Фонтановъ свѣжая прохлада ;
Съ террасы видно—лоно водъ
Въ даль безконечную идетъ.

Тамъ—сынъ неугомонной воли,
Бѣглець полезнаго труда,
Въ который онъ не вѣрилъ болѣ,—
На передсмертные года
Себѣ причудливо устроилъ
Пріютъ, гдѣ любовался взоръ
На гармоническій просторъ.
Хоть онъ и тутъ не успокоилъ
Духъ затаенной жажды дѣль,
И тутъ забыть онъ не умѣлъ
Всея злобы думъ непримиримыхъ

Противу золь неисцѣлимыхъ,
И тутъ какъ безотвязный другъ
Тоски подавленной недугъ
Не разъ владѣлъ его душою,
Не разъ за трапезой нѣмою
Безплодной пѣной отшипалъ
Его нетронутый бокаль ;
Но онъ упорно съ страстью жадной
Минуты счастья ловилъ
И жизни каждый звукъ отрадный
Ему глубоко внятень былъ.
Онъ сладко пѣлъ, когда лѣниво
По зыби трепетной — луной
Посеребряннаго залива—
Ладья, укачивая, шла
Подъ плескъ нырявшаго весла.
Перой въ огняхъ блистала зала,
Гремѣлъ оркестръ въ вечерній часъ,
То извиваясь, то рѣзвясь —
Вакханка гибкая плясала...
А онъ любилъ. Онъ торопливо
Прощаясь съ жизнью прихотливой,
Пилъ съ жгучей жаждою въ крови
Струи послѣднія любви.
При свѣтѣ лампы одинокой
Въ тиши таинственныхъ ночей
Ловилъ онъ мягкій шелкъ кудрей
И ласки дѣвы черноокой,
Дрожанье персей, вздохъ глубокой
И шопоть вкрадчивыхъ рѣчей ;

Любовь несытая хотѣла
 Волненья молодого тѣла,
 Чтобъ замирая близъ него
 Дыханье жаркое горѣло,
 Чтобъ жилка каждая его
 И трепетала бы и млѣла
 И онъ впадалъ бы въ смутный сонъ,
 Весь упоеньемъ истомленъ.

Онъ отжилъ быстро. Въ часъ урочный
 Онъ зналъ, что средства безпомощны,
 Что скоро тайной боли гнетъ
 Натугу тѣла разобьетъ.
 Ему вѣнкомъ главу обвили,
 Его на берегъ положили,
 Откуда видно — лоно водъ
 Въ даль безконечную идетъ,
 Была пора вечеровая,
 И мирно погасавшій день
 Прозрачная смѣняла тѣнь,
 Ложилась ночь, благоухая.
 Склонясь зеленый дубъ шумѣлъ
 И звонкій голосъ пѣсни пѣлъ,
 И съ ними водъ морскихъ волненье
 Въ одно сливалось пѣснощѣнье;
 Ему внимая замеръ слухъ,
 Остыла жизнь и взоръ потухъ.
 Надъ тѣломъ дремлющемъ безъ муки
 Торжественно носились звуки
 И пролетѣла безъ слѣда,
 Мелькнувъ, падучая звѣзда.

9.

Но пропадая въ сумракъ черный
Сокрылся юный призракъ мой,
И помню образъ я иной :
То былъ спокойный, но упорный
И гордый мужъ. Уже сѣдой
По бородѣ сребрился волосъ,
Но было тихо и свѣтло
Его высокое чело ;
Подобья лжи строптивый голосъ
Со дня рожденья не изрекъ ;
Печальный взоръ его былъ строгъ
И, ярко въ душу проникая,
Казнилъ — въ злодѣйствѣ уличая.
Онъ былъ похожъ на тѣхъ людей
Уже давно минувшихъ дней,
На тѣхъ отступниковъ Зевеса
И не поклонниковъ Христа,
Которыхъ строгія уста
Въ словахъ простыхъ, но полныхъ вѣса —
Служили только одному
Простому, здравому уму ;
Носитель неподкупныхъ истинъ —
Онъ не ходилъ за общій пиръ,
Ему равно былъ ненавистенъ
Прошедшій и грядущій міръ,

И середь племени чужаго
Онъ ничего не зналъ роднаго.
Онъ видѣлъ какъ сквозь тьму вѣковъ,
Чуждаясь дико мыслей здравыхъ,
Стремится съ яростью волковъ
Толпа мучителей кровавыхъ
И съ ними, не глядя куда,
Народовъ жалкія стада.
И вотъ ужъ некуда бѣжать,
И въ бездну упадутъ народы,
И соберутся бушевать
Всѣ силы дикія природы
Съ потопомъ и огнемъ своимъ
Надъ дикимъ племенемъ людскимъ.
Взойдетъ на берегъ новозданный
Быть можетъ новый Девкальонъ
И новый міръ наполнить онъ
Породою не меньше странной,
И повторять грядущій родъ
Безумство старое начнетъ.

Но видя общее паденье
Какъ одинокое явленье
Поодаль гордый мужъ стоялъ
И ясность взгляда сохранялъ,
И ждалъ въ печали величавой,
Чтобы подземныхъ силъ привалъ
Жерло мгновенно разорвалъ
И міръ засыпалъ жгучей лавой...

10.

Но ночь уходит. Фонари
Блѣднѣютъ съ просвѣтомъ зари
И утро въ тягостномъ покоѣ
Идетъ туманное, сырое...
Душа устала — и разсвѣтъ
Все также полонъ духомъ бѣдъ.

БУДУЩНОСТЬ.

Я видѣлъ дѣвочку съ кудрями золотыми
 И личкомъ бѣленькимъ, и глазками живыми ;
 Она въ движеніяхъ безпечна и мила
 Вся дѣтской рѣзвостью проникнута была,
 Дрожалъ по плечикамъ волнуясь локонь зыбкой
 И ротикъ маленькій былъ озаренъ улыбкой ;
 А гости не могли восторга превозмочь,
 Твердя родителямъ какъ хороша ихъ дочь.

Я на нее глядѣлъ волнуемъ думой вѣщей,
 Какъ нѣкогда въ толпѣ, предвидя день тревогъ,
 На шумномъ праздникѣ стоялъ пророкъ зловѣщій,
 И побѣдить въ себѣ унынія не могъ.
 Я думалъ, что дитя роскошно разовьется
 Какъ роза пышная, — а изъ подземной тьмы
 И страсть подкрадется и горе принесется ;
 Умрутъ отецъ и мать какъ всѣ умремъ и мы,
 И дѣва робкая взойдетъ въ семью чужую,
 И жизнь ея пройдетъ средь перемѣжныхъ ссоръ, —
 Какъ въ длинномъ снѣ порой, сжимая грудь больную,
 Съ какимъ то призракомъ ведется глупый споръ ;
 Потомъ, отъ старости сердясь и хилѣя,

Умреть она сама, о чемъ то пожалѣя,
И только на стѣнѣ останется портретъ,
Написанный давно, когда то, въ цвѣтѣ лѣтъ...
Быть можетъ внукъ тупой на ликъ случайно взглянетъ
И имя бабушки разсѣянно помянетъ ;
А тамъ пройдутъ еще безвѣстные года —
И имени ея не будетъ и въ поминѣ,
И въ мірѣ отъ нея не сыщется слѣда
Какъ послѣ голоса замолкшаго въ пустынѣ...

ГОСПОДИНЪ.

(Повѣсть.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ то время таяли снѣга,
Весной дышало. Съ дикой силой
Взрывая ледъ, на берега
Рѣка волнами находила.
Сквозь грязь мелкала зелень травъ
И съ юга прилетѣли птицы,
Но всежь упорно видъ столицы
Хранилъ враждебно-зимній нравъ.

Андрей Патапычъ, малый славный,
Лелѣять сталъ въ мечтѣ своей
Ручья журчанье, шумъ дубравный
И зелень яркую полей ;
Являлся рѣже на обѣды,
Чуждался позднихъ вечеровъ,
Литературныя бесѣды
Его томили. “Много словъ”,

Онъ думалъ, "только мало дѣла"...
 И даже критика сама,
 Сей плодъ нѣмецкаго ума,
 Ему до смерти надоѣла.
 Онъ началъ думать о себѣ,
 О томъ, что молодость проходить,
 А онъ одно въ своей судьбѣ
 Праздноштаніе находить.
 Печально въ уголь изъ угла
 Бродя одинъ въ своей квартирѣ,
 Рѣшилъ онъ, что пора пришла,
 Чтобъ дѣло дѣлать въ этомъ мірѣ:
 Начать воспитывать крестьянъ,
 Въ ихъ нравахъ сдѣлать улучшенья,
 Зерно ума и просвѣщенья
 Посѣять въ глушь далекихъ странъ.
 Рѣшилъ — и въ путь пустился дальній,
 Въ свою деревню — край печальный.

Тащился тряскій тарантасъ,
 Иванъ дремалъ на козлахъ шаткихъ,
 Андрей Потапычъ, утомясь,
 Качался въ сновидѣньяхъ сладкихъ.
 Широкой лентой мягкій путь
 Лежалъ безъ грязи и безъ пыли,
 Два слѣда лоснистыхъ чуть чуть
 Колесы дружныя чертили.
 Ямщикъ коней не погонялъ,

Лѣниво двигались ихъ ноги
 И колокольчикъ замиралъ...—
 Весенней почкой вдоль дороги
 Березы пахли, и вдали
 По лону ровному земли—
 Зеленое и молодое
 Тянулось поле озимое.
 Садилось солнце и тепло
 На землю мирную лило
 Румяное мерцанье свѣта
 И въ небѣ жаворонокъ гдѣ-то,
 Колеблясь трепетнымъ крыломъ,
 Прощался звонко съ яснымъ днемъ.
 Андрей Патапычъ, въ качкѣ мѣрной
 Вздремнувъ, очнулся отъ толчка,
 Спросилъ какъ смѣна далека
 И почему такъ ѣдутъ скверно?
 Потомъ, взглянувъ вокругъ себя
 На тихій міръ весной согрѣтый,
 Природу искренно любя,
 Онъ молвилъ : “Хорошо все это /...”
 И погрузилъ свой томный умъ
 Въ туманъ блаженно-грустныхъ думъ.
 Онъ размышлялъ, что неизбежно
 Онъ сгубитъ молодости цвѣтъ,
 Что слишкомъ трудно, безнадежно
 Онъ любить, вотъ уже пять лѣтъ ;
 Но не смотря на все страданье,
 На жизнь мученій и тоски,
 Онъ о любви воспоминае,

Какъ животворное мечтанье,
 Хранить до гробовой доски.
 Онъ думалъ какъ она прекрасна,
 Какъ простодушна, какъ мила,
 Что за душа въ улыбкѣ ясной,
 Какъ ручка у нея бѣла,
 Какъ нѣженъ взоръ ея и томень,
 Весь видъ какъ страстенъ и какъ скромень,
 Какъ въ мягкомъ голосѣ слышна
 Сердечной ласки глубина !
 Конечно, — онъ любилъ безгласно,
 Да онъ и не захочетъ ей
 Безпечной жизни, жизни ясной
 Тревожить страстию своей.
 О ! еслибъ вѣрною сестрою
 Она весь вѣкъ ему была,
 Ему бы жизнь была мила,
 Онъ былъ доволенъ бы судьбою...
 Баллады увлеченъ стихомъ
 Онъ вспомнилъ, какъ они вдвоемъ
 На дачѣ — въ Августѣ, мечтая,
 Читали вмѣстѣ послѣ чая.
 Конечно, — онъ не пара ей :
 Помѣщикъ онъ не многодушный,
 Ея-жъ отецъ старикъ бездушный
 И мѣтитъ высоко, злодѣй !
 И голосъ у него протяженъ,
 И кругъ знакомыхъ слишкомъ важенъ !...
 Андрей Патапычъ обвинялъ
 И самъ себя ; онъ отвергалъ

Въ своихъ приемахъ лоскъ столичный
И замѣчалъ уже не разъ,
Бывало въ зеркало смотрясь,
Что платье сшитое отлично, —
Богъ знаетъ право почему —
Все какъ то не къ лицу ему.
Застѣнчивость его погубить!
Одна надежда у него,
Что можетъ быть еще его
За нѣжность женщина полюбить.
О! сердцемъ онъ почти герой
И благородень по природѣ,
Стремится къ правдѣ и свободѣ.
Не глупъ, не неучъ — и порой
Въ наукахъ подвизался смѣло...
Но ей что до того за дѣло?
Онъ вспомнилъ, какъ онъ ревновалъ,
Безмолвствуя въ тоскѣ безмѣрной,
Какъ чаще всѣхъ его смущалъ
Одинъ полковникъ инженерный,
Всегда находчивый въ рѣчахъ,
Высокій, статный и въ усахъ.
Андрей Патапычъ съ страстью нѣжной
Тутъ принялся было опять
Любить такъ трудно, безнадежно,
Какъ и назадъ тому лѣтъ пять.
Онъ также вспомнилъ : послѣ бала...
Но тройка вихремъ вдругъ помчала
И, съ шляпой наискось на лбу,

Махнувъ кнутомъ, ямщикъ удалый
Подвезъ къ станцюнному столбу.

Дней нѣсколько, а можетъ больше
(Какъ Чадскій дерзко отвѣчалъ)
Дорога длилася,—не дольше ;
Андрей Патапычъ поскучалъ.
Уже не задолго до дому,
Подъѣхавъ къ берегу крутому,
Онъ увидалъ—внизу рѣка
Была какъ море широка.
Надъ нею солнце вкось сверкало,
По ней крутятся волна бѣжала,
Кой гдѣ уныло паруса
Какъ точки бѣлыя виднѣлись
И гдѣ то тамъ вдали синѣлись,
Теряясь изъ виду, лѣса.
Въ раздольно-сладостной истомѣ
Андрей Патапычъ тутъ вздохнулъ
И переѣхалъ на паромѣ.
Ямщикъ построжки пристегнулъ
И баринъ, погода немного,
Своей проселочной дорогой,
По кочкамъ шеи не сломивъ,
Домой доѣхалъ здоровъ и живъ.

Андрей Патапычъ былъ доволенъ :
Знакомый прудъ, знакомый садъ !

Здѣсь дѣтскій возрастъ былъ такъ воленъ !
Здѣсь все, чему бывалъ онъ радъ,
Вновь на глаза его предстало
И чуть до слезъ не взолновало.
Все тотъ же на дворѣ стоялъ
Уныло домикъ деревянный
И мезонинъ довольно странный
Его вершину замыкалъ.
У полусгнившаго забора
Сторожка пса была видна,
Пса—охранителя отъ вора...
Теперь пуста была она ;
Соскучась жизнию пустынной
Знать околѣлъ онъ—другъ старинный !
Немного подгнило крыльцо,
Но въ домѣ комнаты въ порядкѣ,
На мебели чахлы и складки
И все какъ было на лицо ;
Конечно—такъ давно не жили,
Что все покрыто слоемъ пыли.
Вотъ комната : старуха мать
Любила здѣсь чулокъ вязать ;
А вотъ и не большая зала,
Здѣсь чай сосѣдямъ разливала.
Вотъ здѣсь отцовскій кабинетъ,
Гдѣ Павла перваго портретъ—
Курносый, съ палкой, въ треуголкѣ.
Старикъ, бывало, здѣсь ходилъ
Въ халатѣ пестромъ и въ ермолкѣ
И трубку исподволь курилъ.

Покойники !... У нихъ порою
 Не обходилоя безъ ссоръ,
 Но большей частью все за вздоръ
 И жили дружною четою.
 Вонъ видѣнь памятникъ въ окно...
 Теперь они уже давно
 Гниютъ себѣ рядкомъ какъ надо
 У старой церкви за оградой.

Андрей Патапычъ въ эту ночь
 Томился. То ли былъ съ дороги
 Взволнованъ и разбитъ не въ мочь,
 Толь полный грусти и тревоги
 Былое время выкликалъ...
 Чтобъ ни было, но онъ не спалъ.
 Скребнеть ли мышъ, щелей жилища,
 Или гдѣ скрипнетъ половица,
 Или бродячей пустотой
 Повѣтъ въ тишинѣ ночной,
 А у него и духъ спирало
 И тѣло въ знобъ и жаръ бросало.
 Чуть алымъ трепетомъ горя
 Проснулась ранняя заря,
 Андрей Патапычъ всталъ съ постели,
 Одѣлся, растворилъ окно :
 Село едва озарено
 Виднѣлось. Пѣтухи пропѣли.
 За садомъ свѣтлый прудъ лежалъ,
 Въ зеленой чащѣ крылись тѣни,
 Росой дрожащей листь блисталъ
 И воздухъ утренній дышалъ

Благоуханіемъ сирени.
Андрей Патапычъ въ этотъ мигъ
Блаженство тишины постигъ ;
Но тутъ онъ вспомнилъ, что однако
Въ деревнѣ жить себя обрекъ
Онъ не безъ цѣли, какъ гуляка
Живущій никому не въ прокъ,
Что пользы общей мысль хотѣла
И стало надо дѣлать дѣло.
Онъ вынулъ привезенныхъ книгъ
Запасъ сулившій много толку
И въ шкапъ разставилъ ихъ на полку :
Творенья Тэйра и другихъ
Новѣйшихъ лѣтъ индустріаловъ,
Еще народныхъ школь обзоръ
И рядъ практическихъ журналовъ.
Онъ не любилъ до этихъ поръ
Агрономической науки ;
Охотнѣе въ цѣпи вѣковъ
Слѣдилъ дѣянія отцовъ
И повѣсти читалъ безъ скуки,
И какъ дитя—на счетъ того,
Что создаетъ нужду людскую,
Что прямо входитъ въ жизнь живую,—
Не зналъ онъ ровно ничего.
Вотъ это то его и мучить !
Но впрочемъ дѣло не уйдетъ :
Займется, кое что прочтетъ,
И самъ пойметъ, и всѣхъ научить.

Была суббота въ этотъ день :
 Осилить старческую лѣнь,
 Къ обѣднѣ старики ходили
 Своихъ усопшихъ помянуть
 И тихо господа молили,
 Чтобъ далъ душамъ ихъ отдохнуть ;
 Взамѣнъ покойниковъ просили,
 Чтобы и въ свой чередъ они
 Живымъ послали долги дни.
 Спѣша на пашню, попъ съ досадою
 Пролепеталъ мужей и женъ
 Чуть не до тысячи именъ ;
 Носился ладонъ въ видѣ смрада
 И сарачинское пшено,
 Молитвою осѣнено,
 Побывъ на маленькомъ налоѣ
 И чуть не сдѣлавшись святое,
 Прошло чрезъ грѣшныя уста
 Во славу господа Христа.
 По окончаніи обѣдни
 Толпою старики пошли
 И мирно хлѣбъ и соль несли
 И въ барской собрались передней ;
 Чины дворовые впередъ,
 А позади простой народъ.
 Андрей Патапычъ радъ безъ мѣры
 Былъ прежнихъ увидать друзей:
 Вотъ дядька старый, дѣтскихъ дней
 Ворчливый другъ ; но фракъ свой сѣрый
 Господской службы ветеранъ
 Смѣнилъ на будничныи кафтанъ,

И сгорбился, и весь въ морщинахъ,
 И бѣлой бородой обросъ,
 И тѣло у него тряслось.
 А вотъ въ подобныхъ же сѣдинахъ
 И поварь допотопныхъ дней ;
 А вотъ и маменькинъ лакей,
 Который человѣкъ былъ кроткой,
 Вязалъ чулокъ и пахнулъ водкой.
 А какже сдѣлалась стара
 Покойной нянюшки сестра!
 И цѣлый мѣръ вставалъ изъ тлѣнья...
 Помѣщикъ полонъ былъ смущенья ;
 Но не нашлося никого
 Крестьянъ знакомыхъ у него.
 Всѣ другъ за другомъ подходили
 И ручку барскую просили
 Облобызать на перерывъ ;
 Но ручку какъ то отклонивъ
 Андрей Патапычъ—весь сконфуженъ—
 Шепталъ, что сей обрядъ не нуженъ.
 Потомъ прикащику велѣлъ
 Ужо подать себѣ отчеты,
 Затѣмъ, что ходъ конторскихъ дѣлъ
 Предметъ особенной заботы,
 И завтра утромъ у воротъ
 Велѣлъ собрать крестьянскій сходъ.

Сходъ собрался и съ умиленьемъ
 Помѣщикъ вышелъ на крыльцо.

Разкланялся, Его лицо
 Сіяло чуть не вдохновеньемъ.
 Въ его умѣ тѣснилось вдругъ,
 Что онъ своимъ крестьянамъ другъ,
 Что патріархъ онъ благородный,
 А можетъ и трибунъ народный !...
 Безъ шляпъ стоялъ предъ нимъ народъ
 (Къ чему обычай не понудить !)
 Вперивъ глаза, разинувъ ротъ,
 Всѣ ждали молча ; что же будетъ ?
 Андрей Патапычъ рѣчь держалъ
 (И очень былъ собой доволенъ)
 Андрей Патапычъ имъ сказалъ,
 Что человѣкъ родился воленъ,
 И потому онъ даже бѣ могъ
 Свести ихъ съ пашни на оброкъ.
 Хотѣлъ ихъ мнѣнье знать заранѣ,
 Затылки почесавъ, крестьяне
 Съ единогласіемъ въ отвѣтъ
 Сказали : “почему же нѣтъ ?”
 Потомъ онъ развилъ мысль благую,
 Что надо школу бы завести ;
 Въ ученьи видѣлъ вещь святую
 И путь довольство пріобрѣсть.
 Науки съ точки зрѣнья строгой
 О земледѣліи начавъ,
 Замялся какъ то онъ немного—
 И слова два еще сказавъ
 Объ истинномъ вредѣ засухи,
 Велѣлъ имъ поднести сивухи

И воротился въ барскій домъ.
 И долго мужики потомъ
 Смекали въ болтовнѣ досужей :
 “Что?...Лучше будетъ, или хуже?...
 А Богъ вѣсть!...Правду говорить
 Прикащика пора бѣ смѣнить...”
 Сначала шибко толковали,
 А тамъ какъ будтобъ и устали
 Терять слова по пустякамъ
 И разошлись по домамъ.

По размышленіи не долгомъ
 Сосѣдей навѣститъ своихъ
 Почелъ Андрей Патапычъ долгомъ :
 Разъ, чтобы не обидѣть ихъ,—
 Съ отцомъ и матерью иныя
 Друзьями были ;—во вторыхъ,
 Какъ скучныбъ ни были другіе,
 Онъ не простилъ себѣ бы ввѣкъ,
 Онъ—просвѣщенный человѣкъ—
 Когда бѣ оставилъ безъ вниманья
 Удобный случай для вліянья.
 И тотчасъ началъ онъ съ того,
 Что събздилъ къ набожной сосѣдкѣ,
 Подругѣ матери его,
 Старухѣ, жирной домосѣдкѣ,
 Хозяйкѣ истинной. Она
 Уже и тѣмъ была славна,
 Что сѣкла разъ середь недѣли

Дворовыхъ дѣвокъ, чтобъ въ шесть дней
Избаловаться не успѣли :
Нельзя не остеречь дѣтей !
Потомъ онъ къ старому сосѣду
Поѣхалъ и поспѣлъ къ обѣду.
Старикъ отлично ѣлъ и пилъ ;
Учтивостью извѣстенъ былъ :
Когда подъ часъ лакею въ рыло
Соваль размашистый кулакъ,
Не измѣнялъ себѣ никакъ
И приговаривалъ : “мой милой !” —
Скупясь на время вообще,
Андрей Патапычъ и еще
Къ сосѣду поспѣшилъ другому,
Коннозаводчику лихому ;
Потомъ къ любителю собакъ,
Потомъ къ сутягѣ записному,
Который былъ съ судьей врагъ ;
И къ господину пожилому,
Котораго призналъ весь свѣтъ
Однимъ изъ милыхъ вертопраховъ,
И къ старой дѣвѣ, съ юныхъ лѣтъ
Охотницѣ до іермонаховъ,
И подъ наслѣдственную сѣнь
Андрей Патапычъ утомленный
Явился на четвертый день.
Но видъ имѣлъ весьма смущенный
И чувство скорбное таилъ,
Что никого не удивилъ,
И былъ неловокъ въ разговорахъ,

И недовольно ясенъ въ спорахъ,
И изъ вліянія его
Не выйдетъ ровно ничего.

Его исправникъ мимоѣдомъ
Поздравить заѣзжалъ съ пріѣдомъ
И звалъ на выборы зимой.
Къ нему сталъ ѣздить становой,
Короткій, толстенкій, вертлявый,
Низкопоклонный и лукавый.
Андрей Патапычъ сколько могъ,
Чуждаясь близости постыдной,
Держалъ себя какъ мелкій богъ ;
Сперва онъ слушать безобидно
Не могъ чиновничій языкъ,
Языкъ грабительства позорный
И нищенства языкъ притворный,
Въ которомъ слышенъ грязно-дикъ
Развратъ неловко затаенный ;
Но послѣ ко всему привыкъ,
Смотрѣлъ на вещи благосклонно,
Иное извинялъ слегка
Несчастной долей бѣдняка
И принимать сталъ безъ боязни
Подобострастный знакъ пріязни.

Страшась минуту потерять
Въ трудѣ исполненномъ значеня,

Онъ ради школь и просвѣщенья
 Рѣшился что нибудь начать.
 И на базарѣ добылъ книжку,
 Не новую для нашихъ дней,
 И началъ азбукѣ по ней
 Учить двороваго мальчишку ;
 Сперва день каждый, не лѣнясь,
 Потомъ въ недѣлю по два раза,
 Потомъ училъ въ недѣлю разъ.
 Его усердіе отъ аза
 Тихонько подъ гору все шло
 И скромно вовсе прилегло,
 И онъ, не жертвуя химерѣ,
 Ученье прекратилъ на херѣ.

Хозяйству посвящая день,
 Андрей Патапычъ былъ намѣренъ
 Изгнать обычной жизни лѣнь
 И плану былъ сначала вѣренъ ;
 Но скоро убѣдилъ его
 Кузьма Терентьевъ, что напрасно
 Вводить оброкъ, и для чего ?
 Что мужики народъ опасный
 И не заплатятъ ничего ;
 Что, если съ добротой всегдашней
 Помѣщикъ быть крестьянъ своихъ
 (Однюдь не допуская шашней)
 Улучшить хочетъ,—должно ихъ

По прежнему держать на пашнѣ.
Въ отчетахъ вѣрность увидавъ
И цифры все встрѣчая тѣже,
Андрей Патапычъ вышелъ правъ,
Что сталъ заглядывать въ нихъ рѣже.
Кузьма Терентьевъ управлялъ,
А баринъ, позабывъ заботу,
Иль просто по лѣсу гулялъ,
Иль страсть почувствовавъ къ болоту,
Съ утра собирался на охоту
И поздно приходилъ домой, —
Когда уже и солнце сѣло
Давно далеко за рѣкой
И поле тихое темнѣло,
Свѣтились звѣзды въ синевѣ,
Шелъ паръ душистый по травѣ,
Коростеля въ тиши глубокой
Томился голосъ одинокой...
Андрей Патапычъ той порой
Касался къ заживавшей ранѣ
Своей любви непонятой ;
Но и любовь уже въ туманѣ
Тонула зыбко день за днемъ,
И онъ обычнымъ шелъ путемъ
И разплывался въ грустной лѣни,
Неясной какъ ночныя тѣни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ Іюлѣ жарокъ лѣтній день.
 Андрей Патапычъ, другъ покоя,
 Въ лѣсу отъ тягостнаго зноя
 Искаль спасительную тѣнь.
 Деревья колыхались хоромъ
 И лѣсъ былъ занятъ разговоромъ
 Зеленыхъ листьевъ и вѣтвей,
 И въ немъ былъ слышенъ робкій шопоть
 Какихъ то ласковыхъ рѣчей,
 Или глухой, далекій ропоть
 Народной смуты, иль зыбей
 Вдоль по безбрежію морей ;
 Надъ лѣсомъ небеса сіяли,
 Лучи сквозь чашу проникали,
 Тѣней и свѣта мелькомъ взоръ
 Слѣдилъ трепещущій узоръ ;
 По вѣтвямъ птицъ народъ болтливый
 Порхалъ и прыгалъ суетливо,
 И насѣкомыхъ пестрый рой
 Жужжалъ въ травѣ и надъ травой ;
 А воздухъ въ медленномъ движеніи
 Дышалъ и мягко и тепло,
 И человекъ, склонивъ чело,
 Дремалъ и слушалъ въ упоеніи.
 Андрей Патапычъ на траву
 Подъ дубомъ легъ въ тѣни прохладной

И тихо грезилъ на яву...
 О чемъ?... Богъ вѣсть! Но такъ отрадно,
 Такъ чувствомъ жизни поглощенъ,
 Какъ грезить дней весною ранней
 Дитя баюканное вяней
 Подъ пѣсню внятную сквозь сонъ.

Но вдругъ онъ слышитъ—голосъ женскій
 Въ раздольи груди деревенской
 Далеко по лѣсу поетъ,
 То звонко льется, то замретъ,
 Потомъ все ближе, все звучнѣе...
 Андрей Патапычъ поскорѣе
 Вскочилъ, вздрогнувъ, и еле живъ
 Стоялъ дыханье притаивъ.
 Вотъ птичка ближняя вспорхнула,
 Пугаясь шелеста шаговъ...
 Изъ за встревоженныхъ кустовъ
 Головка смуглая мелькнула.
 По щечкамъ смуглымъ разгорясь
 Бродилъ румянецъ, и дорогой
 Коса роскошная немного
 Изъ подъ гребенки развилась
 И колебалась непокорно
 Вкругъ смуглой шейки прядью черной;
 Въ дыханьи частомъ утомясь
 Уста раскрылись и алѣли,
 И очи черные блестяли...
 Вотъ на двѣ стороны клонясь
 Дрожить орѣшникъ разступясь—
 И образъ дѣвушки красивой
 Остановился боязливо.

Она гибка, она стройна ;
 Хоть дурно платьенце простое,
 Но прелесть юная видна
 На зло шитву, въ плохомъ покрое ;
 Едва ли ей осьмнадцать лѣтъ
 Начелъ бы деревенскій свѣтъ.
 Она за спѣлою малиной
 Блуждала по лѣсу съ корзиной ;
 Взглянула, закричала : “ахъ !”
 Бѣжать хотѣла въ торопяхъ,
 Но свой порывъ остановила
 И только глазки опустила.
 Андрей Патапычъ на нее
 Глядѣлъ безмолвно какъ на чудо ;
 Но ободрясь спросилъ ее —
 И кто она, и шла откуда ?
 Она — “изъ вашего села”,
 Сказала, “Катя, дочь лакея”.
 А онъ, любуясь и робѣя,
 Шепнулъ невольно : “Какъ мила !”
 И покраснѣлъ, и Катя тоже,
 И оба вдругъ потупя взоръ
 Стояли на дѣтей похоже,
 За шалость внемлющихъ укоръ....
 И разошлись...

Но съ этихъ поръ
 Андрей Патапычъ, весь разстроенъ,
 На днѣ души былъ покоенъ.

Боролся онъ съ самимъ собой,
 Не вѣрилъ сердца страсти новой,
 Считалъ ее за бредъ пустой,
 Хотѣлъ за трудъ приняться снова,
 Чтобъ пылъ души уgomонить
 И чувство глупое забыть :
 А какъ то все его тянуло—
 Пройти случайно близъ дверей
 Избы, гдѣ жилъ старикъ лакей...
 Дверь можетъ вѣтромъ запахнулобъ,
 И личко смуглое мелькнулобъ
 И сердце вздрогнулобъ сильнѣй;
 Пройти случайно мимо оконъ—
 Не встрепенется-ль черный локонъ...
 Уже подмѣтивъ ранній часъ,
 Когда росистою тропою
 Ходила Катя за водою,—
 Онъ до зари вставалъ не разъ,
 Чтобъ повстрѣчаться ненарочно
 И поклониться непорочно.
 Онъ даже (скользокъ жизни путь!)
 Хотъ презиралъ святыя бредни,
 Въ воскресный день ходилъ къ обѣднѣ,
 Чтобъ только на нее взглянуть!
 Иванъ, какъ человѣкъ бывалый,
 Подмѣтилъ все. Разсчелъ, что могъ
 При этомъ выиграть не мало,
 Что барскій выгодень порокъ
 И—какъ столичный психологъ—
 Рѣшился какъ нибудь случайно

Заставить вспыхнуть пламень тайный. .
 И вотъ по утра, той порой,
 Какъ въ силу званія и чина,
 Онъ руки барскія невинно
 Студеной орошалъ струей
 Изъ разноцвѣтнаго кувшина,
 А баринъ фыркалъ и плескалъ—
 Съ ланить господскихъ грязь смывая,—
 Онъ вдругъ нечаянно сказалъ,
 Какъ будто что то вспоминая:
 “Вы Катю знаете? Она
 Въ васъ просто сильно влюблена.” —
 Все было кончено! Мгновенно
 Андрей Потапычъ обомлѣлъ
 И задрожалъ, и поблѣднѣлъ,
 Сказалъ Ивану раздраженно,
 Чтобъ вздору говорить не смѣлъ;
 А самъ повѣрилъ откровенно
 И страсть губительнымъ огнемъ
 Тревожно разгорѣлась въ немъ,
 И самолюбьеце пустое
 Задѣто было за живое.
 Но Боже мой! Ужели онъ
 Любви недавнее страданье
 Забылъ какъ мимолетный сонъ?
 Ужель о ней воспоминанье
 Онъ смѣнитъ на пустую связь
 И окунется въ эту грязь
 Дворовыхъ сплетень, барской власти—
 Роднаго края злой напасти,

Которую до этихъ поръ
 Онъ ненавидѣль какъ позоръ?
 О! какъ онъ слабъ? какъ сердце шатко!
 Какъ жизнь идетъ смѣшно и гадко!

Въ аллеѣ дальней, темной сада,
 Гдѣ въ полдень вѣяла прохлада,
 Сливались съ шопотомъ листовъ
 Слова двухъ тихихъ голосовъ:
 “Нѣтъ, нѣтъ! не такъ меня ты любишь!” —
 “Да какъ же васъ еще любить?” —
 “Нѣтъ! ты дитя. Меня ты сгубишь
 И не замѣтишь можетъ быть!
 Ну—поцалуй!...” “Ахъ! страшно стало!
 Ну! вдругъ увидить ктонибудь?...”
 И вотъ припавъ къ нему на грудь
 Она его поцаловала.—
 “Ты приходи уже ко мнѣ!
 Всѣ въ домѣ будутъ спать глубоко,
 Ты только свѣчки одинокой
 Увидишь свѣтъ въ моемъ окнѣ...
 Придешь?...” — “Боюсь — отецъ узнаетъ!” —
 “Онъ не узнаетъ ничего!
 И что бояться намъ его?...”
 “Ахъ! ктонибудь да разболтаетъ!” —
 “Придешь?” — “Не знаю!... Ну! приду...” —
 И мѣрно слышенъ былъ въ саду
 Самодовольный шагъ мущины,
 И видно было — за куртины,

Пугливо удаляясь, шли
 И торопились двѣ ножки
 И платье бѣлое вдали
 Еще мелькало вдоль дорожки.

Андрей Потапычъ въ этотъ день,
 Сказавъ что отдыхъ что то нуженъ,
 Что голова болитъ и лѣнь,—
 Себѣ спросилъ по раньше ужинъ.
 Потомъ сердился, что Иванъ
 Такъ долго роется въ буфетѣ,
 Подумалъ даже, что онъ пьянъ
 И побранить имѣлъ въ предметѣ ..
 Но тише!... Замеръ глупый стукъ.
 И въ домѣ смолкъ за звукомъ звукъ,
 И въ окна звѣздами мерцающа,
 Глядѣла молча ночь глухая.
 Ни зги не видно! Чу!... постой!
 Какъ будто шорохъ ухо слышитъ...
 То праздный вѣтеръ въ тѣмнѣ колышетъ
 Деревья сада... Боже мой!
 Какъ сердце бьется! грудь чуть дышетъ
 И крови трепетный притокъ
 Въ виски стучитъ какъ молотокъ.
 Вотъ сторожъ въ колоколь докучный
 Съ просонокъ треократно бьетъ,
 И робко гулъ въ ночи идетъ
 И замираетъ въ мглѣ беззвучной.
 Ужель обманетъ—не придетъ?

Но что то движется впередъ
 Къ крыльцу—подобно черной тѣни,
 И тихо скрипнули ступени
 И ручка мѣдная замка
 Пошевельнулася слегка.

По утру дворня вся узнала
 Гдѣ Катя ночку ночевала.
 Кто первый слухъ пустилъ въ народъ?
 Богъ знаетъ! Кто ихъ разберетъ?
 Сама знать Катя разболтала,
 Скорѣй похвастаться желала.
 И быть иначе не могло:
 Помѣщикъ не простой любовникъ,
 Какъ кучеръ, иль какой садовникъ;
 Отъ нихъ ни жутко, ни тепло,
 А быть наложницею барской—
 Тутъ тотчасъ превосходство есть,
 Какой то призракъ власти царской
 И самъ развратъ идетъ за честь;
 Пойдутъ поклоны съ приношеньемъ
 Всѣ дѣвки съ зависти себѣ
 Обгложать ногти и къ тебѣ
 Прикащикъ самъ придетъ съ почтеньемъ.
 Въ селѣ пропала тишина,
 Страстишекъ рой проснулся гадокъ—
 Какъ ила грязнаго со дна
 Внезапно взболтанный осадокъ.

Неугомонный толкъ пошелъ
 Дворовой кучки въ мелкомъ мірѣ;
 Иной былъ радъ, другой былъ золь,
 Кто рѣчь на улицѣ повелъ,
 Кто совѣщался на квартирѣ.
 Иной прикащика хвалилъ,
 Ему пророча награжденье;
 Другой прикащику сулилъ
 Отставку, розги, поселенье;
 Рѣшили мужики спроста,
 Чтобъ Катѣ поднести холста;
 Ея отецъ на все готовый,
 Душой не римлянинъ суровый,
 Уже ласкалъ въ мечтѣ своей
 Тулупъ дубленый вовсе новый
 И то, что въ годъ на старость дней
 Положатъ двадцать пять рублей;
 И даже тетка при разгромѣ
 Мечтала ключницей быть въ домѣ,
 И даже тетки мужа братъ
 Себѣ богатый ждалъ окладъ.

И только дядька престарѣлый
 Ни въ чемъ участія не бралъ,
 И что то хмурился день цѣлый
 И въ одиночествѣ молчалъ.
 Давно въ однообразномъ ходѣ
 Тянулась старой жизни нить:
 Съ закатомъ дня и на восходѣ
 Привыкъ онъ съ удочкой ходить
 На берегъ пруда, и прилежно

Безмолвно долгіе часы
 Глядѣль на поплавокъ мятежный
 И на движеніе леси.
 Но съ недовольною заботой
 Подъ вечеръ памятнаго дня
 Угрюмо голову склоня,
 Сидѣль онъ за своей охотой.
 А между тѣмъ кругомъ его
 Не измѣнилось ничего;
 Все также вечеръ былъ прекрасенъ,
 Все также прудъ былъ тихъ и ясенъ,
 Все также рѣзво кое гдѣ
 Круги мелькали по водѣ;
 Все также вѣковой березы
 Листы, висѣвшіе надъ нимъ,
 Шептали шопотомъ глухимъ
 Про юныхъ дней былыя грозы;
 Но что то въ немъ не улеглось,
 Какъ будто сердце порвалось,
 И рыба какъ то не клевала,
 Или срывалася съ крючка,
 И чувство скорби выражало
 Лицо сѣдаго старика.

А Катя?... Катя своенравно
 Гордилася сама собой,
 Своимъ значеньемъ и красой,—
 Съ дня на день болѣе тщеславна.
 Уже ея нарядъ простой

Смѣнили платья городскія
И ярко шелковый платокъ
На плечи кругленькія легъ,
Блеснули серги золотыя,
И ленту алую въ косѣ,
Завидуя, хвалили всѣ.
Уже она невольно стала
Смотрѣть на дворню свысока
И совершенно презирала
Привѣтъ простаго мужика.
Уже и кушанье ей слуги
Носили съ барскаго стола,
Ей робко кланялись подруги
На чай прикащица звала.
Когда она по воскресеньямъ
Входила въ церковь, — передъ ней
Толпа склонялась съ уваженьемъ
И разступалась у дверей.
Что грезилось въ ея головкѣ?
Какою бѣсъ дразнилъ мечтой?
Ужъ не казалось ли плутовкѣ,
Что будетъ барскою женой?
Нѣтъ, Катя такъ не шла далеко,
Но власти вождѣленный мигъ
Ловила жадно, и глубоко
Ей лести внятень былъ языкъ.
И начинала по немногу
Она сердиться на людей,
Когда кто поперечилъ ей,
Иль не далъ во время дорогу,
И даже къ барину она

Ходила съ жалобой кичливой.
Андрей Потапычъ боязливо,
Пугаясь, что нарушена
Домашней жизни тишина,
Пугаясь ссоры иль угрозы,
Сперва ей лаской гнѣвъ смягчалъ,
Потомъ уныло тосковалъ,
Услыша пѣни, видя слезы,
И внемя вкрадчивымъ словамъ
На слугъ сердится началъ самъ.
И какъ же быть? Не для него ли
Она своихъ невинныхъ дней
Пренебрегла безпечной долей
И жизнью мирною своей?
Подверглась завистямъ, упрекамъ,
Враждѣ, двусмысленнымъ намекамъ?
Онъ хочетъ, чтобъ и каплей слезъ
Ей день единый не затмился,
Хоть самому бѣ страдать пришлось;
Да и на чтобъ онъ ни рѣшился
За взглядъ, улыбку, звукъ рѣчей,
За сладость жаркаго лобзанья,
За нѣгу медленныхъ ночей,
За эту странность обаянья,
Что къ милой женщинѣ манить
Неотразимо — какъ магнитъ?

Шло время. Наступала осень.
Уныло мокрый листъ въ саду

Желтѣль и падалъ. Только сосенъ
 Осталась зелень на виду ;
 И та, почуя дни сырые,
 Уже безъ запаха смолы
 Качала капли дождевыя
 Съ печально вымокшей иглы.
 Андрей Патапычъ у камина
 Сидѣль одинъ и размышляль ;
 Осенній ли припадокъ сплина
 Его томилъ,—но онъ скучалъ.
 У ногъ его широкоглавый
 Его товарищъ, песъ лягавый,
 Свернувшись въ празднои тишинѣ,
 Дремалъ и вздрагивалъ во снѣ.
 Впорхнула Катя птичкой вольной...
 Но заворчалъ съ просонокъ песъ,
 Ея приходомъ недовольный,—
 И Катя вспыхнула... Сквозь слезъ
 Пошла роптать, что “не похоже
 Ужъ это вовсе ни на что :
 Добро ужъ люди за ничто
 Грызутъ,—а и собака тоже !...”
 А онъ изъ нѣжности къ кому
 Позоромъ вѣкъ ея покрылся,
 Молчить и ничего ему !...
 Андрей Патапычъ разсердился
 И, снявъ арапникъ со стѣны,
 Хватилъ собаку вдоль спины.
 Песъ вспрыгнулъ и прилегъ пугливо,
 Поползъ на лапахъ и вижжалъ,

И съ видомъ скорби терпѣливой
 Стопы хозяина лизаль.
 Андрей Патапычъ чуть не вскрикнулъ ;
 Стоялъ, подавленный стыдомъ,
 Арапникъ выпалъ, взоръ поникнулъ
 И грудь вздохнуть могла съ трудомъ.
 Собаку поласкавъ рукою,
 На Катю онъ взглянулъ съ тоскою
 И самъ себя внутри кляня,
 Велѣлъ скорѣй сѣдлатъ коня
 И ускакалъ... Бѣды тревога
 Быть можетъ заглушить немного
 Весь этотъ внутренній укоръ !
 Положимъ, что поступокъ вздоръ ;
 Но песь, который имъ наказанъ,
 Къ нему былъ истинно привязанъ.

Усталый конь лѣсной тропой
 Везъ тихо всадника домой,
 Ступая медленнымъ копытомъ
 По сучьямъ и листьямъ размытымъ.
 Осеннимъ вѣтромъ вкось гонимъ,
 На встрѣчу дождь хлесталъ, и съ нимъ
 Въ одинъ докучный гулъ сливаясь,
 Нагія вѣтви колыхаясь,
 Шумѣли, наводя тоску ;
 И мокрый воронъ на сукѣ
 Враждебно каркалъ, и сорока
 Въ кустахъ болтала родъ упрека,

И тяжело было для души
Средь увядающей глуши.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Передъ шипящимъ самоваромъ
Сидѣлъ прикащикъ за столомъ,
Гдѣ были пряники и ромъ.
Прикащикъ угощалъ не даромъ,
Не даромъ доблести полна,
Его дородная жена
Чай разливала и пыхтѣла:
На первомъ мѣстѣ, гдѣ висѣла
Икона въ ризѣ золотой,
Передъ которой день деньской
Лампада скромная горѣла,—
Сидѣла Катя и была
Невыразимо весела.
Ея веселости причиной
Быль тотъ пріемъ, съ какимъ въ гостяхъ
Ее встрѣчали во дверяхъ
И величали Катериной
Ильинишной (почетъ большой !)
И угощали на убой.
Кузьма Терентьевъ ловко, тихо,
Со всѣмъ искусствомъ Метерниха,—

О счастливой ея судьбѣ
 Ей говорилъ, и о себѣ,
 О томъ, что онъ хозяинъ строгой,
 Имѣнемъ барскимъ дорожить ;
 За тѣмъ враговъ имѣеть много,
 Но полагается на Бога
 И совѣсти не измѣнить.
 А ей легко въ его защиту—
 (Ему-жъ съ ней надо быть открыту,
 Какъ есть душа вся на лицо)—
 Противъ клеветъ и наговоровъ
 Между сердечныхъ разговоровъ
 Замолвить барину словцо.
 И тутъ-же былъ на вѣкъ священо,
 Ненарушимо, откровенно,
 Прочнѣ всякихъ кровныхъ узъ,
 Межъ ними заключенъ союзъ.
 Съ тѣхъ поръ уже безъ опасенья
 Кузьма Терентьевъ,—рѣдкій разъ
 По волѣ барской, съ разрѣшенья,
 А больше вовсе не спросясь,—
 Расчеты будь крупны иль мелки,
 Въ торгвыя пускался сдѣлки,
 Взималъ поборы или сѣкъ
 И жилъ какъ важный человекъ.

Уже и дождь не капалъ болѣ,
 Въ лѣсу все въ иней облеклось,—
 Подобіе сѣдыхъ волосъ ;—

Застыла грязь въ пустынномъ полѣ
 И въ воздухѣ пахнулъ морозъ.
 Два раза, тая, снѣгъ ложился
 И наконецъ, презрѣвъ тепло,
 На землю вихремъ навалился
 И стало все кругомъ бѣло.
 Въ сарай поставили телѣгу,
 Полозья скрыпнули по снѣгу;
 Мужикъ въ тулупѣ зябъ и дрогъ
 Средь заметаемыхъ дорогъ;
 Крестьянка, встрѣтясь узкимъ слѣдомъ,
 Болтать не думала съ сосѣдомъ,
 И паръ дышала изъ усть ея
 И вѣялъ холодъ отъ нея.
 Явились въ домѣ—зимъ предтечи—
 Двойныя рамы по окнамъ;
 Метая уголь стали печи
 Трещать до свѣту по утрамъ;
 По томно-длиннымъ вечерамъ
 Съ обѣда зажигались свѣчи,
 И чувствомъ тягостнымъ тюрьмы
 Откликнулся приходъ зимы.

Хоть Катя уже мѣсяць цѣлый
 Переселилась въ барскій домъ
 Хозяйкой полною и смѣлой,
 Разпоряжалася бѣльемъ,
 На слугъ кричала спозаранку,
 Имѣла при себѣ служанку,
 Бранилась съ ней, и съ ней потомъ
 Любила сплетничать тайкомъ;
 Но какъ то былъ угрюмъ и мраченъ,
 Андрей Патапычъ. Самъ собой

Онъ былъ печально озадаченъ,
 Бранилъ весь образъ жизни свой ;
 Бранилъ себя за слабость нрава,
 И чувствовалъ свою вину—
 Не извиняся лукаво,
 И видѣлъ, что идетъ ко дну,
 И сознавалъ свое паденье,
 И пробуждалось угрызенье
 И накупъ горечи въ тиши
 Все росъ и росъ на днѣ души.
 Ужель онъ втунѣ жизнь разтратить?...
 Оставить Катю?...Силь не хватить !
 Теперь осталось одно
 Спасенье жалкое—вино !
 Вино кипить и тѣло грѣетъ,
 Спадаетъ съ сердца тяжкій гнетъ,
 Вновь ожилъ умъ и мысль свѣтлѣетъ,
 И снова къ подвигамъ зоветъ ;
 Андрей Патапычъ снова вѣритъ
 И самъ себя широко мѣритъ ;
 Въ чаду вакхическихъ химеръ—
 Онъ Мининъ или Робеспьеръ,
 Законодатель, зла губитель,
 Отчизны доблестный спаситель ;
 Опять онъ завтра же готовъ
 Завестъ оброкъ для мужиковъ ;
 А тамъ, оставивъ всѣмъ по полю,
 Совсѣмъ отпустить ихъ на волю ;
 А между тѣмъ какъ баринъ пьетъ—
 Кузьма Терентьевъ все сѣчетъ !

И не въ терпежь пришлося видно;
 Хоть на подъемъ и не легки,
 А къ барину на гнетъ обидный
 Ходили съ просьбой мужики;
 Но доказательства всѣ ясны,
 Что были жалобы напрасны
 И вышло только, что потомъ
 Имъ было хуже съ каждымъ днемъ.

Взведенный винными парами,
 Андрей Патапычъ какъ въ чаду—
 То занять смутными мечтами
 И расплывается въ бреду,
 То Катю бѣшено ласкаетъ,
 То, будто самъ въ себя взойдя,
 Съ досадой на нее глядя,
 Ее сердито упрекаетъ
 За жизнь свою... Къ чему упрекъ
 И всѣ тяжелыя волненья?
 Оставить онъ ее не могъ
 И послѣ самъ просилъ прощенья.
 А Катя?... Какъ сказать?... Она
 Его по своему любила,
 Прощала много какъ жена;
 Съ утра его чесала, мыла,
 Порой сидѣла съ нимъ пол-дня
 Къ плечу головку прислоня;
 Бѣлье чинила пѣсни пѣла
 И спать укладывала въ срокъ,
 Подать заботливо умѣла
 Къ обѣду лакомый кусокъ,

И если дворня замѣчала,
 Что баринъ пьетъ не въ добрый прокъ,
 Она ворчливо отвѣчала:
 “Ужъ и напиться то ему
 Нельзя родному моему!”

Не скрылось это поведеніе
 И, изъявляя всей душой
 Сочувствіе и уваженіе,
 Сталъ часто ѣздить становой.
 Андрей Потапычъ разъ печально
 Сказалъ, по сердцу говори
 Самъ о себѣ, что не похвально
 Проходить жизнь его и зря;
 Но становой спѣшилъ замѣтить,
 Что онъ печалится вотще,
 Что разсуждая вообще—
 По человѣчески,—то встрѣтить
 Примѣры здѣсь весьма легко,
 Что есть сосѣдъ не далеко,—
 Годами вовсе не моложе,
 А крѣпостную дѣвку тоже
 Содержить, а еще женать
 И много маленькихъ ребятъ.
 Андрей Потапычъ радъ былъ тайно:
 Потачкамъ онъ не довѣрялъ,
 Но ждалъ, чтобы его случайно
 Хоть кто нибудь да оправдалъ.
 И дружба крѣпла по немногу,

И каждый вечеръ становой
 Катилъ къ крыльцу черезъ дорогу
 Гуськомъ на тройкѣ вороной.
 И вотъ затѣялися балы:
 Сбиралась дворня середь залы;
 Какъ парень ловкій и лихой
 Иванъ трудился на гитарѣ,
 Гремѣли въ ревностномъ разгарѣ
 Раскаты пѣсни плясовой.
 Плясала Катя танецъ дикой
 Задорно, съ ловкостью великой
 Махала бѣленькимъ платкомъ,
 Стучать умѣла каблучкомъ,
 И баринъ самъ на зло порядку
 Пускался съ присвистомъ въ присядку,
 Слегка подергивалъ плечомъ,
 Ногами сѣменилъ и топалъ,
 А становой въ ладоши хлопалъ
 Изъ всѣхъ приказныхъ силъ своихъ,
 И ѣлъ и пилъ за четверыхъ.

Зима тянулась. Послѣ святокъ
 Случилось разъ, что у крыльца,
 Съ тревожной гнѣвностью лица,
 Старуху тетку за остатокъ
 Какой то пряжи грошевой—
 Бранила Катя нестерпимо.
 Кузнецъ Василій шелъ тутъ мимо
 И проворчалъ, махнувъ рукой:

“Вотъ нынче вѣкъ у насъ какой!
 И даже старыя старушки
 Подъ властью всякой потаскушки!”
 А Катя съ теткой на него,
 Да какъ пиявицы пристали,
 Ну всячески ругать его!
 Пешли—и барину сказали.
 А баринъ выпивъ черезъ край,
 Обидѣлся и вострепенулся;
 А тутъ прикащикъ подвернулся,
 Сказалъ, что Васька негодяй,
 Съ нимъ ладить—словъ пустыя траты...
 И Ваську отдали въ солдаты!
 Пошелъ бѣднякъ мой одинокъ!
 Лѣтъ на двадцать попался въ сѣти,
 Подъ палку, никому не въ прокъ!
 Жена осталась, тоже дѣти.
 Поплакали. Да что—жена?
 Пожалуй рада, что одна
 Безъ мужа можетъ потаскаться!
 Солдаткамъ сродно баловаться!
 Эхъ жизнь! Какъ поглядишь—куда
 Скверна бываетъ иногда!
 Но Катя и сама струхнула:
 Ей челоуѣка было жаль
 И въ сердцѣ совѣсть промелькнула...
 Онъ за нее понесъ печаль!
 Но Богу такъ хотѣлось видно,
 Да и въ грѣхѣ сознаться стыдно,
 Да показать не худо власть,

Да ужь случилася напасть—
 Такъ не вернешь! И слезъ не трати
 Поуспокоилася Катя.

А говорилъ ей и отецъ:

“Послушай, дѣвка, наконецъ!

Ты парня согнала со свѣта,

Сгубила ни за что его;

Умру,—не дамъ тебѣ за это

Благословенья моего!”—

И Катя чуть не зарыдала,

Но ободрилась и сказала:

“Вотъ вы какіе! Вотъ для васъ

Поди ты—дѣлай все въ угоду,

А вы готовы дочь какъ разъ

Загрызть на смѣхъ всему народу!...”

И думала (какъ умъ лукавъ!)

Что былъ отецъ ея не правъ.

Уже пришла недѣли шумной
 Неугомонная пора,
 Гдѣ объѣдается безумно
 Вся Русь съ утра и до утра;
 Пеклись блины, варилась брага,
 И мужики съ прямой отвагой,
 Чтобъ погулять передъ постомъ
 Копѣйку ставили ребромъ.
 И вотъ иная наступила
 Пора: великій постъ пришелъ—
 Съ своею важностью унылой

И пищей хуже всякихъ золъ,
 Съ печальнымъ колокольнымъ звономъ,
 Съ убійственнымъ земнымъ поклономъ,
 Съ ворчливо-грустною мольбой
 И подавляющей тоской.

Андрей Потапычъ мало вѣрилъ,
 И мнѣнья гордаго закалъ
 Еще храня,—не лицемѣрилъ,
 Своихъ привычекъ не мѣнялъ.
 По утру разъ—въ раздумьи сладкомъ
 Сидѣлъ онъ празденъ и лѣнивъ,
 Еще немного закусивъ,
 То есть ужъ выпивши порядкомъ...
 Какъ мутенъ взоръ его теперь!
 Весь видъ разстроенный и жалкой!...
 Вдругъ тихо отворилась дверь
 И, подпираясь вѣрной палкой,
 Вошелъ дрожащею стопой
 Согбенный дядька, другъ сѣдой.
 “А!... ты за чѣмъ?”—“Я порывался
 Къ вамъ, баринъ мой, уже давно,
 Да какъ то съ духомъ не собрался;
 Но жить не долго мнѣ дано
 И старья покоить кости
 Я чай пора бы на погостѣ...
 Такъ я рѣшился и пришелъ.”
 “Ну, что же надо?”—“Въ память что ли
 Вамъ будетъ?... Кажется—давно ли?...
 На то былъ барскій произволь:
 Велѣли мнѣ ходить за вами...”

А няня ваша умерла,
 Да ужъ и то сказать—годами
 Старѣй меня тогда была.
 Ты, сударь, былъ ребенокъ хилой,
 Тебя я холилъ и берегъ,
 И надышаться то не могъ!...
 Бывало лѣто подходило,
 Готовлю удочки скорѣй;
 Есть вѣтерокъ,—спускаю змѣй.
 Семь лѣтъ съ тобой былъ безъ отлучки,
 Такъ было мало ли проказъ!
 А ты былъ добренькой у насъ!
 Бывало всѣмъ протянешъ ручки,
 Не обижаешь никого...
 И вотъ я дожилъ до чего!
 На старости, что долженъ видѣть!
 Что долженъ слышать отъ людей!
 Должно быть Богъ хотѣлъ обидѣть,—
 Ужъ умереть бы поскорѣй!”
 “Чтожь ты? Учитъ пришелъ ты что ли?—
 “Сердиться, сударь, въ вашей волѣ,
 А лгать предъ вами не должно,
 Да и на старости грѣшно.
 Опомнись, баринъ! Худо, стыдно!
 За чѣмъ же Васька то солдатъ?
 За чѣмъ народу жить обидно?
 А что сосѣди говорить?
 Что ты связался съ дѣвкой вздорной
 И что проводишь жизнь позорно...” —
 Андрей Патапычъ—самъ не свой—

Себѣ подумать не далъ сроку,
 Вскочилъ весь бѣшенный и злой
 И старика ударилъ въ щеку.
 Старикъ ни слова не сказалъ
 И только старой головою,
 Взглянувъ печально, покачалъ —
 И вышелъ... И своей тропою
 Домой побрелъ себѣ, кряхтя,
 Да и заплакалъ какъ дитя.

Но какъ ушелъ онъ оскорбленный,
 Андрей Патапычъ протрезвѣлъ ;
 Стоялъ какъ бы оцѣпенѣлъ,
 Какъ будто къ полу пригвожденный ;
 Мгновеннымъ страхомъ съ той поры
 Отшибло винные пары.
 Когда же взрывъ угомонился,
 Онъ тихо въ креслы опустился
 И головой поникъ на грудь,
 И молча въ думу погрузился.
 Не въ силахъ тѣла повернуть,
 Онъ долго внутренно встревоженъ
 Сидѣлъ глубоко уничтоженъ.
 Потомъ рукой по лбу провелъ,
 Какъ будто умъ его закруженъ,
 И чувствуя что воздухъ нуженъ,
 Пройтись по улицѣ пошелъ.
 Встрѣчались люди, — онъ съ испугомъ
 Вдругъ поворочивалъ назадъ,
 Какъ будто всѣ его карять
 За обращенье съ старымъ другомъ.

Завидѣлъ онъ издалека
 На жалкихъ дро^няхъ мужика— 26
 И будто слышитъ возгласъ рыный :
 “Вотъ баринъ пьяный ! баринъ пьяный !”
 Домой вернулся, — тутъ Иванъ...
 А онъ Ивану вдругъ со злобой :
 “Что смотришь ? Думаешь я пьянъ ?...”
 И странно удивились оба.
 Къ себѣ приходитъ въ кабинетъ, —
 Тутъ Павла перваго портретъ, —
 Точь въ точь живой, глядитъ, хохочетъ
 И будто палкой стукнуть хочетъ,
 Пыхтитъ какъ будио на морозъ
 И дерзко вздергиваетъ носъ,
 И говоритъ самодержавецъ :
 “Пошелъ ты пьяница, мерзавецъ !”
 Вездѣ встрѣчаетъ слухъ и взоръ
 Или насмѣшку, иль укоръ ;
 Онъ слушать, онъ глядѣть не смѣетъ
 И тайный ужасъ имъ владѣетъ,
 И Катя думала сама,
 Что онъ совсѣмъ сошелъ съ ума.

Хотѣлъ въ порывахъ сокрушенья
 Андрей Патапычъ иногда
 У старика просить прощенья,
 Но не рѣшался отъ стыда.
 Пить пересталъ ; почти не видѣлъ

Онъ никого, сидѣлъ одинъ,
Какъ будто міръ возненавидѣлъ.
Чтобъ разогнать печальный сплинъ
Великъ былъ трудъ для бѣдвой Кати,
Но какъ то было все не кстати :
Затянетъ пѣсню,—онъ рукой
Махнетъ, нахмурясь какъ больной,
Съ ума, конечно, онъ не спятилъ,
Но жизни мощь уже утратилъ ;
Вино ли выжгло силы въ немъ,
Или раздумье подточило
Всеразбѣдающимъ огнемъ,
И тѣло грустно истомила
Неодолимая борьба
Поступковъ явныхъ съ тайнымъ мнѣньемъ,
Казня бесплоднымъ сожалѣньемъ ?
Или вмѣшалася судьба,
Случайныхъ недуговъ порука ?
Какъ это знать ? Скупа наука !
Съ вина-ль, съ простуды, иль съ тревогъ
Андрей Патапычъ занемогъ,—
А всежъ болѣзнь своей дорогой
Пошла съ законностію строгой.
А тутъ повѣяло весной,
Пошли отъ оттепели лужи,
И воздухъ вкрадчиво сырой
Все тѣло обдавалъ тоской...
И вотъ больному стало хуже.
Еще бродилъ онъ кое какъ,
Но было все ему не такъ,

Онъ тосковалъ, глаза блестѣли
 И щеки впалыя горѣли.
 Вся кровь казалась горяча...
 Онъ слегъ и таялъ какъ свѣча.
 То видѣлъ онъ въ бреду жестокомъ—
 Отецъ и мать пришли съ упрекомъ ;
 То Катю съ нѣжностію звалъ
 И какъ то грустно цаловалъ ;
 То дѣмался тревожнѣй вдвое
 И имя называлъ другое,
 Ей незнакомое... И вдругъ
 Онъ улыбался сквозь недугъ,
 И слабыя поднявши руки
 Шепталъ въ припадкѣ тайной муки .
 “Отдайте молодые сны,
 Когда всѣ были въ печатлѣнныя
 Какъ дѣтство мирное ясны,
 Свѣжи какъ утромъ дуновенья
 Благоухающей весны !...”
 И голосъ слабого зыванья
 Смолкалъ отъ слезъ, среди рыданья.
 Пріѣхалъ докторъ, поглядѣлъ,
 Пощупалъ пульсъ и грудь послушалъ,
 И за попомъ послать велѣлъ ;
 Спросилъ позавтракать, покушалъ
 И поспѣшилъ домой какъ могъ,
 Боясь испорченныхъ дорогъ.
 Склонивъ колѣни у постели
 Стояла Катя вся дрожа,
 Больнаго за руки держа ;

Но тихо руки холодѣли,
 Остановился мутный взоръ,
 Въ лицѣ застылъ тупой укорь...
 И жизнь окончила тревогу.
 Ну ! плачте и молитесь Богу !

Что станешь дѣлать? Мужики
 Между собой потолковали,
 Что дни ихъ были не легки,
 А лучше будетъ имъ едва-ли ;
 Что былъ онъ добрый человѣкъ,
 Хотя прикащикъ ихъ и сѣкъ.
 “И кто теперь въ наслѣдство вступить ?
 Быть можетъ дальняя сестра?...
 Ну ! говорятъ она добра !
 Ну ! а какъ съ торгу кто насъ купить ?
 Вотъ это ужъ неловко намъ !
 Военный что-ль какой полковникъ,
 Да станетъ самъ бить по зубамъ ;
 Или нажившійся чиновникъ,
 Пожалуй съ виду и не строгъ,
 А выжметъ весь послѣдній сокъ !”

Тепла бояся положили
 Покойника скорѣе въ гробъ
 И въ церквѣ гробъ постановили
 (А дома тѣло загнилобъ.)

Кругомъ зажгли большія свѣчи,
Всю ночь псалтырь читаль дьячекъ.
Да двѣ старухи, въ уголокъ
Забившись, причитали рѣчи.
У гроба трепетно блѣдна
Стояла Катя середь ночи.
Ланить румяная весна
Исчезла, потускнѣли очи,
Безпечной рѣзвости череда
Съ лица сбѣжала безъ слѣда.
Она одна! и что то будетъ?
Наслѣдникъ кто бы ни былъ онъ
Ее забросить и забудеть...
Все это точно страшный сонъ!
Она быть можетъ виновата
Передъ покойникомъ! Ему
Была не пара, глуповата,
Не обучалась ничему...
И Катя сильно упрекала
Себя, а въ чемъ—не понимала.
“И вотъ лежитъ, гогубчикъ мой,
Такъ тихъ, какъ будто восковой”
По церквѣ мракъ бродилъ уныло,
И сырость пахла и томила,
И чтенья равномерный звукъ
Трещалъ какъ дальній, мелкій стукъ;
Ей было страшно, было больно
И слезы капали невольно.

Кузьма Терентьевъ съ становымъ
 Всѣ шкапы—времени не тратя—
 И дѣри заперли и къ нимъ
 Тотчасъ привѣсили печати,
 Конечно прежде раздѣливъ
 Все что могли, чего желали,
 Какъ былъ еще покойникъ живъ;
 А Катю изъ дому согнали,
 На память не хотѣли дать
 Ни перышка, и стали звать
 Такъ просто Катькой—Катерину
 Ильинишну...

Вотъ про кончину
 Узнала барышня, предметъ
 Любви въ теченьи пяти лѣтъ.
 Сгрустнулось ей, она жалѣла...
 То было вечеромъ: она
 Сбиралась лечь, желая сна,
 И передъ зеркаломъ сидѣла
 И любовалася собой,
 И русый локонъ завивала
 Своею бѣленькой рукой
 И на ночь шпилькой укрѣпляла,
 И думала: “Такъ умеръ другъ!...”
 Но какъ то вспомнилось ей вдругъ,
 Мечтая надъ покойнымъ другомъ,
 Что былъ Патапъ его отецъ;

Моглобъ случиться наконецъ
Папачычъ сталь бы ей супругомъ!...
И тутъ она полу-шутя,
Расхохоталась какъ дитя;
Надѣла кофточку тревожно,
Покрыла волосы платкомъ
И завязала узелкомъ
У самой шейки осторожно;
Потомъ въ постель легла она,
Закуталась, свѣчу задула,
Да потихоньку и заснула,
Дыша спокойно середь сна;
И мертвый другъ, и сожалѣнье,
Все прошлое пришло въ забвенье,
И жизни пустозвучный ходъ
Своимъ путемъ пошелъ впередъ.

СНЫ.

Часы старинные въ столовой
Пробили полночь. Старый князь
Всѣмъ тѣломъ къ отдыху готовый
Сталь раздѣваться, спать ложась.
Съ лицомъ исполненнымъ боязни,
Какъ будто ждалъ заутро казни,
Вокругъ заботился слуга
Въ ливреѣ вышитой гербами.
Уже была его перстами
Разута барская нога;
Онъ волю барскую пугливо
Читалъ во взглядѣ и привыкъ
Ходить на цыпочкахъ, но живо
И преклоняться молчаливо,
Внимая брань иль грозный крикъ.
Но вечеръ весь шелъ тихъ и миренъ,
Князь въ этотъ разъ былъ вовсе смиренъ
И гладко-голое чело

Сіяло важно и свѣтло;
Князь чувствомъ счастья былъ подавленъ,
Что утромъ къ лентѣ былъ представленъ.

Въ богатой спальнѣ въ ту же ночь,
Въ тотъ самый часъ уже лежала
Подъ мягкимъ шелкомъ одѣяла
Его молоденькая дочь,
На ложѣ медленно вздыхая,
Отъ тайныхъ думъ не засыпая.
И тутъ же у стѣны другой,
Въ постелѣ мягкой гувернантка,
Временъ минувшихъ парижанка,
Съ своей дѣвической душой,
Съ лицомъ морщинистымъ и старымъ,
Съ главой повязанной фуляромъ,
Жалѣла, что пора пресѣчь
Неистоощаемую рѣчь.
Все было тихо въ этой спальнѣ...
Едва могъ долетать до ней
Какъ отголосокъ смутно-дальній
Съ морозныхъ улицъ скрипъ саней.
Лампада томная дрожала
И круглый отблескъ колебала
На потолокѣ, а снизу тьма
Была докучна и нѣма.
Сквозь щель опущенной гардины,
Упавшей на двѣ половины,
Насупротивъ былъ видѣнъ домъ,

И кровля длинная на немъ
 Бѣлѣлась холодно, уныло;
 По ней печальна и ясна
 Мерцала кроткая луна,
 И такъ все тихо, тихо было,
 Что безотчетно сердце ныло.

О чемъ же думала Княжна?
 Съ бѣды ль прямой, иль съ небылицы
 Такъ долго медлила она
 Сомкнуть усталыя рѣсницы,
 И по лбу бѣлому порой
 Водила медленно рукой?
 За чѣмъ тихонько грудь вздыхала
 За чѣмъ не рѣдко выступала
 На темно-синіе глаза
 Тоски невольная слеза?
 Въ ея лѣта воспоминанья
 Не шевелятъ еще страданья,
 Легко бы жизнь идти должна...
 И гдѣ сыскать завиднѣй долю?
 И юность и богатства вволю,
 Да и красавица она!
 Все это такъ, княжна не знала
 Чего ей надо, но скучала.
 Едва десятки школьныхъ книгъ—
 Забвенья ради—склавъ на полку,
 Она про мертвый ихъ языкъ,
 Въ которомъ не добила толку,

Безъ муки вспомнить не могла,
 И умъ ребячески пытливый
 Старалъ въ тоскѣ нетерпѣливой,
 И книгъ живыхъ она ждала,
 И въ мглѣ загадочныхъ стремленій
 Искала чудныхъ откровеній.
 Но не съ кѣмъ было слова ей
 О думѣ вымолвить своей.
 Понять душевную тревогу
 Едвадь могла мамзель Приве—
 И только шила по канвѣ,
 Болтала и молилась Богу.
 А между тѣмъ княжна сама
 Не находила тайной битвѣ
 Исхода ни въ одной молитвѣ;
 Съ отцомъ она была нѣма,
 Князь вѣчно сухъ былъ и серьезень,
 Но вовсе самъ не религіозень.
 Недавно Мери привезли
 Изъ тишины деревни дальней,
 И въ шумъ столичный, говоръ бальный
 Ее—стыдливую—ввели.
 Ей было жаль деревни милой,
 Ея лѣсовъ, ея полей,
 И сада липовыхъ аллей
 И рѣчки тихой и унылой;
 Была тамъ старой няни дочь
 Ея подругой простодушной,
 Въ затѣяхъ жизни мирно-скушной
 Умѣла весело помочь;

Хоть Мери съ ней не говорила
 Про все, но отъ души любила.
 А здѣсь, между чужихъ, княжна
 Такъ безпріютна, такъ одна...
 Она любить бы такъ хотѣла—
 И не любила никого,
 А въ тайнѣ жаждала такъ смѣло
 Всей жаждой сердца своего
 И мысли новой и обильной,
 И страсти пламенной и сильной.
 Вотъ отъ чего ночной порой,
 На ложѣ—медленной тоской
 Томилась Мери и не знала
 Чего ей надо, но скучала.
 А усталъ стала брать свое,
 Тускнѣли помыслы дѣвицы
 И навѣвалось забытье,
 Сомкнулись длинныя рѣсницы
 И неподвижно—какъ была—
 Осталась ручка близъ чела
 Сквозь трепеть тайнаго броженья
 Подкрались тихо сновидѣнья
 Съ толпою образовъ своихъ
 Безплотныхъ, странныхъ, но живыхъ.

Ей снилось—теплою струею
 Пахнуло воздухомъ весны,
 Долина спитъ подъ синей мглою

Въ сіяньи дремлющемъ луны.
 Въ ночномъ серебряномъ покоѣ
 Ручья паденье живое
 Ласкаетъ ухо шумомъ водъ,
 Звучать невѣдомыя струны
 И голосъ сладкій, голосъ юный,
 Весь въ душу льющійся, поетъ:

Роза дѣвственная дремлетъ
 Въ свѣжей зелени листовъ
 И въ ночи спокойно внемлетъ
 Звуку робкихъ голосовъ.
 Но подъ утреннимъ привѣтомъ,
 Подъ живымъ лобзаньемъ дня
 Развернется пышнымъ цвѣтомъ
 Роза юная моя,
 И въ душистомъ пробужденьи,
 Въ блескѣ жизни и красы—
 Заколеблетъ въ упоеньи
 Капли свѣтлыя росы.
 Сбрось, дитя, дремоту ночи,
 Чуткимъ сердцемъ оживи,
 Тихо вызови на очи
 Слезы счастья и любви!...

Но голосъ смолкъ. Долина скрылась
 И быстро въ сумракѣ луна
 Дрожитъ и гаснетъ... Вдругъ княжна
 На шумномъ балѣ очутилась.
 Свѣтло какъ днемъ. Толпа гостей,
 Усы, мундиры, фраки, шпоры,
 Цвѣты, перчатки, блескъ очей,

Волось роскошныя уборы ;
 Бѣлѣ томныхъ жемчуговъ
 Красавиць выпуклыя плечи ;
 Все вѣтъ запахомъ духовъ,
 Сквозь общій гулъ мелькають рѣчи,
 И звуки музыки полны
 Волшебной нѣгой и стремленьемъ...
 Княжна танцуетъ съ увлеченьемъ ;
 Вотъ на нее обращены
 Лорнеты, и она невольно
 Краснѣетъ и собой довольна.
 Но конченъ вальсъ. Княжна глядитъ
 Съ неяснымъ чувствомъ утомленья.
 Madame N. N. вблизи сидитъ
 И съ гордостью пренебреженья
 На Мери и ея нарядъ
 Завистливый бросаетъ взглядъ,
 И—улыбаясь—вновь отводитъ
 И съ кѣмъ то злую рѣчь заводитъ.
 Не ловко Мери. Къ ней подсѣлъ
 Столичный франтъ—и надоѣлъ ;
 Несносенъ говоръ, воздухъ душенъ
 И балъ становится ей скушенъ.
 Но вотъ—мечта, иль тайный звукъ,
 Или предчувствіе мелькнуло
 И сердце ей пошевельнуло,—
 Но Мери встрепенулась вдругъ
 И смотритъ...Изъ толпы шумливой
 Выходитъ юноша красивой.
 Ей кажется, что съ нею онъ

Знакомъ съ младенческихъ временъ...
 И гдѣ она его встрѣчала?...
 И не во снѣ-ль его видала?...
 Чело открытое хранить
 И смѣлость думъ и гордый видъ ;
 Во взорѣ ясное сознанье
 Какой то силы молодой,
 Въ себѣ носящей ключъ живой
 Прямой любви и состраданья.
 Онъ къ ней подходитъ, говоритъ
 И въ голосѣ его звучитъ
 Любимой пѣсни или сказки
 Знакомый лепетъ полный ласки,
 И отголосокъ юныхъ сновъ
 Она внимаетъ въ звукѣ словъ :
 “Я знаю васъ. Я съ умиленьемъ
 Слѣдилъ за вами съ дѣтскихъ лѣтъ,
 На жизни розовый разсвѣтъ
 Смотрѣлъ съ безмолвнымъ восхищеньемъ,
 Вы разцвѣтали какъ цвѣтокъ,
 Налюбоваться я не могъ !
 Я все люблю въ васъ, всѣ движенья,
 И цвѣтъ волосъ, и стройность рукъ,
 Улыбки грусть и примиренье
 И вашей рѣчи милый звукъ ;
 Глаза...Въ нихъ столько страсти нѣжной
 И столько кроткой тишины,
 Они такъ сини и темны
 Какъ небо ночью безмятежной.
 Я ваше сердце и вашъ умъ,

Весь тайный жаръ и чувствъ и думъ,
 Всѣ ваши чистыя стремленья,
 Всѣ мысли жгучія сомнѣнья,
 Я все въ васъ знаю, все люблю,
 Я вамъ всю душу отдаю.
 Пойдемте вмѣстѣ дружнымъ ходомъ ;
 Какъ для меня для васъ святы
 Мои надежды и мечты ;
 Вы сердцемъ связаны съ народомъ ;
 Съ отцовскою волею борьба
 Въ васъ не страшила духъ упорный,
 Вы заступались за раба,
 Встрѣчая власти гнетъ позорный...
 При васъ мнѣ на сердцѣ тепло,
 Я понимаю такъ свѣтло
 Всю прелесть нѣжности природной
 И силу воли благородной.
 И что грядущіе года
 Для насъ готовятъ въ этомъ мірѣ—
 Работу-ль полную плода,
 Иль горечь тщетнаго труда,
 Затишье жизни, даль Сибири...
 Чтобъ ни было—въ чаду тревогъ,
 Въ глуши безрадостной пустыни—
 Любовь намъ счастья залогъ
 И мы найдемъ въ ея святынѣ
 Для сердца теплый уголокъ.”
 Ея рука уже лежала
 Въ его рукъ и крѣпко жала,
 И чувства больше не тая,
 Она шепнула :“Я твоя !”—

Кругомъ въ толпѣ недоумѣнье,
 Шептанье, странное волненье,
 Всѣ смотрять точно на пожаръ,
 И Мери страшно и обидно.
 Но вотъ зоветъ ее гусаръ
 На польку ; отказаться стыдно,
 Идетъ съ тревожностью лица,
 Но не танцуетъ до конца,
 На мѣсто прежнее уходитъ
 И...никого тамъ не находитъ.
 Исчезъ ея желанный другъ...
 Она дрожить, она блѣднѣетъ,
 Она собою не владѣетъ,
 Глядитъ съ отчаяньемъ, — и вдругъ
 Бѣжитъ, бѣжитъ искать по залѣ...
 Все лица прежнія на балѣ,
 Родныхъ встрѣчаетъ кой кого,
 Но нѣтъ его, все нѣтъ его !
 Вотъ дѣва зрѣлая, недавно
 Знакомая, проходитъ плавно...
 “Его вы видѣли ?” — “Кого ?”
 “Ахъ боже мой ! Его, его,
 Кого люблю, кого желаю...”
 “Ахъ Мери ! я его не знаю.”
 И Мери далѣ. У дверей
 Стоитъ затянутый лакей ;
 Ея вопросъ его тревожитъ.
 “Вамъ нужно папеньку быть можетъ ?”
 Онъ отвѣчаетъ, и княжна
 Уходитъ прочь — огорчена.

Хозяйка дома ей на встрѣчу :
 “Позвольте, Мери, я съ трудомъ
 Сама рѣшаюсь, но замѣчу,
 Что вы позорите мой домъ.”
 Но Мери мимо, все печальнѣй...
 Въ диванной старики втроемъ
 Сидять за карточнымъ столомъ ;
 Одинъ изъ нихъ ей сродникъ дальній,
 Съ губами тонкими старикъ,
 Худой и дерзкій на языкъ.
 Старикъ держалъ ваеть бубновый ;
 Вдругъ Мери за руку его
 Схвативъ, спросила у него :
 “Его вы видѣли ?” — “Да что вы,
 Княжна ? помилуйте, — кого ?”
 “Какъ вамъ не знать !... Онъ благородень,
 Такъ простъ въ движеняхъ и свободень,
 Такъ сердцемъ чистъ, такъ въ мысляхъ смѣль...”
 Старикъ, прищурясь, поглядѣлъ
 И карты отложилъ на право,
 И улыбнулся такъ лукаго,
 Такъ губы сжавъ, что вмѣсто рта
 Осталась злостная черта ;
 Взялъ табатерку золотую,
 Открылъ, понюхалъ и сказалъ :
 “Я, право въ васъ не ожидалъ
 Найти проказницу такую.
 Его, княжна, я не видалъ ;
 Здѣсь никого нѣтъ въ этомъ родѣ,
 И даже, еслибъ было въ модѣ,

Чтобы такіе господа
 Сюда являлись иногда,—
 Вы имъ не вѣрьте. Въ нихъ, ей богу,
 Играетъ кровь на мигъ одинъ,
 А тамъ остынетъ по немногу
 И хуже тряпки господинъ,
 Такой выходитъ баринъ смирный,
 Ничтожнѣй двойки некозырной”.

Едва дослушавъ до конца
 Холодной рѣчи смыслъ суровый,
 Княжна бѣжитъ на поискъ новый...
 Вдругъ видитъ предъ собой отца.
 Онъ съ кѣмъ то щегольски одѣтымъ,
 Чьи бесполезно бровь и глазъ
 Обезпокоены лорнетомъ.
 “А ! отыскали въ добрый часъ!”
 Промолвилъ старый князь протяжно ;
 Звѣзда сіяла, и чело
 Сіяло голо и свѣтло,
 И онъ, взглянувъ на Мери важно,
 Сказалъ торжествененъ и тихъ :
 “Вотъ это, Мери, твой женихъ !”
 У бѣдной Мери грудь стѣснилась
 И закружилась голова,
 Она стоять могла едва
 И сердце билось, билось, билось....

А между тѣмъ мамзель Приве
 Уснула въ свой чередъ не даромъ,

И въ этой старой головѣ,
 Тепло повязанной фуляромъ,
 Свои перебѣгали сны,
 Воспоминанія полны.
 Сначала снилось ей—сбиралась
 Куда то на вечеръ она
 И передъ зеркаломъ одна
 Своимъ нарядомъ занималась.
 Какая страшная тоска—
 Сѣдыхъ волосъ и нивѣсть сколько!
 Ихъ выщипать—дрожить рука,
 Ну—просто больно да и только!
 Взяла румяны. Боже мой!
 О годы! вы неумолимы!
 Худыя щеки, носъ большой,
 Слѣды морщинъ неисправимы...
 Хлопочеть, щиплетъ, мажетъ, третъ,
 А дѣло все нейдетъ впередъ,
 И все морщинка уцѣлѣла,
 И все серебряной игрой
 Мелькаетъ волосокъ сѣдой...
 Она задумалась и сѣла.
 Уже давно своимъ трудомъ,
 Твердя Ноэля и Шапсаля,
 Она живетъ—дѣтей печала,
 И не одинъ россійскій домъ
 Ей благодаренъ за умѣнье
 Съ разскатцемъ Р произносить,
 Цвѣтистымъ слогомъ говорить
 И вздору придавать значенье.

Чтожъ? Сколотила капиталъ,
 Но онъ къ несчастью такъ малъ,
 Что какъ ни дѣйствуй осторожно,—
 Жить на проценты невозможно.
 А завтра за мужъ выдѣ княжна,
 Она останется одна,
 Безъ мѣста, безъ друзей, безъ крова...
 Куда подъ часъ судьба сурова!
 “О! гдѣ же годы тѣ, когда
 Была я тоже молода?...”
 И передъ ней воспоминанья
 Такъ ясно начали сквозь сонъ
 Вставать изъ туслаго молчанья,
 Что образы иныхъ временъ
 Совсѣмъ воскресли какъ живые;
 Всѣ люди близкіе, родные,
 И каждый стулъ, окно, иль дверь—
 Все живо вотъ какъ бы теперь;
 И видя прежніе предметы,
 Она сама передъ собой
 Опять является такой,
 Какой была въ инья лѣта.

Вотъ близъ столицы, ей родной,
 Дряхлѣетъ монастырь святой
 Съ своей оградой невеселой,
 И корридорами, и школой.
 Монахинь неослабный взоръ
 За юнымъ женскимъ поколѣньемъ

Здѣсь держать бдительный надзоръ ;
 Въ саду играетъ съ увлеченьемъ
 Дѣвченокъ маленькій народъ
 И бродятъ взрослые дѣвицы ;
 Mam'selle Privé ихъ узнаетъ,
 Давно знакомыя ей лица...
 Межъ ними и сама она ;
 Она собою не дурна,
 И станъ довольно схваченъ ловко,
 И очень милая головка
 Съ глазами черными, съ косою
 Какъ воронъ черной—и густой,
 Съ улыбкой милою, но строгою
 И носомъ сгорбленнымъ немного.
 Она не прочь бы раздѣлить
 Затѣи шалости невинной,
 Но напередъ рѣшилась быть
 Всегда послушною и чинною ;
 Ктомужъ съ подругами она
 Не хочетъ слишкомъ быть дружна,
 Хотя и есть въ ней непонятный
 Избытокъ нѣжности къ одной
 Блондинкѣ рослой и прямой,—
 Ну! та породы очень знатной.
 Mam'selle Privé ведетъ себя
 Со всѣми очень благонаравно ;
 Она и учится исправно,
 Напрасно время не губя ;
 Хотя варьяціи и шибки—
 Она брянчить ихъ безъ ошибки ;

Въ наукѣ вѣруеть всему,
Чему прикажутъ, не желая
Навлечь сомнѣнія уму;
Она довольствуется, зная,
Что въ небѣ троица святая,
А въ Римѣ папа, что народъ—
Державно милуя—пасеть
Король законный—Карлъ десятый,
Отчизны истинный отецъ,
Но смертный; долженъ наконецъ
Такимъ отцомъ быть Генрихъ пятый.
Она изгнавъ изъ сердца грусть,
Все это знаетъ наизусть.
Къ монастырю, его покою,
Однообразію вещей,
Одеждъ, занятій и рѣчей—
Хотя и скучно ей порою—
Она привыкла, какъ въ тюрьмѣ
Привыкнуть можно годъ отъ году,
Глазъ привыкаетъ къ полу-тьмѣ,
Иль ухо къ часовому ходу.
И вотъ ей колокола звонъ
Звучитъ сквозь трепеть сновидѣнья...
То часъ вечерняго моленья!
Готовясь на грядущій сонъ—
Монахини чредою чинной
Вступаютъ въ корридоръ пустынный;
Передъ мадонною святой
Горитъ свѣча и отблескъ длинный
Печально борется со тьмой,

И сестры жертвуя святынѣ,
 Поютъ (и все немножко въ носъ—
 Какъ по привычкѣ завелось)
 Свою молитву по латынѣ.
 Но между сестрами одна,
 Въ душѣ нося любовь святую,
 Къ *Mam'selle Rivé* привлечена,
 Ей замѣняетъ мать родную,
 Ей посвящаетъ каждый трудъ
 Мольбой не занятыхъ минутъ.
 Сестра Тереза ей предстала
 Подъ сѣнью бѣлой покрывала.
 Она въ томъ возрастѣ когда
 Тревожной юности года,
 Разбивъ души невинной цѣлость,
 Уныло переходятъ въ зрѣлость.
 Сосредоточенна, блѣдна,
 Въ движеньяхъ медленныхъ достойна,
 Среди сестеръ была она
 Всегда печальна, но спокойна.
 Хоть толки шли въ монастырѣ,
 Что, предаваясь хандрѣ,
 Она старается напрасно
 Забыть обманъ любви несчастной ;
 Но никому до этихъ поръ,
 Въ мигъ откровенности случайной,
 Не довѣрялъ завѣтной тайны
 Ея не шумный разговоръ,
 Или раздумья полный взоръ.
 И если въ ней къ кому пристрастье

Рождало нѣжное участие,—
 Такъ это къ голубю, давно
 Къ ней прилетавшему въ окно.
 Святаго ль духа образъ вѣчный,
 Занятые ль праздности сердечной
 Ей были милы,—но его
 Она какъ друга своего
 Любила, холила, кормила...
 И умеръ онъ!...Она грустила
 Сестрѣ подобно, иль вдовѣ,
 Потомъ внезапно полюбила—
 Какъ голубя—Mam'selle Privé.
 И видитъ дѣва пожилая,—
 Лелѣя отроческій сонъ
 Давно утраченныхъ временъ,—
 Сестра Тереза, какъ живая,
 Все той же ласковой рукой
 Ее уводитъ за собой.
 Мерцаетъ лампа, тихо въ кельѣ;
 Сестра Тереза рѣчь ведетъ
 О душѣ загробномъ новосельѣ,
 О томъ какъ ангеловъ полетъ
 На крыльяхъ радужныхъ прекрасенъ,
 Какъ ликъ ихъ свѣтлъ, взоръ ихъ ясенъ
 И сладокъ голосъ, какъ душа
 Въ жилищахъ горнихъ хороша...
 Сестра Тереза бы желала,
 Чтобы любимица ея
 Заботу міра промѣняла
 На монастырское житье,

Вдали житейскаго волненья
 Нашла бы вѣрный путь спасенья.
 Въ душѣ *Mam'selle Rivé* самой
 Къ сестрѣ Терезѣ на мгновенье
 Мелькаетъ тайное влеченье,
 Подобье дружбѣ молодой
 Съ ея привязанностью нѣжной,
 Какъ проблескъ утра безмятежной ;
 Но чаще въ ней передъ сестрой
 Иное чувство обладаетъ
 И дружба мѣсто уступаетъ
 Одной покорности тупой,
 Наружно доброй но сухой.
 Ей странны въ инокинѣ милой
 Усталый и спокойный видъ
 И ликъ мечтательно-унылый,
 Ей странно, что она глядитъ
 Такъ грустно, грустно говорить :
 “Одна святая вѣра въ Бога
 Душѣ способна дать покой.
 Ты молода еще, другъ мой,
 Ты ждешь отъ жизни очень много...
 О! выходя за нашъ порогъ
 Ты ждешь и счастья и тревогъ
 Все чрезвычайныхъ и безмѣрныхъ,
 Неслыханныхъ и безпримѣрныхъ,—
 А жизнь скупа ; ни сильныхъ бѣдъ,
 Ни счастья сильнаго въ ней нѣтъ.
 Какъ лучше объяснить бы это ?
 Тебѣ случалось ли одной

Сидѣть и слушать... Слышенъ гдѣ-то
 Далеко въ тишинѣ ночной
 Напѣвъ мечтаемый тобой...
 И вдругъ продребезжить карета,
 Спѣша по темной мостовой...
 Ну чтожъ? Кареты шумъ случайный
 Не есть же признакъ грозныхъ бѣдъ ;
 А смолкъ блаженства голосъ тайный,
 Исчезъ, исчезъ, простылъ и слѣдъ !...
 Дитя, повѣрь мнѣ—въ жизни свѣта
 Найдешь ты именно вотъ это,
 Увидишь—какъ ни тяжело,—
 Что вѣчно крошечное зло
 На столько счастью помѣшаетъ,
 Что счастья вовсе не бываетъ,
 А зло не важно... Жизнь мелка
 И только скука велика.
 Когда же отдаешься Богу—
 Душа свѣтлѣетъ по немногу...”
 Монахинѣ *Mam'selle Privé*,
 Вперивъ недвижный взоръ, внимаетъ
 И ничего не понимаетъ.
 У ней все смутно въ головѣ—
 Молитва, папа, богъ распятый,
 Аѳины, *credo*, Римъ, символъ,
 Лагарпъ, неправильный глаголъ,
 Души безсмертье, Карлъ десятый,—
 Все это истины; она
 Имъ вѣкъ останется вѣрна...
 Но отъ чего же постоянно

Сестра Тереза такъ грустна ?
 Чего же ждетъ еще она ?
 Все это какъ то очень странно !
 Но вотъ полгода наконецъ
 Пройдутъ-же, — время небольшое, —
 И въ фьякрѣ явится отецъ
 И увезетъ дитя родное
 Изъ школы скучной и святой
 По шумнымъ улицамъ домой.
 Ей платье новое готово,
 Она людей увидить снова,
 Начнутся танцы, говоръ, смѣхъ...
 Ахъ ! можетъ быть все это грѣхъ !...

Но вдругъ въ монастырѣ смятенъе,
 Всѣхъ разомъ охватилъ испугъ :
 Отъ города пронесся вдругъ
 Какой то гулъ. Борьба ? сраженъе ?...
 Какъ грома дальняго разскать
 Слышна пальба, трещить набать ;
 Сестра Люси сама слыхала —
 Надъ садомъ пуля просвистала ;
 Весь блѣдный сторожъ прибѣжалъ
 И вѣсть принесь, что Карлъ десятый,
 Народной силою прижатый,
 Съ престола въ Англию бѣжалъ ;
 Всѣ въ страхѣ вытянулись лица,
 Дрожать и сестры и дѣвицы... —
Mam'selle Privé сама въ бреду
 Перевернулась, помычала,

И сны иные грезить стала,
Ловя бывшее на ходу.

И видитъ—вотъ ея отецъ,
Опрятный, толстенькій купецъ
Со взглядомъ мило-плутоватымъ
И носомъ бойко-крючковатымъ—
Контору заперъ и идетъ,
Къ обѣду весело зоветъ ;
Спѣшать домашніе, тѣснятся ,
И вотъ за столъ они садятся :
Отецъ, она, еще сестра
Madame Privé давно покойной,—
Она глуха да и стара,—
Еще Monsieur Ragout,—достойный
Хотя и юный адвокат,—
Еще прикащикъ и...“Но врядъ
Еще кто будетъ ли ?...Такъ чтоже ?
Горячій супъ всего дороже !
Займетесь !...“И Monsieur Privé
И разливаетъ, и болтаетъ,
Смѣется, шутитъ, угощаетъ ;
Хоть крѣпко помнить въ головѣ
Légion, продѣтую въ петлицу,
Но рѣжетъ жареную птицу
Отменно быстро и умно...
Вдругъ злость въ глазахъ его блеснула :
“Опять на скатерти пятно !”
Mam'selle Privé съ нимъ за одно,

Вскочила съ рѣзкостью со стула—
 Оскорблена, возмущена,
 И позвала слугу она,
 И показала, и сказала,
 Что разъ ужъ вычетъ сдѣланъ былъ
 За то, что онъ стаканъ разбилъ,
 Но что впередъ во чтобъ ни стало,
 Хоть будь проступокъ не великъ,
 Его прогонять въ тотъ же мигъ.
 Monsieur Ragout сидитъ, вздыхаетъ ;
 Ее онъ любить и страдаетъ...
 Онъ демократъ !—Ему была
 Вся эта сцена, какъ пила
 По сердцу...

Но къ концу обѣда

Живѣй становится бесѣда ;
 Monsieur Rivé подать велѣлъ
 Бордо—и вновь повеселѣлъ.
 Не вѣдая сердечной муки,
 Самодовольствомъ озарясь,
 Себѣ онъ потираетъ руки
 И говоритъ полу-смѣясь :
 “Да, не совсѣмъ то нашу вѣру
 Хранить моя родная дочь ;
 Но феодальную химеру
 Поможетъ опытъ превозмочь.
 Пока пускай себѣ мечтаетъ,
 Пускай глядитъ себѣ въ окно—
 Какой виконтъ тамъ проѣзжаетъ,
 Иль дюкъ...Мнѣ дорого одно :

Она къ хозяйству привыкаетъ !
 Повѣрьте мнѣ. *mon cher Ragout*. —
 Я опытенъ и я не лгу, —
 Все это вздоръ, все это бредни,
 Всѣ ихъ Шамборы и обѣдни ;
 И славный нашъ тридцатый годъ,
 Нашъ коренной переворотъ —
 Онъ вѣчность всю переживетъ !
 Была бы собственность священна,
 Порядокъ былъ бы сохраненъ,
 И будетъ быстро излеченъ
 Недугъ народный совершенно ;”
Ragout весь вспыхнулъ и вскочилъ,
 Потомъ ступилъ назадъ три шага
 И шагъ впередъ ; въ лицѣ отвага ;
 Онъ руки на груди скрестилъ,
 Закинулъ голову, глазами
 Повелъ восторженно кругомъ
 И началъ тихо, но мѣстами
 Все голосъ возвышалъ потомъ :
 “Клянусь святою тѣнью Брута
 И тѣнью матери моей,
 Прискорбиѣй тысячи смертей
 Мнѣ жизни каждая минута !
 Нѣтъ, нѣтъ ! Еще не спасъ народъ
 Мѣщанскій вашъ переворотъ.
 Предвижу ваше я паденье,
 Народа новое житье,
 Гдѣ сдѣлавъ общее имѣнье
 Отдѣлятъ каждому свое.

Былабъ любовь—и міръ свободный
 Создасть союзъ между-народный;
 Вдобавокъ гильотина есть:
 Она вашъ узкій безпорядокъ
 Въ день, въ два (положимъ въ шесть)
 Въ священный приведетъ порядокъ.
 Не долго Франціи народъ
 Потерпитъ мнимую свободу,—
 Повѣрьте—не пройдетъ и году
 И будетъ вновь переворотъ!”—
 Старикъ вспылилъ, возникли споры
 И дѣло чуть нейдетъ до ссоры,
 Кричатъ, кричатъ, бранятся... Но
 Потомъ играютъ въ домино
 И вечеръ дружно, тихо млѣетъ...
 Но вотъ старикъ Приве блѣднѣетъ
 И падаетъ... Что, что?... Глядятъ—
 А онъ ужъ мертвый!.. Всѣ молчатъ.
 Ну! мертвый, мертвый совершенно,
 Уже и холоденъ какъ ледъ;
 Всѣхъ разомъ ужасъ обдаетъ,
 Стоять—оцѣпенѣвъ мгновенно.
 Но вотъ, жалѣя и любя,
Mam'selle Privé пришла въ себя
 И плачетъ. Вносятъ гробъ дубовый
 И положили старика;
 Его отвислая щека
 И носъ горбатый—видъ суровый
 Лицу тупому придаютъ.
 Проходитъ нѣсколько минутъ...

Вослѣдъ одѣтой въ трауръ свитѣ
 Священникъ входитъ пожилой;
 Старуха машетъ имъ рукой:
 “Тсъ! тише! шепчетъ, не ходите—
 Разбудите! Подите прочь!”
 Всѣ шопотомъ жалѣють дочь.
 Какой то господинъ высокой
 Вошелъ съ бумагой и сказалъ:
 “Долговъ покойника далеко
 Не превышаетъ капиталъ.”
 Какъ? Остается волей неба
Mam'selle Rivé совсѣмъ безъ хлѣба?
 Всплеснувъ руками тихо къ ней
 Идетъ *Ragout* и шепчетъ ей:
 “Вы сирота и безъ имѣнья;
 Молю—любовью святой—
 Не отрицайте предложенья
 И будьте вы моей женой.”
 Но подавляя скорбь и муку—
 Она спѣшитъ сообразить:
 “Виконтъ предложить можетъ быть
 Свою породистую руку...”
 И вотъ *Monsieur Ragout* какъ разъ
 Она учтиво отклоняетъ
 И извиняя свой отказъ
 Его до двери провожаетъ...

Дверь запахнулась. На дворѣ
 Мятедь и снѣгъ летитъ клоками,

Исчезли улицы съ домами,
И все темно въ ночной порѣ.
Кругомъ лежитъ пустое поле
Подъ снѣгомъ бѣлымъ, и надъ нимъ
Тоскуеть голосомъ глухимъ
Бездомный вихрь, носясь по волѣ.
Mam'selle Приве одна, въ тоскѣ,
Усѣвшись на свои пожитки,
Дрожить отъ холода въ кибиткѣ.
Сидитъ ящикъ на облучкѣ,
И рядомъ съ нимъ, качаясь дремлетъ
Въ тулупѣ скорчившись слуга;
Они все ѣдутъ, все выюга
Знобить лице и вой подъемлетъ.
Но наконецъ—село и домъ.
Ящикъ къ воротамъ и въѣзжаетъ,
Лакей мамзель передъ крыльцомъ
Изъ подъ рогожекъ вынимаетъ.
Уже въ передней отъ сѣней,
Клубясь въ пару оледѣнеломъ,
Докучный запахъ вслѣдъ за ней
Идетъ и пахнетъ въ домѣ цѣломъ;
На встрѣчу баринъ, весь сѣдой,
Въ сѣдыхъ усахъ, (онъ отставной,
Въ отставку вышелъ капитаномъ);
Вотъ барыня съ дебелимъ станомъ,
Съ лицомъ широкимъ какъ луна...
“А гдѣ же Варя?... Вотъ она!
Вотъ наша дочка. Что? Лихая?
У васъ тамъ встрѣтится ль такая?”

Ну ты, мадамъ, ее учи,
 А бить не смѣй и не кричи!”
 Но звуковъ языка чужаго
 Mam'selle Privé не поняла,
 А по французски ни полслова
 Отъ нихъ добится не могла.
 И дни проходятъ... О страданье!
 Mam'selle Privé осуждена
 На безконечное молчанье;
 А хочеть поболтать она,
 Хоть съ кѣмъ нибудь, хоть бы съ сосѣдомъ...
 Ужь не бѣжать ли ей отсель?...
 И видить бѣдная мамзель—
 Ее обносятъ за обѣдомъ,
 Жалѣя лакомый кусокъ;
 При ней, (о! гдѣ терпѣнью мѣра!)
 Чтобъ знала Варинька урокъ
 Сѣкутъ Аксютку для примѣра!
 И надо видѣть день за днемъ
 Въ постыдной жизни вѣчно то же,
 И то, что чувствуешь при томъ
 Съ морской болѣзнию какъ то схоже!

Но сонъ таинственной рукой
 Мѣняетъ скорбную картину
 И кажетъ мирную долину,
 Село большое, домъ большой,
 Весь убранъ на большую ногу,
 Въ немъ вѣетъ барской стариной;

Mam'selle Privé здѣсь слава богу
 Находить роскошь и покой.
 Здѣсь съ нею Мери молодая
 И бабушка ея больная,
 Старушка добрая; она
 Привѣтлива хоть и больна,
 И лучше можетъ по французски
 Вести бесѣду чѣмъ по русски.
 Породу барскую любя
 Mam'selle Privé здѣсь совершенно
 Какъ дома чувствуетъ себя
 И предается постепенно
 Безперерывной суетѣ,
 Дѣвичьей старости чертѣ;
 Она всегда гостей встрѣчаетъ,
 Хозяйку замѣнивъ собой,
 И не смолкая день деньской
 Съ утра до вечера болтаетъ
 О томъ о семъ, о прошлыхъ дняхъ,
 Погодѣ, кушаньѣ, чепцахъ,
 Грѣхѣ, молитвѣ сердобольной...
 Перерываясь едва
 Какъ бисеръ нжутся слова.
 Порою Мери какъ то больно
 Звучитъ вся эта болтовня,
 И все несноснѣй день отъ дня,
 И говоритъ она невольно,
 Съ досады внутренней дрожа:
 "Mam'selle Privé, побойтесь Бога!
 Мнѣ голосъ вашъ и вся тревога

Какъ по тарелкѣ скрипъ ножа!”
 Mam'selle Privé не отвѣчаетъ
 И барскій домъ не оставляетъ.
 Но вотъ пріѣхалъ старый князь;
 Съ больной старушкой согласясь—
 Какъ ей ни жаль—онъ дочь дѣвицу
 Съ Mam'selle Privé везетъ въ столицу.
 Внезапно у Mam'selle Privé
 Мечта мелькнула въ головѣ,
 Что ей бы надо потрудиться
 И въ князя стараго влюбиться,
 Что онъ не старъ и что она,
 Хотя въ лѣтахъ но не дурна.
 И вотъ она хлопочетъ страстно,
 И притворяется несчастной,
 И все вертится вкругъ него,
 Но князь не видитъ ничего;
 Едва, едва сухимъ отвѣтомъ
 Почтить ея вопросъ пустой,
 Иль покиваетъ головой,
 Иль съ гордымъ и нѣмымъ привѣтомъ
 Изъ табатерки золотой
 Съ алмазной, яркою каймой
 И императорскимъ портретомъ—
 Въ безмолвыи сродномъ старику—
 Понюхать дастъ ей табаку.
 И князя собственной особой
 Прельстить нисколько не успѣвъ,
 Mam'selle Privé притихла съ злобой,
 Обычной сердцу старыхъ дѣвъ.

Но вдругъ изъ двери потаенной
 Выходитъ мальчикъ молодой,
 За нимъ и дядька пожилой,
 Наружности весьма почтенной,
 Въ простомъ, но чистомъ сюртукѣ,
 Въ очкахъ и черномъ парикѣ.
Mam'selle Privé глядитъ, дивится...
 “Неужто! Какъ могло случиться?
Monsieur Ragout? Какой судьбой?...”
 Французъ протягиваетъ руку
 И говоритъ, скрывая муку:
 “Какъ видите,—удѣлъ такой!”—
 “Но двадцать лѣтъ какъ мы разстались!”—
 “Да, да! Съ тѣхъ поръ какъ не видались
 Мы съ вами—многое прошло,
 И въ Франціи есть перемѣна!...
 Но вѣрьте мнѣ, чѣмъ больше зло,
 Тѣмъ чище выйдемъ мы изъ плѣна,
 И гильотина наконецъ
 Положить дерзостямъ конецъ.
 Ужь въ эмиграціи свободной
 Начать союзъ между-народный;
 Повѣрьте—году не пройдетъ
 И будетъ вновь переворотъ.”
 Но погрузилась въ размышленье
Mam'selle Privé. Прошло мгновенье—
 Она Французу говорить:
 “Да! мнѣ теперь все стало ясно!
 Нась другъ для друга Богъ хранить,—
 Женитесь! Я теперь согласна.”—
 Французъ оторопѣлъ—и вдругъ

Бѣжать пустился во весь духъ ;
 Она за нимъ быстрѣе птицы,
 Съ парадной лѣстницы и въ дверь,
 Бѣгутъ съ крыльца, бѣгутъ теперь
 Уже по улицамъ столицы...
 На встрѣчу вѣтеръ имъ свистить,
 Съ Monsieur Ragout парикъ лѣтитъ,
 Съ самой Mam'selle Rivé—какъ тряпка
 Свалилась шаль, упала шляпка.
 Она бѣжить, она спѣшить,
 Пять, шесть шаговъ,—чуть не догнала,
 Но сердце въ грудь стучить, стучить,
 Дыханье давить и тѣснить,
 И шагъ еще—она-бѣ упала...

Но тутъ проснулась и привстала.
 На тощій локоть оперлась,
 Глядитъ : княжна приподнялась
 И обѣ смотрять другъ на друга.
 “Что съ вами, Мери? Вы больны?”—
 “Нѣтъ, ничего...во снѣ...съ испуга...”—
 “И! спите съ богомъ! что за сны!”
 И въ лихорадкѣ отъ волненья
 Ложатся обѣ и молчатъ
 И другъ отъ друга сновидѣнья
 Въ безсонномъ ужасѣ таятъ.
 И снова все затихло въ спальнѣ...
 Уже не долеталъ до ней,
 Какъ отголосокъ смутно-дальній,

Съ пустынныхъ улицъ скрипъ саней.
Лампада томная дрожала
И круглый отблескъ колебала
На потолокъ, а снизу тьма
Была докучна и нѣма.
Сквозь щель опущенной гардины,
Упавшей на двѣ половины,
Опять былъ видѣнь тотъ же домъ
И кровля снѣжная на немъ,
Бѣлѣлась холодно, уныло ;
По ней печальна и ясна
Мерцала кроткая луна
И все такъ тихо, тихо было,
Что безотчетно сердце выло.

И———РУ.

Die Rothweine regen die Kreislaufsorgane stark auf.

(Фармакологія Курта Шпренгеля).

Въ уныньи медленномъ недуга и леченья
 Скучаетъ умъ, молчатъ уста
 И жду я съ жадностью минуты исцѣленья,
 Конца тяжелаго поста.
 Удастся-ль помянуть намъ доблестное время
 Упругихъ мышць и свѣжихъ силъ,
 Когда безъ усталы ночей безсонныхъ бремя
 Нашъ бодрый возрастъ выносилъ?
 До усть, взлелѣянныхъ вакхической отвагой,
 Коснется-ль снова, жаръ тая,
 И мягкимъ запахомъ и бархатною влагой
 Вина пурпурная струя?
 Садись! Достану я изъ подъ сѣдаго слая
 Бутылку мшистую мою
 И на бокъ наклоня—съ падучаго отстоя
 Въ стаканы бережно солью.
 Но годы ужъ не тѣ! И кровь напиткомъ жгучимъ
 Бесплодно въ жилахъ разогрѣвъ,
 Уже мы не поидемъ въ волненіи могучемъ
 На праздникъ сладострастныхъ дѣвъ.

Ни плечи бѣлыя, ни косы развитыя,
 Ни взоръ полу-приподнятой—
 Уже не пробудятъ въ насъ страсти прожитыя
 И тѣла трепеть молодой.
 Отъ Фавна стараго таятся робко дѣвы
 Въ зелено-свѣжей мглѣ дубровъ
 И внемлятъ юношей влюбленные напѣвы
 Сквозь шумъ колеблемыхъ листовъ.

Боюсь не вызвать бы, средь нашихъ возліаній
 Перебирая жизни даль,
 И горечь ѣдкую иныхъ воспоминаній,
 И современную печаль!
 Не вспомнить бы людей враждующія лица,
 Ихъ злобы грубыя черты,
 И ихъ любовь дряблѣй изношенной тряпицы—
 Прикрытѣ жалкой клеветы?
 Не встрѣтить бы въ вѣкахъ насилій и стяжанья
 Неисцѣлимую болѣзнь?
 Не вспомнить бы утратъ могильныя преданья
 И счастья смолкнувшую пѣснь?
 Скорѣй—давай шутить! Пусть шутки даръ нескромный
 Дастъ волю блескамъ острыхъ словъ,
 Яркомелькающихъ—какъ искры ночью темной
 Надъ пепломъ тлѣющихъ костровъ.
 Да! шутка насъ спасетъ. Ее мы за послугу
 Сравнимъ съ красавицей больной,
 Въ предсмертный часъ еще даящей другу
 Привѣтъ улыбки молодой.

ВОСПОМИНАНІЕ.

На горной крутизнѣ я помню шумный лѣсъ,
Вѣками взрощенный въ торжественности дикой,
И тамъ былъ темный гротъ между корней древесъ,
Поросшій влажнымъ мхомъ и свѣжей повиликой.
Его тѣнистый сводъ незримо пробивая,
Студеный падалъ ключъ лепечущей струей...
Ребенкомъ, помнится, здѣсь лѣтнею порой
Въ безмолвной праздности я сиживалъ, внимая.
Тонули—шелесты и каждый звукъ иль шумъ
Въ широкомъ ропотѣ лѣснаго колыханья,
И смутнымъ помысломъ объять былъ дѣтскій умъ
Средь грезъ таинственныхъ и робкаго желанья.

NOCTURNO.

Das tragische in Leben ist das
Gefühl des Nichts.

(Brief eines Reisenden).

Уже и за полночь давно!
Домой иду я одиноко;
Безмолвно, пусто и темно
На нашей улицѣ широкой...
И длинной... такъ, что днемъ иди—
Конца не видно впереди.
Теперь не встрѣтишь ни собаки!
И даже самый альгвазиль,
Наемный другъ гнетущихъ силъ,
Врагъ бѣдняка, смиритель драки,
Прогулкой не тревожа слухъ,
Таится какъ незримый духъ;
И даже нищій мой, который
Здѣсь нѣгу сна вкушать любилъ,
Занять ночлегъ не приходилъ
На тротуарѣ у забора.

Есть фонари, но такъ блѣдны,
 Какъ будто только зажжены,
 Чтобъ показать какой глухою
 Вкругъ нихъ все вѣтъ темнотою;
 Да звѣзды сверху между крышъ
 Дивятся на ночную тишь.
 Звучить мой шагъ во тьмѣ унылой,
 И этотъ звукъ такъ пусть и дикъ,
 Что еслибъ я себѣ на мигъ
 Далъ волю—миѣ бы страшно было.
 Стоять высокіе дома,
 По окнамъ странный лоскъ блуждаетъ,
 Какъ будто въ нихъ мерцаеть тьма,
 И этотъ лоскъ напоминаетъ
 Взглядъ незакрытыхъ, мертвыхъ глазъ,
 Гдѣ жизни лучъ уже погасъ,
 А что то чудится живое,
 Но непріязненно нѣмое.

Вотъ видѣнъ свѣтъ въ одномъ окнѣ;
 Свѣча въ печальной тишинѣ
 Сквозь стору трепетно мерцаеть;
 По сторѣ чья то тѣнь блуждаеть.
 Кто ты безвѣстный мой сосѣдъ?
 За чѣмъ не спишь ты въ эту пору?
 Какое чувство горькихъ бѣдъ
 Мѣшаетъ сномъ сомкнуться взору?
 А про меня быть можетъ ты
 Подумаль: “Что тамъ за скиталець,
 Какой пепрошенный страдалець,
 Протяжнымъ шагомъ о плиты

Нарушилъ миръ моей мечты?" —
 Ктожь говорить, что я страдаю?...
 Мнѣ весело. Иду домой
 Съ бесѣды милой и живой.
 Тамъ были шумны разговоры;
 О важныхъ лицахъ и дѣлахъ,
 О самыхъ выспренныхъ вещахъ
 Велися ревностные споры.
 Мнѣ было весело. Со мной
 Одинъ философъ записной
 Проспорилъ цѣлый часъ о богѣ.
 Онъ самъ далекъ отъ той мечты,
 Чтобъ средь небесной пустоты, —
 Гдѣ по затверженной дорогѣ
 Блуждаетъ мѣрно хоръ свѣтилъ, —
 Вообразить себѣ чтобъ жилъ
 Какой то баринъ, учредитель
 Мірскихъ напастей управитель;
 Но говорить весьма умно,
 Что все есть что то, что должно
 Признать за бога, что украдкой
 На днѣ всего живетъ въ тиши,
 Что это нужно для порядка
 И для безсмертія души.
 А я, ни въ міръ не вѣря вышній,
 Ни въ дно вещей, — я отрицалъ,
 Я по просту ему сказалъ,
 Что это что то вовсе лишне.
 Онъ спорилъ рьяно, мудрено,
 Я спорилъ холодно и сухо;

Его понятие—мнѣ смѣшно,
 Мое—ему шло мимо уха,
 Такъ что моглибъ мы безъ труда
 Съ нимъ и не спорить никогда;
 Но было весело!—А дамы
 Рѣшили что всего страшнѣй
 Касаться до святыхъ вещей,
 Что установленной программы
 Держаться лучше потому,
 Что съ ней покойнѣе, уму,
 Пріятнѣй сердцу безъ сомнѣнья
 Да и полезно для спасенья.—
 Исполненъ внутреннихъ тревогъ,
 Межъ дамъ, которыхъ тутъ я встрѣтилъ,
 Одну внезапно я замѣтилъ
 И глазъ отвести съ нея не могъ.
 Улыбки кроткой безмятежность
 И взора вкрадчивая нѣжность
 Напоминала мнѣ тотъ ликъ,
 Который я любить привыкъ
 Когда то, въ молодые годы,
 Въ дни поэтической свободы.....
 Мнѣ было весело и вдругъ
 Мной страшный овладѣлъ недугъ;
 Я чувствовалъ, что жизни сила,
 Что сердца жизнь во мнѣ остыла,
 Что сердцѣ выдохло давно, LCC6
 Какъ незамкнутое вино.—
 Такъ чтожъ? Пускай! Есть жизнь иная,
 Иная цѣль передо мной,

И трудъ достойный совершая
 Я занять мыслию иной,
 Все благо общее и дѣло...—
 Тутъ юноша подсѣлъ ко мнѣ,
 Глядитъ такъ бодро и такъ смѣло,
 Пророчить въ жгучей болтовнѣ,
 Не спотыкаясь о сомнѣнье,
 Народовъ юное движенье...
 А я ему сказалъ въ отвѣтъ,
 Что это вздоръ—надежды нѣтъ,
 Чтобъ ѣхалъ онъ въ глухія степи
 Искать инныя племена;
 Для тѣхъ, на комъ преданій цѣпи,
 Жизнь кончена, порѣшена...
 И самому мнѣ стало больно,
 Какъ я убилъ его невольно!—
 Но занялъ насъ иной предметъ—
 Потомъ—за позднею бутылкой :
 Что лучше спрашивалось пылко
 Clos de Vougeot, или Моэть ?
 Я предпочелъ неукоснѣмо
 Бургунское ; огонь его
 Мнѣ кажется дружнѣй всего
 Съ печалью гордой мысли зрѣлой...
 Но рѣчь идетъ не обо мнѣ :
 Ты что, сосѣдъ неугомонный,
 Свѣчи не гасишь въ тишинѣ,
 Томимъ тревогою безсонной ?
 Что ты — жалѣешь или ждешь ?
 Грустишь о прошломъ, или вѣришь ?

Или упорно лицемѣришь
 И міръ особый создаешь ?
 Быть можетъ, не проживъ съ пол-вѣка,
 Ты хоронилъ уже не разъ
 Душѣ роднаго человѣка
 И сна не знаешь въ поздній часъ ?
 Напрасно ! Никакою силой
 Не воскресишь ; не спи ночей,
 Ворочай въ памяти своей
 Любимый образъ, голосъ милый, —
 Все невозвратно, и могила,
 Землей засыпавъ темный сводъ,
 Безмолвныхъ жертвъ не отдаетъ.

А можетъ въ возрастъ тотъ завидный
 Едва вступая, гдѣ слегка
 На верхней губѣ пухъ чуть видный
 Крутить надменная рука, —
 Ты такъ влюбленъ, что спать не можешь,
 Огнемъ трепещешь и горишь,
 И имя милое твердишь
 И воздухъ дремлющій тревожишь !
 Какъ знать ? Она-ль начнетъ чередъ,
 Иль ты рязлюбишь напередъ,
 Иль страсть въ сожитыи охладѣетъ
 И скука жизнью овладѣетъ ?...
 Но чтонибудь изъ этихъ бѣдъ
 Придетъ же бѣдный мой сосѣдъ,
 Хоть ты теперь и полный вѣры
 Не спишь, блаженствуя безъ мѣры. —
 А можетъ быть ты не любимъ ?

И только страстью одинокой,
 Тоской и ревностью томимъ,
 И о красавицѣ жестокой
 Упорно думая всю ночь,
 Сна врачеванье гонишь прочь?
 Да ! эта страсть продлится годы,
 Таковъ законъ ея природы,
 За тѣмъ, что человѣкъ упрямъ
 И жадно льнетъ къ своимъ мечтамъ,
 И любить съ тайнымъ напряженьемъ
 Дразнить себя пустымъ волненьемъ.
 Увидишь послѣ многихъ лѣтъ,
 Что страсть была ненужный бредъ.

Но я съ чегожъ воображенью
 Даль ходъ какъ мальчикъ, иль хвастунъ ?
 Съ чего я взялъ, что ты такъ юнъ ?
 А ты на зло такому мнѣнью
 Мужъ достославный по всему,
 И по лѣтамъ, и по уму,
 И брови съ просѣдью нависли,
 И опытъ далъ здоровость мысли,
 И ночь безмолвная безъ сна
 Тобой труду посвящена :
 Ты пишешь новое творенье,
 Гдѣ есть загадкѣ разрѣшенье,
 Гдѣ ты откроешь намъ пути—
 Какъ человѣчество спасти.
 Трудись, спиши, спасай скорѣе,
 Недугъ все съ кажды́мъ днемъ страшнѣе !
 Надъ книгой ночь не станетъ спать
 Со временемъ твой почитатель,

Завѣта новаго искатель,
 Чтобы нашъ міръ пересоздать,
 И самъ отъ горя изнывая,
 Умреть, тебя благословляя.

А можетъ ты подобно мнѣ
 Трудиться любишь въ тишинѣ
 Надъ риемой, и съ нѣмымъ вниманьемъ
 Занявшись строчекъ окончаньемъ.

Грызешь съ досады до утра
 Конецъ усталого пера?...

Все для того, чтобъ какъ то чудно
 Сказать безъ нужды кой кому—

Какъ въ жизни тяжело уму,
 Какъ сердцу горестно и трудно!

Чтобъ тотъ, кто примется читать
 Уныло звучную тетрадь,

Едва вкусивъ самозабвенье,
 Опять почувствовалъ мученье,

Опять бы въ сердцѣ могъ начать
 Живыя раны разтравлять!

Занятые истинно благое
 И стоитъ, чтобъ ночей не спать.

А если ты совсѣмъ иное?

Ты можетъ быть больной старикъ

И морщась сдерживаешь крикъ?

Цѣня терпѣніе тупое

Скучаешь такъ, какъ не скучалъ

Никто отъ нравственныхъ началъ,

И ждешь: науки представитель

Пріѣдидь докторъ, твой спаситель...

Не вѣрь ему, ни жди его :
 Наука только для того,
 Чтубъ нервъ ощупать уязвленный,
 Коснуться пальцемъ до него,
 Понять болѣзни ходъ законный—
 И только, больше ничего !

Пора, старикъ неугомонный,
 Чтобъ напоследокъ понялъ ты
 Всю власть бездонной пустоты,
 Въ которой тѣни жизни бродятъ,
 Родятся люди, люди мрутъ,
 Народы въ битвахъ вѣкъ проводятъ
 И гибнуть...новые растутъ.
 Пойми, слѣдя всѣхъ дѣлъ теченье,
 Нуля предвѣчнаго движенье,
 И въ этой мысли ты, другъ мой,
 Сыщи незыблемый покой,
 Чтобъ ни болѣзни, ни печали
 Уже твой умъ не возмущали.

Но вдругъ—онъ погасилъ свѣчу,—
 И остаюсь я одинокой
 На нашей улицѣ широкой...
 Чего я жду ? чего хочу ?
 Зари-ль улыбки жду цѣлебной ?
 Но все темно, но все враждебно...
 Пойду домой—тревожный нравъ
 Спокойтъ въ усыпленномъ тѣлѣ...
 А можетъ быть сосѣдъ былъ правъ—
 И я страдаю въ самомъ дѣлѣ !

СУШЬ И ДОЖДЬ.

1.

Нѣтъ ни тучки, солнце пышетъ,
 Ярко блещетъ синева,
 Воздухъ душный знойно дышетъ,
 Блѣкнетъ бѣдная трава ;
 Нива рано пожелтѣла,
 Сохнетъ колось, цвѣтъ убить ;
 Наша рѣчка обмелѣла,
 Наша мельница молчить.
 Роща листья опустила,
 Птицѣ дышется съ трудомъ,
 Стадо тощее уныло
 Дремлетъ въ снѣ полу-живомъ.
 Людямъ жутко въ эту пору,
 Будетъ голодъ, жизнь тяжка ;
 По блестящему простору
 Всюду мертвая тоска.

2.

Сіяло звѣздное мерцанье,
 А вѣтра влажнаго дыханье

Изъ за морей, издалека
 Сгоняло въ тучу облака.
 И туча тихо подступала,
 И звѣзды мракомъ застилала ;
 Сверкнула молнія, и громъ
 Пронесся въ трепетъ глухомъ.
 И ближе грозное движенье,
 И, видя тучи приближенье,
 Все наше бѣдное село
 Въ отрадномъ ужасѣ ждало.
 Пришла и небо обложила,
 И дождь обильный пролила,
 И землю влагой напоила,
 И въ путь торжественно ушла.

3.

Воздухъ мягокъ, утро блещетъ
 И прозрачна синева,
 Въ капляхъ радужныхъ трепещетъ
 Окропленная трава.
 Снова рѣчка зашумѣла,
 Въ роцѣ свѣжестъ, листь пахучъ,
 Птица весело запѣла,
 Стадо за ночь поюяѣло,
 Вышло встрѣтить ранній лучъ...
 Но пропала наша нива,
 Наша мельница пуста ;
 Не сойдетъ миролюбиво
 Къ намъ улыбка на уста,

Слѣдъ тяжелый жизни скудной
Ляжетъ усталю на насъ...
Хоть дѣтей бы рокъ нашъ трудный
Миноваль, не повторясь,
Чтобъ у нихъ былъ плодотворень
Веснній дождь и лѣтній зной,
Нивы колось многозерень,
Днемъ веселымъ трудъ проворень,
Мирень сонъ въ тиши ночной.

МЕРТВОМУ ДРУГУ.

То было осенью унылой...
Средь урнъ надгробныхъ и камней
Свѣжа была твоя могила
Недавней насыпью своей.
Дары любви, дары печали—
Рукой твоихъ учениковъ
На ней разсыпаны лежали
Вѣнки изъ листьевъ и цвѣтовъ.
Надъ ней суровымъ днѣмъ послушна—
Кладбища сторожъ вѣковой,—
Сосна качала равнодушно
Зелено-грустною главой,
И рѣчка, берегъ омывая,
Волной безслѣдною вблизи
Лилась, лилась, не отдыхая
Вдоль нескончаемой стези.

Твоею дружбой не согрѣта
Вдали шла долго жизнь моя

И словъ послѣдняго привѣта
 Изъ устъ твоихъ не слышалъ я.
 Размолвкой нашей недовольный
 Ты, можетъ, глубоко скорбѣлъ;
 Обиды горькой, но невольной
 Тебѣ простить я не успѣлъ.
 Никто изъ насъ не могъ быть злобенъ,
 Никто, тая строптивый нравъ,
 Былъ повиниться не способенъ,
 Но каждый думалъ, что онъ правъ.
 И ѣхалъ я на примиренье,
 Я жаждалъ искренно сказать
 Тебѣ сердечное прощенье
 И отъ тебя его принять...
 Но было поздно...

Въ день унылый,

Въ глухую осень, одинокъ
 Стоялъ я у твоей могилы
 И все опомниться не могъ.
 Я, стало, не увижу друга?
 Твой взоръ потухъ и навсегда?
 Твой голосъ смолкъ среди недуга?
 Меня отнынѣ никогда
 Ты въ часъ свиданья не обнимешь,
 Не молвишь въ проводъ ничего?
 Ты сердцемъ любящимъ не примешь
 Признаній сердца моего?
 Все кончено, все невозвратно—
 Какъ правды ужась не таи!
 Шептали что то непонятно

Уста холодныя мои
 И дрожь по тѣлу пробѣгала,
 Мнѣ кто то говорилъ укорь,
 Къ груди рыданье подступало,
 Мѣшался умъ, мутился взоръ,
 И кровь по жиламъ стыла, стыла...
 Скорѣй на воздухъ! дайте свѣтъ!
 О! это страшно, страшно было,
 Какъ сонъ гнетущій или бредъ.....

Я пережилъ—и вновь блуждаетъ
 Жизнь между дѣла и утѣхъ,
 Но въ сердцѣ скорбь не заживаетъ
 И слезы чуются сквозь смѣхъ.
 Въ наслѣдье мнѣ дала утрата
 Портретъ съ умершаго чела,
 Гляжу—и будто образъ брата
 У сердца смерть не отняла:
 И вдругъ мечта на умъ приходитъ,
 Что это только мирный сонъ;
 Онъ это спитъ, улыбка бродитъ,
 И завтра вновь проснется онъ;
 Раздастся голосъ благородный
 И юношамъ въ завѣтный даръ
 Онъ принесетъ и духъ свободный,
 И мысли свѣтъ, и сердца жаръ...—
 Но снова въ памяти унылой
 Рядъ урнъ надгробныхъ и камней
 И насыпь свѣжая могилы

Въ цвѣтахъ и листьяхъ, и надъ ней,
Дыханью осени послушна,—
Кладбища сторожъ вѣковой—
Сосна качаетъ равнодушно
Зелено-грустною главой,
И волны, берегъ омывая,
Бѣгутъ, спѣшать, не отдыхая.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ КОЛОКОЛУ.

Россія тягостно молчала,
Какъ изумленное дитя,
Когда неистово гнетя
Одна рука ее сжимала ;
Но тотъ, который что есть силъ
Ребенка мощнаго давилъ,
Онъ съ тупоуміемъ капрала
Не зналъ, что передъ нимъ лежало,
И мысль его не поняла
Какая есть въ ребенкѣ сила :
Рука—ее не задушила,
Сама съ натуги замерла.

Въ годину мрака и печали,
Какъ люди русскіе молчали,
Гласъ вопіющаго въ пустынь
Одинъ раздался на чужбинѣ ;
Звучалъ на почвѣ не родной—
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что изъ боязни

Онъ укрывался бы отъ казни ;
А потому, что здѣсь языкъ
Къ свободномыслию привыкъ
И не касался окова
До человѣческаго слова.

Привѣта съ родины далекой
Дождался голосъ одинокой,
Теперь юнѣй, сильнѣе онъ...
Звучить, раскачиваясь, звонъ,
И онъ гудѣть не перестанетъ,
Пока—спугнувъ ночные сны—
Изъ колыбельной тишины
Россія бодро не воспрянетъ,
И крѣпко на ноги не станетъ,
И непорывисто смѣла—
Начнетъ торжественно и стройно,
Съ сознаньемъ доблести спокойной,
Звонить во всѣ колокола.

ОТСТУПНИЦЪ.

(Посвящено гр. Р й)

Теперь идетъ существованье
 Съ однообразіемъ волны...
 Но мигъ случайный, намеканье—
 И будить вновь воспоминанье
 Давно утраченные сны.
 Такъ звукъ внезапный воскрешаетъ
 Всю пѣснь забытую—и вотъ
 Знакомый голосъ оживаетъ,
 Знакомый образъ возстаетъ ;
 Изъ за тумановъ ночи мрачной
 Восходитъ жизнь прошедшихъ лѣтъ,
 Облечена въ полу-прозрачный,
 Полу-задумчивый разсвѣтъ.

Все это только родъ вступленья,
 Чтобы сказать, что какъ то разъ,
 Тревожа тѣни изъ забвенья,
 Случайно вспомнилъ я о васъ.

Воскресло въ памяти унылой
 То время свѣтлое, когда
 Вы жили барышнею милой
 Въ Москвѣ, у чистаго пруда.
 Мы были въ той порѣ счастливой,
 Гдѣ юность началась едва,
 И жизнь нова, и сердце живо,
 И вѣра въ будущность жива.
 Дворомъ широкимъ проѣзжая,
 Къ крыльцу невольно торопясь,
 Скакаль, бывало, я—мечтая
 Увижу-ль васъ, увижу-ль васъ !

Я помню...(годы миновали !)...

Вы были чудно хороши,
 Черты лица у васъ дышали
 Всей юной прелестью души.
 Въ тѣ дни, когда неугомонно
 Искало сердце жаркихъ словъ,
 Вы мнѣ вручили благосклонно
 Тетрадь завѣтную стиховъ.
 Не помню—слогъ стихотвореній
 Хорошъ-ли, не хорошъ-ли былъ,
 Но ихъ свободы гордый геній
 Своимъ наитьемъ освятилъ.
 Съ порывомъ страстнаго участя
 Вы пѣли вольность, и слезой
 Почтили жертвы самовластя,
 Ихъ прахъ казненный, но святой.
 Листы тетради той завѣтной

Я перечитывалъ не разъ,
И снился мнѣ вашъ ликъ привѣтный,
И блескъ, и живость черныхъ глазъ.

Промчалась, полная невзгоды,
Отъ васъ далеко жизнь моя ;
Вашъ милый образъ въ эти годы
Какъ бы въ туманѣ помнилъ я.
И какъ то случай свелъ насъ снова
Въ порѣ печальной зрѣлыхъ лѣтъ...
Уже хотѣлъ я молвить слово,
Сказать вамъ дружескій привѣтъ ;
Но вы какому то французу
Свободу поносили вслухъ,
И русскую хвалили музу
За подлый складъ, за рабскій духъ.
Меня тогда вы не узнали,
И я былъ радъ : я увидалъ,
Какъ низко вы душою пали
И васъ глубоко презиралъ.
Скажите—въ этотъ вечеръ скушной,
Когда вернулись вы домой,
Ужель могли вы равнодушно
На ложѣ сна найти покой ?
Въ тиши угрюмой ночь глухая,
Тоску и ужасъ навѣвая,
Вамъ не шептала ли укоръ,
Что вы отступница святыни,
Что вы съ корыстью рабыни
Свой голосъ продали за вздоръ !

Мнѣ жалко васъ. Съ иною дамой
 Я разквитался-бъ эпиграммой ;
 Но передъ вами смѣхъ молчить
 И грозно рѣчь моя звучить :
 Покайтесь грѣшными устами,
 Покайтесь искренно, тепло,
 Покайтесь съ горькими слезами,
 Покуда время не ушло !
 Просите доблестно прощенья
 Въ измѣнѣ вѣтренной своей—
 У молодаго поколѣнья,
 У всѣхъ порядочныхъ людей.
 Давно разстроенную лиру
 Наладьте вновь на чистый строй ;
 Покайтесь,—вамъ быть можетъ міру
 Сказать удастся стихъ иной,—
 Не тотъ напыщенный, жеманный,
 Гдѣ дышетъ холодъ, вѣетъ тьма,
 Гдѣ все для сердца чужестранно
 И нестерпимо для ума ;
 Но тотъ, который, слухъ лаская,
 Звучалъ вамъ въ трепетной тиши
 Въ тѣ дни—когда вы, разцвѣтая,
 Такъ были чудно хороши.
 Не бойтесь снять съ себя личину
 И обвинить себя самихъ :
 Христось Марію Магдалину
 Поставилъ выше всѣхъ святыхъ !
 И нѣтъ стыда просить прощенья,
 И сердцу сладостно прощать...

И даже я на примиренье
Готовъ по правдѣ вамъ сказать—
И словъ моихъ тѣмъ не ослаблю :
Я-бъ и Клейнмихелю простилъ,
Когда-бъ онъ дѣвственную саблю
За безкорыстность обнажилъ.

У МОРЯ.

Дождь и холодъ! А ты все сидишь на скалѣ,
Посмотри на себя—ты босая!
Что на море глядишь? Въ это пасмурной мглѣ
Не видать словно ночью, родная!
Шла домой бы, ей богу!—

“О! я знаю за чѣмъ я сижу на скалѣ;
Что за нужда что сыро и скверно,—
А его различить я съумѣю во мглѣ,
Онъ сегодня вернется навѣрно.
Въ бурю ловля чудесна!

“Онъ когда уѣзжалъ, вѣтеръ страшно свисталъ,
Чайка сѣрая съ крикомъ летала;
Онъ мнѣ руку пожалъ, и смѣясь сказалъ:
Ты не бойся знакомаго шквала,
Въ бурю ловля чудесна!—

“Отвязаль онъ и лодку, и парусъ поднялъ,
Чайка сѣрая съ крикомъ летала;
Издалека еще онъ платкомъ мнѣ махалъ,
Буря лодку свирѣпо качала...
Въ бурю ловля чудесна!

“Вѣтеръ парусъ его на клочки изорвалъ,
Чайка сѣрая съ крикомъ летала;
И поднялся такой нескончаемый валъ,
Что я лодку за нимъ не видала.
Въ бурю ловля чудесна!

“Я по утру и днемъ, и въ полночь на скалѣ;
Что за нужда, что сыро и скверно,
А его различить я съумѣю во мглѣ,
Онъ сегодня вернется навѣрно.
Въ бурю ловля чудесна!”

РАЗЛУКА.

Ночь была прозрачна :
Мирный блекъ луны,
Синей мглы мерцанье,
Кротость тишины...
Нашей старой ивы
Не качался листъ
И висѣлъ безмолвно—
Свѣжъ и серебристь.
Думала я долго :
Живъ ли милый мой ?
Что то онъ не пишетъ
Съ стороны чужой !
Видно все не время,
Много все заботъ...
А вотъ мнѣ до утра
Сонъ на умъ нейдетъ.
Утро проглянуло
Золотымъ лучемъ,
Мнѣ въ окно пахнуло
Раннимъ вѣтеркомъ.

Нашей старой ивы
Встрепенулся листъ
Шорохомъ дрожащимъ—
Зелень и росистъ.
Встала я съ постели...
Что то милый мой ?
Скоро ли напишетъ
Съ стороны чужой ?

СЪ ТОГО БЕРЕГА.

Молчать. Топоръ блеснулъ съ размаха
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.

ПУШКИНЪ (Полтава).

На утесѣ на твердомъ сижу я и слушаю:
Море темное плещеть, колышется;
И хорошъ его шумъ и безрадостенъ,
Не наводитъ на помыслы свѣтлые.
Погляжу я на берегъ на западный—
И тоска беретъ, отвращеніе;
Погляжу я на дальній на востокъ—
Сердце бьется со страхомъ и трепетомъ.
Голова такъ и клонится на руки,
И я слушаю, слушаю волны—да думаю,
А что думаю—говорится вслухъ,
Не то оно пѣсня, не то сказаніе.

Погляжу я на берегъ на западный,—
Вотъ что было тамъ, что случилось.

Мерзлымъ утромъ рано-ранехонько
Выступали полки, шли по улицѣ;
Громко конница шла, стуча копытами,
Мѣрно пѣхота шла, разъ въ разъ, не сбиваясь;
Гуль тяжелый неся отъ поступи.
Барабаны трещали безъ умолку,
Впереди несли знамя военное,
А на знамени орелъ сидить,
А орелъ—птица кровожадная!
И пришли полки, стали на площадь,
Середь улицы плаха воздвигнута.
За полками народу тьма тьмущая;
Всѣ на плаху глядятъ и безмолствуютъ,
Тишина была страшная, гробовая.
Вотъ на площадь ввели двухъ колодниковъ
Что задумали подорвать кесаря;
Не хотѣли они орла кровожаднаго,
Али ястреба, падалью сытаго.
Вотъ ввели ихъ двухъ колодниковъ,
А ввели ихъ со солдатами,
А солдаты со саблями съ обнаженными,—
Для двухъ скованныхъ сила грозная!
И пришли они два колодника,
По морозцу пришли босоногіе;
Два попа имъ лгали милость божію.
И пришли они два колодника,
А затылки у нихъ острижены,
Топору чтобъ помѣхи не было.
И надѣли на нихъ на колодниковъ
Покрывало черное на каждого:
За отцеубійство казнить ихъ велѣно.

Да отецъ то гдѣжъ, вы скажите мнѣ?
 Развѣ тотъ отецъ, кто казнить велить,
 Кто казнить велить а не миловать?
 Ахъ, лжецы вы, лжецы окаянные!
 Погляжу на васъ да послушаю,—
 Такъ съ отчаянья индо смѣхъ беретъ.

И пошли на плаху колодники,
 Шли спокойно они и безропотно,
 Передъ смертью только воскликнули:
 “Эхъ! да здравствуетъ наша родина
 И другая страна, столь любимая,
 Гдѣ теперь мы слагаемъ головы,
 А въ любви къ ней не раскаялись!”
 И попадали обѣ головы.
 И палачъ склалъ обѣ головы въ мѣшокъ,
 А безглавыя тѣла повалилъ на телѣгу,
 Повезли спозаранку къ ночлегу.

И безмолвный народъ по домамъ пошелъ,
 Кто понурясь пошелъ съ горькой горестью,
 А иной былъ радъ, что богъ милость далъ
 Увидать на вѣку дѣло рѣдкое.
 Постояли полки,—дѣлать нечего,
 И пошли опять стройной выстройкой,
 Только гулъ стоналъ отъ ихъ поступи.
 Впереди несли знамя военное,
 А на знамени орелъ сидить,
 А орелъ—птица кровожадная!

Кровожадная она и не новая:
 Въ стары годы ее на знамени

Гордо-лютые носили Римляне.
 И у нихъ былъ Брутъ, убилъ кесаря,
 И была ему слава великая.
 Да не въ прокъ пошло убіеніе,—
 Самъ народъ былъ рабъ, по душѣ былъ рабъ,
 И пошли все кесари да кесари;
 Много крови лилось человѣческой...
 Сказка старая, невеселая!

Погляжу я на дальній на востокъ :
 Тамъ мое племя живетъ, племя доброе.
 Кесарь хочеть ему самъ свободу дать,
 Хочеть самъ да побаивается.
 Если кесарь самъ намъ свободу дастъ,
 Онъ не кесарь—новый духъ святой!
 Ну! да какъ же кесарю намъ свободу дать?
 У него всежь орель на знамени :
 Духъ святой являлся въ видѣ голубя,—
 А орель—птица кровожадная!
 Вѣрить хочется и не вѣрится,
 Съ думы сердце въ груди надрывается.

И все жаль мнѣ ихъ—этихъ двухъ людей,
 Что сложили свои головы
 Такъ спокойно и такъ доблестно,
 Передъ смертью только воскликнули :
 “Эхъ! да здравствуетъ наша родина
 И другая страна, столь любимая,
 Гдѣ теперь мы слагаемъ головы,
 А въ любви къ ней не раскаялись!”

Моя пѣсня—не просто сказаніе.
 Моя пѣсня—надгробное рыданіе

По людямъ, убіеннымъ за родину,
 За любовь къ волѣ человѣческой,
 По мученикамъ, по праведнымъ,
 Святой вольности угодникамъ.
 Моя пѣсня—не просто сказаніе,
 Моя пѣсня—надгробное рыданіе:
 Изъ груди она съ болью вырвалась,
 Отъ глубокой тоски сказалася...
 Ты лети-жь, моя пѣсня скорбная,
 Черезъ море, море шумное,
 Долетай до людскихъ ушей
 Пусть ихъ слушаютъ хотя-не-хотя.
 Кто въ душѣ грѣшонъ—тотъ пусть бѣсится,
 До него мнѣ и дѣла нѣтъ;
 А прямая душа—пусть прочувствуетъ,
 Горькой думою призадумается.
 А не тронешь изъ ~~ни~~ ^{ни}единого, — *ни*
 Лучше-жь, пѣсня ты моя скорбная,
 Потони ты въ плескѣ волнъ морскихъ,
 Безъ слѣда развѣйся по вѣтру.

ОСЕНЬЮ.

Какъ были хороши порой весенней вѣги—
И свѣжесть мягкая зазеленѣвшихъ травъ,
И листьевъ молодыхъ душистые побѣги
По вѣтвямъ трепетнымъ проснувшихся дубравъ,
И дня роскошное и теплое сіянье,
И яркихъ красокъ нѣжное сліянье!

Но сердцу ближе вы осенніе отливы,
Когда усталый лѣсъ на почву сжатой нивы
Свѣваетъ съ шопотомъ пожелклые листы,
А солнце позднее съ пустынной высоты,
Унынья свѣтлаго исполнено, взираетъ...
Такъ память мирная безмолвно озаряетъ
И счастье прошлое и прошлыя мечты.

ИСКАНДЕРУ.

(1858 года).

Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ,
 Когда я былъ юношей страстно-мятежнымъ,
 И въ возрастѣ зрѣломъ, со старостью смѣжномъ, —
 Всю жизнь мнѣ все снова, и снова, и снова
 Звучало одно неизмѣнное слово :
 Свобода ! Свобода !

Измученный рабствомъ и духомъ унылый
 Покинулъ я край мой родимый и милый,
 Чтобъ было мнѣ можно, на сколько есть силы,
 Съ чужбины до самаго края роднаго
 Взывать громогласно завѣтное слово :
 Свобода ! Свобода !

И вотъ на чужбинѣ, въ тиши полунощной,
 Мнѣ издали голосъ слышался мощный...
 Сквозь вьюгу сырую, сквозь мракъ безпомощный,
 Сквозь всѣ завыванія вѣтра ночнаго,
 Мнѣ слышится съ родины юное слово :
 Свобода ! Свобода !

И сердце, такъ дружное съ горькимъ сомнѣньемъ,
 Какъ птица изъ клѣтки, простясь съ заточеньемъ,
 Зыграло впервые отраднымъ бѣньемъ,
 И какъ то торжественно, весело, ново
 Звучить теперь съ дѣтства знакомое слово :
 Свобода ! Свобода !

И все то мнѣ грезится—снѣгъ и равнина,
 Знакомое вижу лицо селянина,
 Лицо бородатое, мощь исполина,
 И онъ говоритъ мнѣ, снимая оковы,
 Мое неизменное, вѣчное слово ,
 Свобода ! Свобода !

Но еслибъ грозила бѣда и невзгода
 И рукъ для борьбы захотѣла свобода, —
 Сей часъ полечу на защиту народа,
 И если паду я средь битвы суровой,
 Скажу, умирая, могучее слово :
 Свобода ! Свобода !

А еслибъ пришлось умереть на чужбинѣ,
 Умру я съ надеждой и вѣрою нынѣ ;
 Но въ мигъ передсмертный—въ спокойной кручинѣ
 Не дай мнѣ остынуть безъ звука святаго,
 Товарищъ, шепни мнѣ послѣднее слово :
 Свобода ! Свобода !

НАПУТСТВІЕ.

Научите немудрыхъ.

Евангеліе.

Забудь унынія языкъ !
Хочу—по мимо произвола
Чтобъ ты благоговѣть привыкъ
Передъ святынею глагола.

Мнѣ надо, чтобы съ усть твоихъ,
Непразднословныхъ и не лживыхъ,
Звучалъ потокъ рѣчей живыхъ,
Какъ разумъ ясныхъ и правдивыхъ.

Отбрось рабовъ обычныхъ школь—
И книжника и фарисея :
Предъ ними истины глаголь
Проходить, власти не имѣя.

Учи того, кто не успѣлъ
Съ ума сойти въ ихъ жизни дикой,
Кто жаждетъ искренень и смѣлъ
Разсудка простоты великой.

Глаголь—орудіе свободы,
Живая жизнь, которой днесъ
И вѣчно движутся, народы...
Проникнись этой мыслью весь!

Готовъ ли?...Ну! теперь смотри—
Ступай по городамъ и сѣламъ
И о грядущемъ говори
Животрепещущимъ глаголомъ.

ВЕСНОЮ.

Весною и зеленью пахнетъ въ саду,
Брожу я въ какомъ то чаду...
Что дѣлать?... Я по просту лягу въ траву,
Я грѣзить хочу на яву,
Чтобъ было дышать хорошо и раздольно
И на сердцѣ ясно и вольно.

Но вотъ что бѣда—если вспомнишь какъ жилъ,
Напрасно страдалъ и любилъ,
Да вздумаешь нехотя, такъ—невзначай,
Отбросивъ мечтаемый рай,
Что родъ человѣческій—дикъ и безплоденъ,
Не будетъ, не будетъ свободенъ;—
Такъ лучшебъ ужъ въ этой травѣ задремать—
Да такъ, чтобъ потомъ не вставать.

Я помню въ тиши яснолунныхъ ночей
Съ утеса катился ручей,
Серебряной нитью чиста, холодна
Сверкала, сверкала волна,
Серебряной нитью чиста, холодна
Шумѣла, шумѣла она.
И видя паденія трепетный блескъ,
И слушая трепетный плескъ,—
На сердце безвыходно странно-тяжка
Ложилась нѣмая тоска.

Внизу отъ утеса—широко-ровна
Шла степь—и по ней тишина,
И сколько бы гулъ отъ ручья ни звучалъ,
Но въ этой дали пропадалъ.
И глядя сквозь мглу и мерцанье окрестъ
Въ пустынную тишь этихъ мѣстъ,
И глядя все выше и выше отъ нихъ
Въ пустыню небесъ голубыхъ,—
На сердце безвыходно странно-тяжка
Ложилась нѣмая тоска.

ЛѢТОМЪ

Мой другъ, не вижу я средь англійскихъ полей
Станицы сторожкой высокихъ журавлей,
И посвистомъ тройнымъ въ травѣ всегда скошенной,
Не свищетъ перепѣлъ, отрадно затаённый,
Не стонетъ коростель въ вечерней тишинѣ ;
Одинъ—космополитъ—трепещетъ въ вышинѣ,
Какъ точка малая, веселый жаворонокъ,
И здѣсь его напѣвъ все также чистъ и звонокъ ;
Да воробей еще—другой космополитъ—
По кровлямъ и въ садахъ и скачетъ и пищитъ.
На Темзѣ не видать, чтобъ дикихъ утокъ стая
Садилась на воду, кругами налетая ;
Ручные лебеди надъ грязью тусклыхъ водъ
Одни бѣлѣются, минуя пароходъ.
Сурово осудилъ невинныя созданья
Жестокій человекъ на дальнія изгнанья,
Пугая злобно ихъ и силой и враждой,
И смертью дикою—за не онъ царь земной.
За то промышленность развита у народа,
И рабство тайное, и для иныхъ свобода ;

Все это хорошо, я скоро въ прозѣ самъ
Развитію хвалу торжественно воздамъ.

Но сердцемъ я дикарь! Мнѣ хочется на лоно
Раздольной роскоши моихъ родныхъ степей,
Гдѣ взору нѣтъ конца до края небосклона,
Гдѣ дремлетъ въ знойный день станица журавлей,—
Одинъ на сторожѣ стоитъ поднявши ногу
И въ мигъ опасности готовъ поднять тревогу;—
Гдѣ слышенъ дергача протяжный, грустный стонъ,
Когда уходитъ день за дальній небосклонъ;
Гдѣ перепѣлъ свиститъ, таясь въ зеленомъ морѣ
Некошенной травы; гдѣ жить имъ на просторѣ
Привольно и легко, при ясномъ, тепломъ днѣ,
Въ благоухающей, безбрежной сторонѣ.

Иль нашъ дремучій лѣсъ, и шумъ и колыханье,
И въ чащѣ пѣнье птицъ, и пчелъ и мухъ жужжанье...
И вновь мнѣ хочется, чтобъ мирно безъ тревогъ
Въ тѣнистой зелени я заплутаться могъ,
Дождаться вечера... Закатъ въ мерцаньи дальнемъ
По листьямъ золотымъ блеститъ лучемъ прощаль-
За птицей птица вслѣдъ смолкаетъ въ тишинѣ [нымъ,
И лѣсъ таинственный почиетъ въ свѣжемъ снѣ;
Одни кузнечики, по вѣтренной привычкѣ,
Трепещутъ у корней въ болтливой переключкѣ,
Да гдѣ то явственнѣй становится слышна
Ручья журчащаго безсонная волна.
И жду я мѣсяца... Онъ всталъ надъ лѣсомъ мглистымъ,
Прокрался сквозь вершинъ отливомъ серебристымъ,
И призрачно встаютъ, какъ бы изъ міра грѣзъ,
Всѣ бѣлые стволы развѣсистыхъ берѣзъ,

Задумчиво въ тиши понурились вѣтвями
И робко шепчутся пахучими листьями...
Но мѣсяць клонится, свѣтлѣй лѣсная мгла,
Проснулась иволга, жужжа летитъ пчела,
И вновь разбуженный алѣющей зарёю
Заколебался лѣсъ подъ влажною росю.

ТЮРЬМА.

(Отрывокъ изъ моихъ воспоминаній)

1.

Мнѣ было двадцать лѣтъ едва,
Кровь горячо текла по жиламъ,
Трудилась пылко готова
И все казалось по силамъ :
Жизнь міра, будущность людей
Все было тутъ... Но въ мысли каждой
Свободы благородной жаждой,
Я былъ проникнуть до ногтей ;
Врагъ угнетателей бездарныхъ
И просвѣтителей коварныхъ, —
Я вѣрилъ здравому уму,
Но не завѣту ничьему,
И было въ доблестномъ безвѣрьи,
Въ безстрашьи мысли молодой —
Поболѣе любви живой,
Чѣмъ въ ихъ холодномъ лицемѣрьи.

2.

Широкій, плоскій дворъ. Кругомъ
Заборъ съ рѣшеткою желѣзной.
Середь двора высокій домъ,
Гдѣ вѣкъ проводятъ бесполезно
Полки замученныхъ солдатъ,
Всю жизнь готовясь на парадъ.
Покои—точно корридоры—
Темны, и длинны ; тускло взоры
Кроватей видятъ два ряда ;
На каждой войлокъ безобразный,
Въ ночи унылой отдыхъ грязный
За днемъ бесплоднаго труда,
А воздухъ тамъ и спёртъ и смраденъ...
Нѣтъ ! вѣкъ солдата не отраденъ !—
Бывало утромъ на зарѣ—
Глядишь въ окно на дворъ широкій,
А ужъ ученье на дворѣ,
То есть одинъ дуракъ высокій
Въ рядъ ставить двадцать дураковъ
И, подъ рычанье глупыхъ словъ,
Шагать ихъ учить, чтобъ не смѣли
Пошевелинуться головой,
Ну ! чтобы такъ ходить умѣли—
Какъ и не ходить родъ людской.
Съ какою радостью пріятной,
Съ какою злобой непонятной—
Противной даже во врагѣ—
Онъ билъ солдата по ногѣ !

И я глядѣль съ нѣмой тоскою,
 И скорбно думалъ той порою—
 Точь въ точь какъ думаю теперь—
 Что человѣкъ ужасный звѣрь.

3.

Но возлѣ комнатъ этихъ длинныхъ
 Тамъ было комнатъ пять—едва
 Въ длину шести-семи аршинныхъ,
 А въ ширину быть можетъ въ два.
 Въ одну изъ нихъ меня кварталный
 Привезъ въ полночи часъ печальный.
 За чѣмъ не днемъ? Какъ это знать?
 Такъ... все таинственности ради,
 Чтобъ арестанта запугать,
 Признаній выманить тетради;
 Но никакой расчетъ пройдохъ
 Не могъ застать меня въ расплохъ.
 По волѣ предписаній дикихъ,
 Въ одной изъ комнатъ не великихъ
 Я очутился въ заперти.
 Кровать, да столъ, да стулъ убогой,
 Да чтобы я не могъ уйти
 Былъ часовой поставленъ строгой
 У двери, запертой на ключъ,
 Какъ будто я былъ такъ могучъ,
 Что могъ бы вырваться оттуда
 Безъ сверхъ-естественнаго чуда.
 Но тутъ не все : въ двери окно

И часовому знать дано,
 Чтобъ онъ смотрѣлъ—за чѣмъ, не знаю—
 Что я въ тюрьмѣ предпринимаю,
 И онъ въ окно смотрѣлъ не разъ,
 Безумно вѣруя въ приказъ.

Но не имѣли впечатлѣнья
 На жизнь мою въ тюрьмѣ моей
 Всѣ эти мелкія гоненья
 Моихъ невинныхъ палачей.
 Мой сторожъ сталъ мнѣ добрымъ другомъ ;
 Привычный властвовать испугомъ
 Передъ смотрителемъ онъ лгалъ,—
 Я все имѣлъ, чего желалъ.
 Изъ угля дѣлалъ я чернилы,
 Писалъ на что хватало силы ;
 Скажу себѣ я не въ укоръ :
 Писалъ я вѣроятно вздоръ ;
 Но я—поклонникъ Сен-Симона—
 Тогда грядущаго закона
 Отъ всей душевной полноты
 Чертилъ ~~онъ~~ важныя черты. *Онъ*
 Писалъ—не съ тѣмъ, чтобы таиться,
 Нѣтъ ! передъ подленькимъ судомъ
 Я вдохновеннымъ языкомъ
 Безумно думалъ обличиться,
 Всю мысль былъ высказать готовъ
 Предъ сонмомъ хитрыхъ пошлецовъ.
 Порой среди ночнаго бдѣнья,
 Глухаго полный вдохновенья—
 Я въ старой библии гадалъ

И только жаждалъ и мечталъ,
 Чтобъ вышли мнѣ по волѣ рока—
 И жизнь, и скорбь, и смерть пророка.
 Мнѣ не забыть во вѣкъ вѣковъ,
 Безумно—сладостныхъ часовъ,
 Когда царя тупая сила
 Во мнѣ живую жизнь будила.

4.

Среди восторга тайныхъ думъ,
 Порой я чувствовалъ глубоко—
 Какъ тяжело жить одиноко,
 И становился я угрюмъ.
 Но мнѣ отрады лучъ въ неволѣ
 Блеснулъ: въ недѣлю разъ не болѣ
 Ко мнѣ мой дядя ѣздить сталъ;
 Его я въ правду уважалъ.
 Свободы былъ бы онъ ораторъ
 Въ иной, не рабской сторонѣ;
 У насъ онъ только былъ сенаторъ,
 Былъ врагъ душевной кривизнѣ,
 А все же прожилъ вѣкъ безплодно
 Въ борьбѣ, средь мелкаго труда,—
 Какъ то бываетъ всегда
 Тамъ, гдѣ и мыслить несвободно.
 Миръ праху твоему старикъ!
 Успѣхъ былъ малъ, а трудъ великъ.
 Когда тебѣ въ воспоминанье
 Изъ глазъ моихъ слеза текла,

Невольной скорби воздаянье,
 Повѣрь—она всегда была
 И откровенна и тепла.

5.

Еще я помню посѣщенье...
 У насъ гусарскій полкъ стоялъ;
 Бывало конное ученье,
 И часто средь двора кричалъ,
 Забавно, голосомъ пискливымъ,
 Красуясь на конѣ ретивомъ,
 Огромный, толстый генералъ.
 Разъ, недовольный эскадрономъ
 Съ отчаянья почти со стономъ
 Взглянулъ онъ къ верху—къ небесамъ;
 По до небесъ на пол-дорогѣ,
 Взоръ останавливая строгій
 На окнахъ,—у одной изъ рамъ
 Онъ, аррестанта наблюдая,
 Дивясь, вдругъ узналъ меня.
 Съ отцомъ знакомство вспоминая
 И долгъ приличія цѣня,
 Онъ тотчасъ добылъ позволенье
 И посѣтилъ мою тюрьму.
 Пришлось его благоволенье
 Прискорбнымъ сердцу моему!
 Онъ былъ, конечно, малый честный,
 По кавалеріи извѣстный,
 По долгомъ счелъ онъ миѣ урокъ

Прочестъ, похожій на упрекъ.
 Бранилъ и очень оскорблялся—
 За чѣмъ въ тюрьму я такъ попался,
 За чѣмъ любилъ моихъ друзей,
 За чѣмъ не понялъ жизни всей,
 Къ чему весь образъ мыслей вольной?...
 Вотъ онъ—знакомствъ имѣлъ довольно,
 Знакомства почиталъ за честь,
 А друга не хотѣлъ завести;
 За то—какъ доблести ни малы—
 А вышелъ скоро въ генералы,
 И еслибъ былъ я не простакъ—
 И мнѣ бы надо дѣлать такъ.
 Я жъ молча думалъ: безъ участья,
 Безъ чувствъ, безъ мыслей и безъ счастья,
 И даже, можетъ безъ похваль—
 Помрешъ ты глупый генераль!

6.

Приходить (хоть не очень чинно)
 Въ воспоминаніе мое—
 Какъ бабы на веревкѣ длинной
 Сушили мокрое бѣлье.
 Одна изъ нихъ мое вниманье
 Влекла, не знаю почему:
 Волось ли русскихъ колебанье
 Пришлось по праву моему,
 Иль глазъ лазурныхъ взглядъ унылый,
 Смотрѣвшихъ грустно на меня,

Иль тихій свѣтъ улыбки, милой
 Какъ утро радостнаго дня,—
 Но что то къ ней меня манило...
 То были ль призраки любви...
 Иль просто жаръ бродилъ въ крови,—
 Но часто ночью мнѣ мечталось,
 Что дверь тихонько отворилась,
 И робко шла ко мнѣ она—
 Голубоокая жена,
 И вдругъ бросалась мнѣ на шею,
 Я счастливъ я,дохнуть не смѣю...
 И увидавъ, что это сонъ
 Я былъ глубоко удрученъ.
 Свѣчу печально зажигаю,
 Съ постели трепетно вставая,
 Я строгость мысли призывалъ,
 И снова въ библии гадалъ,
 Чтобъ вышли мнѣ по волѣ рока
 И жизнь, и скорбь и смерть пророка.

7.

Но капитанъ, казармъ смотритель,
 Порою другъ, порой гонитель,
 Съ меня немного взятки взявъ,
 Вдругъ возымѣлъ пріятный нравъ.
 Къ себѣ сталъ въ гости звать не рѣдко,
 Поилъ не дорогимъ виномъ;
 Его супруга какъ насѣдка,
 Сидѣла съ нами вечеркомъ,

Кудяхтая о чемъ то сложно,
 О томъ, что жить едва возможно,
 Все дорого... чтобъ лучше жить
 Мнѣ имъ бы надо пособить....—
 Четы уныло гарнизонной
 Я не хочу винить никакъ:
 Все жъ капитанъ мой благосклонный
 Былъ малый добрый, но бѣднякъ.
 Но, боже мой, какъ скучно было
 Къ нему ходить! И какъ меня
 Его присутствіе томило—
 Грустнѣй печальнѣшаго дня,
 Какъ съ ними часъ побывъ, ей богу,
 Стремился я въ свою берлогу,
 Чтобъ о грядущемъ, одинокъ,
 Я вновь свободно думать могъ.

8.

Шли дни за днями слѣдомъ скучнымъ;
 Уже за лѣтомъ пыльно-душнымъ
 Дожди осенніе пошли;
 Потомъ, остынувъ, съ неба тучи
 Накинули поверхъ земли
 Въ холодныхъ хлопьяхъ снѣгъ сыпучій,
 И побѣлѣлъ широкій дворъ.
 Все стало пусто, молчаливо,
 И только рѣдко видѣлъ взоръ,
 Какъ офицеръ нетерпѣливой—
 Въ саняхъ къ подъѣзду сквозь мятель,

Спѣшилъ, закутавшись въ шинель.
 Терялось время въ скукѣ дикой,
 Хоть и трудилась голова...
 Но праздникъ наступалъ великой—
 И вотъ канунъ былъ рождества.
 Вдругъ входитъ сторожъ въ часъ полночной...
 “Какъ?” говоритъ, “ты баринъ мой
 И въ праздникъ будешь также точно—
 Одинъ, какъ каторжный какой?
 Вздоръ, вздоръ! Никто мѣшать не смѣетъ,
 Пойдемъ въ казарму... Ни по чемъ
 Намъ часовой. Пойдемъ вдвоемъ
 Такъ просто смѣлымъ богъ владѣетъ.
 Повѣрь, въ казармѣ всякъ солдатъ
 Тебѣ какъ другу будетъ радъ.”—
 Вотъ пропустилъ, хоть и замѣтилъ
 Насъ часовой, такъ раза два
 Тревожно кашлянувъ едва.
 Солдатъ меня въ казармѣ встрѣтилъ
 И обнялъ, а потомъ другой,
 И самъ фельдфебель обнялъ братски...
 Я былъ имъ братъ, былъ имъ родной,
 Да! это праздникъ былъ солдатскій
 И праздникъ истинный былъ мой!
 Въ казармѣ длинной колебались
 Лучи лампы, чуть блестя,
 Со мной солдаты обнимались,
 А я—я плакалъ какъ дитя!
 Хотя порой фельдфебель грозный
 Въ побояхъ видитъ долгъ серьезный,

Хоть косо смотритъ часовой
 На узника, боясь побой;
 Но всёжь солдатъ нашъ и не злобень,
 Да и къ шпіонству не способень,
 Не смотрятъ братья мужика
 На угнетенныхъ свысока.
 Пускай французъ, поклонникъ власти,
 Народъ рабочій рветъ на части,
 Пусть нѣмецъ, воинъ-патріотъ,
 Бездушно душитъ свой народъ
 Изъ чувства дисциплины глупой;
 Но всѣ вы генералы отъ—
 Чего угодно—свой расчетъ
 У насъ ведете очень тупо:
 Рожденъ солдатъ нашъ добрякомъ,
 Не встанетъ братъ противу брата
 И не удастся палачёмъ
 Вамъ сдѣлать русскаго солдата!

9.

Когда жъ вернулся я въ тюрьму
 И мнѣ пришлось быть одному
 Въ ночи безмолвной и унылой,—
 Не палъ я духомъ. Новой силой
 Я былъ исполненъ...Мигъ святой!
 То было тайное сознанье,
 Что я народу не чужой!—
 Что мнѣ тюрьма и что изгнанье?...

Весь этот пошлый вздоръ пройдетъ,
 И часъ придетъ, и часъ пробьетъ—
 Мы свергнемъ рабской жизни муку —
 И мнѣ мужикъ протянетъ руку.
 Вотъ что мнѣ надо ! для того
 Готовъ стерпѣть я безъ печали
 Тюрьму и ссылку въ страшной дали
 И все мнѣ это ничего.

Но спать не могъ я отъ волненья
 И сталъ въ раздумьи у окна :
 Какой морозъ и тишина !
 Широкий дворъ средь заустѣнья
 Лежалъ весь бѣлый, и луна
 Надъ нимъ свѣтилася блѣдна.
 Могилой вѣяло...Шагая
 Одинъ метался какъ живой,
 Себя упорно согрѣвая,
 Предъ воротами часовой.
 Я съ тайнымъ чувствомъ содроганья
 Смотрѣлъ на снѣгъ, на лунный свѣтъ,—
 Какъ будто нѣтъ намъ упованья,
 Какъ будто выхода намъ нѣтъ !
 Мы на людскомъ пиру не гости,
 Кровь наша стынеть, мерзнуть кости
 И гробовая тишина
 Судьбою намъ обрѣчена.

Не ночь одну въ тоскѣ глубокой,
 Безъ сна, глядя на дворъ широкий,
 На мертвый снѣгъ, на лунный свѣтъ—
 думалъ, что надежды нѣтъ !

Но чтобъ разрушить власть могилы
 Сбираль всё внутреннія силы
 И въ старой библии гадалъ
 И снова жаждалъ и мечталъ,
 Чтобъ вышли мнѣ по волѣ рока—
 И жизнь, и скорбь, и смерть пророка.

10.

Съ тѣхъ поръ прошло такъ много лѣтъ,
 Царь Николай—какъ былъ—въ мундирѣ
 И не лишенный эполетъ,
 Гниётъ себѣ въ подземномъ мірѣ ;
 Давно мой толстый генераль
 Прилично богу духъ отдалъ,
 И капитанъ мой, при кончинѣ,
 Чай въ гробъ сошелъ въ маіорскомъ чинѣ :
 А я, выносливый пѣвецъ,
 Тружусь посильно издалёка,
 Уже безъ гордости пророка,
 Но тотъ же искренній боецъ,
 Тружусь чтобъ стали наконецъ
 И правосудье, и свобода—
 Удѣломъ русскаго народа.

				Стр.
			...	1
			...	2
			..	4
			...	5
			...	6
			...	8
			...	9
			...	10
			...	11
			...	12
			...	13
			...	14
			...	15
			...	16
			...	18
			...	19
			...	20
			...	21
			...	22
Въ альбомъ	24
Младенецъ	26
Прометей	28
Обыкновенная повесть	31
Юморъ	33

Н
Сб
И
И
Чт
И

Ц:
И
Гв
Да
Щ
И
Ча
Ая
Тр
Уя
Нс
Тр
И
Уд

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Друзьямъ	1
Старый Домъ...	2
Кремль	4
Путникъ	5
Деревенскій сторожъ	6
Gute Gesellschaft	8
Fashionable	9
Вѣчерь	10
Къ Д***	11
Много грусти...	12
Когда тревогою безплодной	13
Встрѣча	14
Она никогда его не любила	15
Фантазія	16
Звуки	18
Къ***	19
Полдень	20
Кабакъ	21
Nocturno	22
Въ альбомъ	24
Младенецъ	26
Прометей	28
Обыкновенная повѣсть	31
Юморъ	33

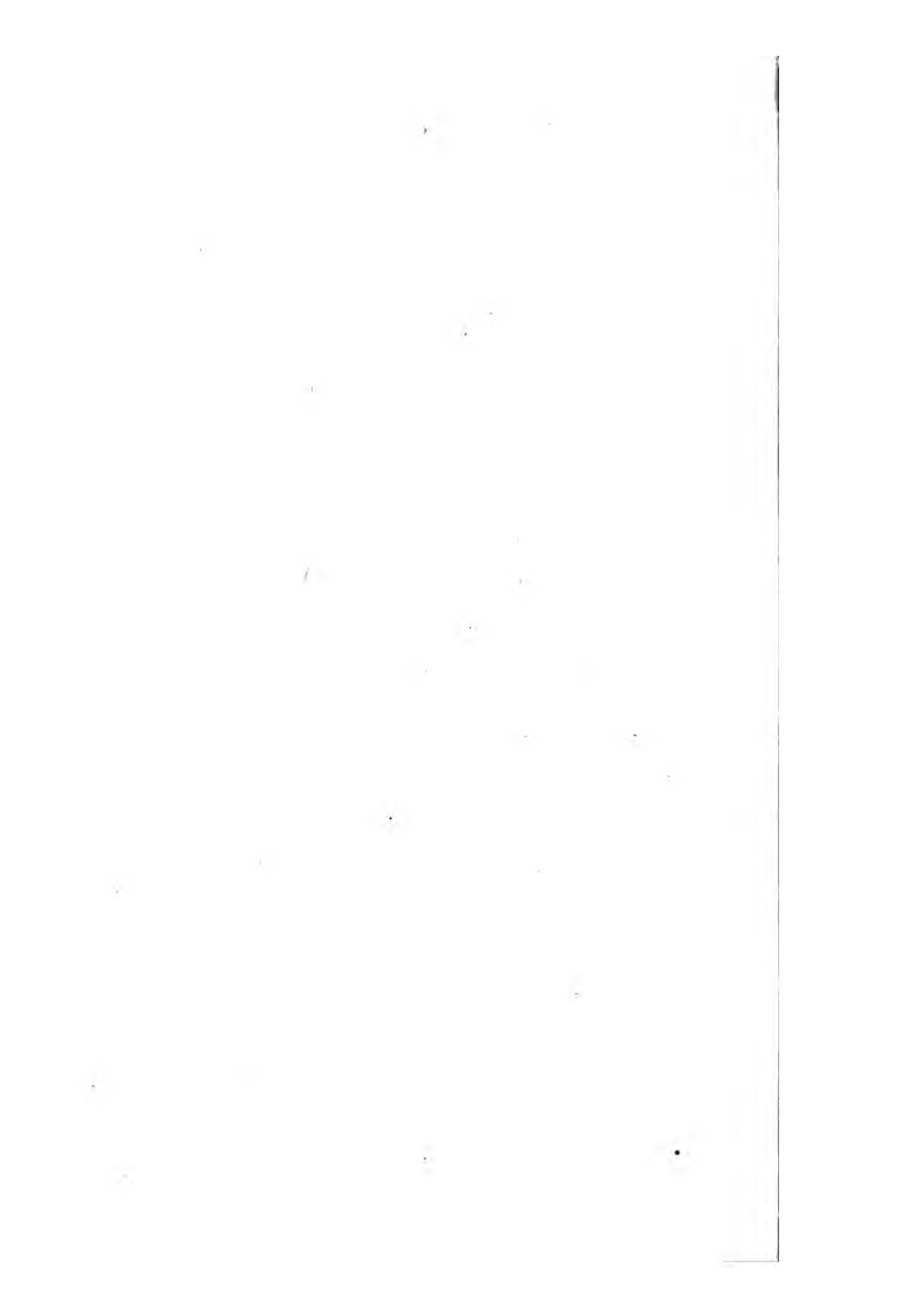
Изба	143
Неаполь	145
Gasthaus zur Stadt Rom...	153
Характеръ	157
Дилижансъ	159
Сосѣдкѣ	161
Стучу—миѣ двери отперъ ключикъ старый	163
Дорога	164
На сѣверѣ туманномъ и печальномъ...	165
Aurora-Walzer	166
Я помню робкое дыханье...	167
Весна	168
Еще любви безумно сердце просить	170
Къ подъѣзду!—Сильно за звонокъ рванулъ я—	171
Въ пирахъ безумно молодость проходить	173
Исповѣдь	174
Домой я воротился очень поздно	175
По тряской мостовой я ѣхалъ молча	176
Когда встрѣчаются со мной	177
На морѣ	178
Livorno	179
Ночь	180
На сонъ грядущій	181
Стансы (изъ Байрона)	182
У моря (изъ Гейне)	183
Хандра	184
Я наконецъ оставилъ городъ шумный...	185
Къ**	187
Монологи	189
Разговоръ (изъ Мицкевича)	194
Бываю часто я смущенъ внутри души	195
Fatum	196
Забыто	198
Совершеннолѣтіе	200
Искандеру	202
Упованіе	203
1849 годъ	206
Портреты	207

Die Geshichte	208
Арестантъ	209
На нашъ союзъ святой и вольной	211
Воспоминаніе дѣтства	212
И—ру	213
Augora Musae Amica	214
Старикъ, какъ прежде въ часъ привычный	216
Купанье	218
Кавказскому офицеру	220
Сплинъ	221
Опять знакомый домъ, опять знакомый садъ	224
Африка	225
Бѣгство	230
207 Проклятъ бы могъ свою судьбу	232
Первая любовь	233
Старикъ	234
Кокеткѣ	235
Барышня	237
На мосту	239
Къ Лидіи	240
Весною	241
Ты сѣтуешь, что послѣ долгихъ лѣтъ	242
Зимній путь	243
Немногимъ	265
Ночь	266
Будущность	286
Господинъ (Повѣсть)	288
Сны	338
И—ру	371
Воспоминаніе	373
Nocturno	374
Сушь и Дождь	383
Мертвому другу	386
Предисловіе къ Колоколу	390
Отступницѣ	392
У моря	397
Разлука	399

Съ того берега	401
Осенью	406
Искандеру (1858)	407
Напутствіе	409
Весною	411
Лѣтомъ	413
Тюрьма (отрывокъ изъ моихъ воспоминаній)	416

ГЛАВНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Читай
43.	21.	лѣсу . . .	лѣту
141.	3.	. и— . . .	ихъ
184.	5.	ищемъ . . .	ищешъ
220.	7.	догль . . .	долгъ
226.	13.	стоя . . .	стая
232.	1.	Проклясь . . .	Проклясть
249.	7.	Хвитаись . . .	Хватились
251.	28.	прижатый. . .	прижатый,
260.	22.	вѣкъ . . .	край
267.	7.	Блеснула . . .	блеснули
291.	21.	мечтая. . .	мечтая,
331.	2.	дровяхъ . . .	дровняхъ
377.	27.	сердцѣ выдохло. сердце выдохлось	
394.	29.	корыстью . . .	корыстію
397.	3.	это . . .	этой
405.	17.	А не тронешъ изъ ни единого	
		А не тронешъ изъ нихъ ни единого	
419.	21.	онъ важныя . . .	отважныя
431.	14.	Проклять . . .	Проклясть

UNIVERSAL PRINTING ESTABLISHMENT:
Zeno Swietoslowski, 178-179, High Holborn.—London.

750604

